23-1-14

ЖУРНАЛ «РОДИНА»

в 1993 году в основных рубриках публикует :

Наше исследование. *Земства в России. История казачества. Феномен старообрядчества. Великое Княжество Литовское. Жена Муссолини — подруга Ленина.*

Начало. *Праславяне — кто они? Была ли письменность у славян? Принятие христианства: благо или зло? Куда исчезли половцы и печенеги? Откуда пошла земля русская?*

Антигерои. *Марина Мнишек, Аракчеев, Шуйский, Берия...*

Из истории российских партий. *Анархисты. Дашнаки. Максималисты.*

Фото Виктора Грицюка

Сто народов России. *Обычаи, быт, традиции и праздники народов. Русский национальный характер.*

Неизвестные войны России. *Два спецномера, посвященные первой мировой и кавказской войнам (Неизвестные страницы. Униформа. Знамена. Ордена).*

«РОДИНА»
— это 112 страниц увлекательного чтения для всех, кто любит историю.

Индекс 73325. Цена подписки на 2-е полугодие — 240 рублей (без стоимости доставки).

РОДИНА

5—6—1993

ISSN 0235-7089

Фото Александра Тамбулидиса

ШАГИ ПЕРВОМАЯ: от НЭПа до рынка.

1 мая 1925 г.

1 мая 1932 г.

1 мая 1947 г.

1 мая 1936 г

1 мая 1931 г.

1 мая 1993 г.

Фотографии Григория Тамбулова

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 5 — 6 — 1993

Выходит с января 1989 г.

Номер набран и сверстан в компьютерном центре журнала «Родина». Компьютерная верстка **Т. А. Киселевой.**

СОДЕРЖАНИЕ

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

В лугах, у речки, над холмом...

Фотографии Юрия Садовникова

Как давно мы все не были в Михайловском! Неужели оно еще есть в России? Неужели можно отряхнуть безумие общей эмиграции из родной культуры и хоть ненадолго вернуться и вспомнить, как это было тогда, когда мы были еще живы. И опять встанет над нами долгий день, в котором будет нетесно всем временам года (теперь они странно сливаются в памяти, ведь эта святая земля одинаково привечала нас зимой, осенью, полным летом...).

А уж какое Михайловское без Семена Степановича Гейченко! Пока мы бегали и теряли голову, старому хранителю незаметно исполнилось девяносто лет. Его воспоминания успели спутаться в нем, как долго собираемая по листкам и вдруг выдернутая ветром и рассыпавшаяся книга, в которой забыли пронумеровать страницы. Нет-нет да и попадет вроде бы случайный листок: то ли из чужой, то ли из вовсе не существующей книги.

Когда-то я любил записывать эти мимолетности и теперь не стану убирать эти случайные листки, «описки памяти», или комментировать их, как не делал этого Семен Степанович. К этим «опискам» трудно было привыкнуть и никак не получалось понять, мистифицирует он тебя или сам поддался «сладкому» обману. Я не знаю, зачем вспыхивали в беседе фразы вроде: «Вы, конечно, помните, как по приглашению Сталина в Ленинград приезжал великий князь Кирилл Владимирович, и в Мариинке в его честь был дан концерт?..» — но я неизменно радовался этим чудесным осколкам какой-то «параллельной» истории, которая так естественно соседствовала у Семена Степановича с реальной. Я думаю, он как раз затем и вкраплял в вольный поток воспоминаний фальшивое стеклышко, чтобы тем чище сверкнул часто внешне более простой подлинный камень.

Долгая болезнь, утраты и усталость лет отняли у старого хранителя настоящие силы, но, слава Богу, ум еще смеется над немощью плоти и поредевшие гости некогда такого шумного дома еще могут услышать, как

встарь: «А вы знаете, что русская императрица Александра Федоровна, чтобы справиться с трудно дававшимся ей русским языком, взяла и выучила «Евгения Онегина» наизусть и часто читала его сестре Елизавете, и они обе в самом смутном сне не могли видеть, что обе станут русскими святыми...»

Можно было только одни эти «а знаете...» и оставить и не возвращаться к обстоятельствам записи. Но ведь зачем-то просился порой в тетрадь и пейзаж? И просится сейчас, может быть, для того, чтобы осветить каждое слово хранителя живым светом минувшего дня и заставить поверить, что чудо возможно и день этот может вернуться весь как был.

Ласточки играют перед домом. Вылетели из-за угла, чуть не наткнулись на нас, и с вскриком и смехом пропали вдали. Вкрадчиво, хищно, но с совершенным внешним равнодушием проходит по саду кот Василий (Васяся). Ему есть с чего быть равнодушным: утром он съел под окном белку, оставив только пушистую кисточку хвоста, и с ним никто не разговаривает. Молодые гости — сын Белашовой и дочь Фаворского — собираются пройтись по парку. Семен Степанович ограничивает:

— Только не надо ходить смотреть на цапель. Я думаю, что рано или поздно они отсюда улетят. Ведь цапля любит тишину, уединение, болото, где лягушки и змеи и куда, она знает, человек не придет. А тут шум, толкотня, пальцами тычут, всех лягушек разогнали, приходится за ними чуть не к Пскову летать. На цаплю надо смотреть в воздухе, в полете... Лучше пойдите по мосткам за Сороть лугами к Зимарям, на холмы, и там увидите, как небесная сфера прикрывает это святое место, как уединен этот дом на Парнасе, как стоят на лугах соборы и часовни стогов и кружит над ними крикливое облако галок.

Вечером заходит речь о памятнике Ганнибалу в Петровском, о материале — из чего делать.

— Я думаю, материал должен быть строгий, как памятник, и памятник строгий, как материал. Посмотрите на бронзу Растрелли. У него ведь памятники как будто пальцем грозят: сюда подойди, а дальше не смей! А то ведь есть памятники, которые просятся в объятья, и им непременно кто-нибудь помадой губы накрасит. А сами и виноваты.

* * *

Липа гудит, как телеграфный столб. Вот-вот она зацветет, и в ней кипят пчелы. Под солнцем она кажется вспотевшей, и если лизнуть влажные листья, они опьянят нежной сладостью меда. Кажется, этот мед называется «падевый». Прошлый год, когда липа еще простирала ветви над садовой звонницей, этот мед капал и с колоколов.

— Отец брал меня в 1912 году на годовщину Бородина. И я помню цветение мундиров на Бородинском поле, когда имитировались атаки и марши. А в 13-м году я был на открытии памятника Александру III у храма Христа Спасителя, и на всех фотографиях, обошедших тогда журналы, можно увидеть мальчика в матроске — это я.

Когда Трубецкой взялся за памятник Александру III в Петербурге, ему долго искали коня, чтобы мог выдержать соответствующего натурщика. И вот в конюшнях лейб-гвардии конно-гренадерского полка нашелся конь «Воронеж», и его отдали Трубецкому. А в память о миссии, выпавшей коню, сняли с него подковы. И у меня эта подкова есть. (Потом среди старых фотографий его домашнего альбома я наткнусь на одну, где этот самый памятник будет лежать на боку на огромных санях, стоящих в проплешинах снега: «Он был брошен за Обводным каналом, и мы перевозили его американским трактором в Русский музей. Мне до сих пор жалко этого «изгнанника» — его надо поставить на место».)

* * *

У него есть папка «Птицы Михайловского», и там записаны всякие чудеса. О том, например, как ласточки замуровали наглого воробья, который без спросу перенес пожитки на чужую жилплощадь и решил, что он там будет жить-поживать. Хозяйка крикнула товарок, и воробей и носа не успел высунуть, как был замурован. И о том, как зарянка поселилась в консервной банке на кормушке и вывела там птенцов, которые, зная об опасности жилища, головы не высовывали: банка и банка, только пищит. А другая жила в кармане портков «ваньки-каина» — садового чучела, и Васясе шились на ноги мягкие сапоги, чтобы он не таскал птенцов.

— У меня есть три друга от природы, которые сегодня помогают мне в моей старой жизни. Это поползень, который целый день ждет в кустах и слетает под ноги, как щенок, ожидая семечек. Это мой Петя (38-й по счету петух), который будит заповедник бодрой песней и идет утром поговорить со мной. И это мой Гуля. У меня было много голубей, которых я привозил из Москвы и отовсюду, но сейчас у меня есть та библейская голубка, которая прилетала в ковчег старика Ноя, чтобы возвестить об окончании потопа.

— Каковы были главные русские музеи? В избе был домашний музей — красный угол, где хранились дорогие иконы, венчальные цветы, памятки рода. А в городе — церковь, куда каждый нес самое дорогое и перед кончиной вкладывал иконы, или посуду, или книги: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое». А у царей — у каждого! — был свой сундук, где хранились их первые пеленки, первые цветы, первые бальные перчатки — все первое. И плюс то, что каждый оставлял первого России. У Елизаветы лежала печатка туалетного мыла, потому что до нее мыла в России не было — это благословила она. У Александра I — первая ученическая тетрадь, пошедшая потом по русским школам, и т. д.

* * *

Дождь такой, что, кажется, дом поднимется и вот-вот всплывет.

И это ощущение всплытия так осязательно, что и тело уже не уверено — на земле ли? Ливень валит, нарастая, и это крещендо усиливает ужас. Надо закрыть окно. Дом сразу делается беззащитнее и уносится ливнем в грозное небо. Не оттого ли это неожиданное воспоминание:

— Первая война началась классически: общим плачем, боевыми трубами, молебнами. Кони, сабли, выступления на вокзалах, задорные крики. Наш преподаватель в Петергофской гимназии немец Тилек выпрямился и стал носить голову выше прежнего. Он не боялся за свой фатерлянд, но немца никто всерьез не брал. «Жил-был толстый немец Тилек по прозванью «Бочка килек» — вот на какую монету разменяли его пафос петергофские мальчишки. Поляки Стефановичи заволновались, засобирались, запели «Ещче Польска не згинела», мобилизовались и пропали. Француз Добровольский (француз, положим, русский, но все француз) тоже замурлыкал: «Аллонс, анфан, а ла Патрия» — и тоже наладился из Петергофа, но скоро воротился с Георгиевской лентой, о войне уже не заговаривал и скоро застрелился.

— Так и революция. Преподаватель музыки Гинзбург явился в класс, сверкая глазами. Он провел бессонную ночь и принес гимн: «Это будет наш общий гимн. Слушайте: «Все мы братья, все мы братья! Мы один народ! Смело против самовластья мы пойдем вперед!» Ему не сиделось, надо было петь, идти вперед, звать к свободе. Он ушел и пропал в боевых днях без следа. Директор гимназии Михаил Иванович Шубин, генерал, ваше превосходительство, из тех, кто моему детскому воображению представлялся александрийским столпом, опорой мира, сидел у моего отца на кухне, опустившийся, почти мертвый, и спрашивал, не поднесет ли ему отец, и, торопясь, выпивал, проливая на грудь. А инспектором был у нас Михаил Михайлович Измайлов. Он был автором первого путеводителя по Петергофу, и, по улыбке судьбы, мы потом работали в петергофских дворцах в одной должности — младшего научного сотрудника.

* * *

— Близко я увидел Сталина впервые в 1932 году. Вдруг в Петергофе все стали мыть и вылизывать. Говорили: едет Киров. Директор Николай Ильич Архипов потерял голову. Вдруг грянули моторы, явились американские машины с какими-то летящими никелями на капотах и вышел... Сталин, необычайно маленький в сравнении с подсказкой воображения. «Хто здэс хозяин?» Явился директор, заизвинялся за бедность, посетовал на нехватку денег. «А вон там, в углу, паутину убрать тоже денег нэ хватило?» Директор тут же умер — чертова паутина, так скоблили, а словно кто нарочно повесил. Сталин шел из залы в залу державным шагом: «Здэсь што? — Спальня Екатерины. — Интэрэсна! — А здэсь? — Кабинет Петра». Долго смотрел мундиры, мерял воображением. Подошел Киров: «Иосиф Виссарионович, время кончается, распорядок зовет. — Ужэ? А фонтаны?» Вышли к фонтанам. Внизу толокся разом все пронюхавший народ, и едва Сталин вышел к балюстраде, поехало: «Да здравствует... вождь, учитель... А-а-а!» «Интэрэсна!» Явился распорядитель поездки. Налетел на меня: «Подарки приготовили?» Господи, какие подарки? Когда? «Ну хоть путеводители есть?» — Путеводители есть. «Немедленно в типографию, вот вам 12 минут, чтобы на титуле было напечатано: великому, любимому, ненаглядному...» И я полетел. Через 12 минут книжки были вручены. Колесницы загремели, сверкнули молнии, Юпитер исчез.

* * *

— На объединенных учениях фронтов командующим предложили дворцы. Тухачевский выбрал штакеншнайдеровский. «Скажите, а старые слуги еще живы?» — Слуги были явлены и во время учений баловали маршала царским смотрением. По окончании он пригласил всех в приемную и по очереди звал в кабинет. Там, косясь глазом в приготовленный список, подымался навстречу.

— Анастасия Тимофеевна, я благодарен вам за материнскую заботу. Примите в знак внимания.

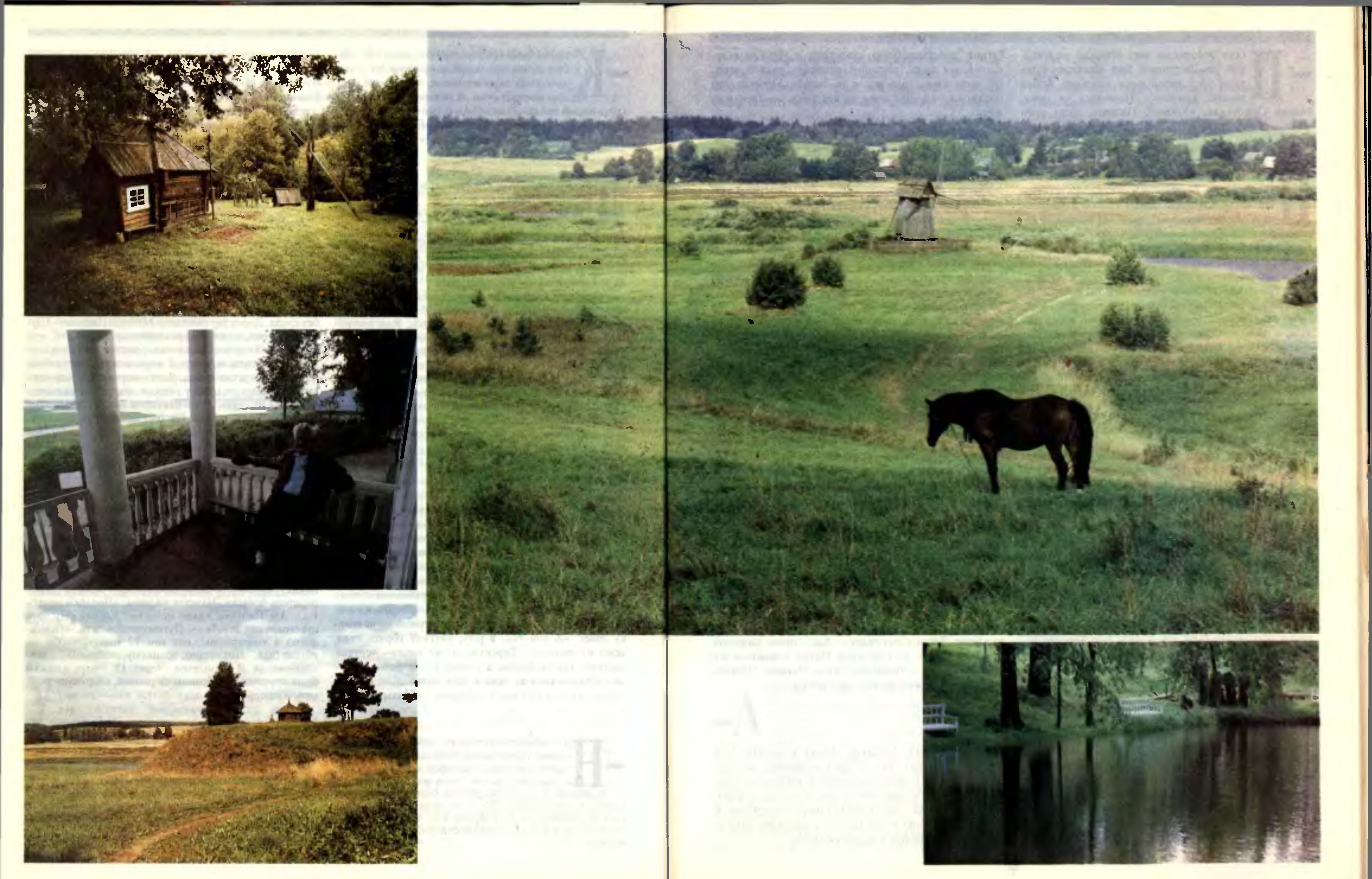
— Петр Иваныч. Я благодарен вам за отеческую... Примите...

— Марфа Тихоновна — за материнскую...

— Сергей Тимофеевич — за отеческую...

Примите, примите, примите... конвертики, перстеньки, чашечки, статуэтки...

«Отец, кормилец, барин, никогда не забудем».

— После революции весь Невский от Садовой до Дворцовой был вымощен плитами трех разоренных кладбищ, и под ногами кричало: «Помолись за меня, бедная Сашенька», «Упокой, Господи, душу раба Божия действительного статского...» Пока не возопили сами люди, уставшие попирать родной прах. Об этом что-то все никто не пишет. Некогда нам покаяться, хотя без этого ни человеку, ни народу не жить.

* * *

Надо было обживать новый Ганнибалов дом в Петровском. Потихоньку съезжалась мебель. Никак нельзя было найти только фисгармонию для Вениамина Петровича. И вот она наконец нашлась. Семен Степанович съездил к обладателю и воротился без фисгармонии.

— Была жизнь, были господа, живущие своими домами, и мебель жила в них общей домашней жизнью: перед туалетными столиками пудрили носы и прилепляли мушки, в бюро хранили бумаги, в секретерах — интимные пустяки и любовные записки. Но вот жизнь рухнула, и господа побежали, оставляя мебель в надежде, что это не может долго продолжаться, что они воротятся и найдут все в целости. Но все продолжалось и продолжалось. И из укромных щелей вылезли накопители, как вороны на падаль кинулись на мебель и растащили по гнездам. Надо сказать, мебель вначале яростно сопротивлялась, подставляла углы, дергала за полы, рвала чулки, старалась побольнее ударить. Тогда ее стали укрощать. В нее напустили клопов, развели древесных точильщиков, рассовали по секретерам банки с консервами, в туалетные столы сунули ржавые гвозди с отвертками. Мебель смирилась и начала распадаться и подлеть. Но тут оказалось, что на нее мода. Накопители переименовали себя в коллекционеров, освободили ящики от консервов и начали подольщаться к вещам. Те вылезли из темных углов, поотмылись и стали покрикивать: «А помнишь? А вот в наше время...», но воспоминания их уже успели стать лакейскими, так что человеку, вздумавшему вернуть их к живой жизни, надо годы потратить на их перевоспитание. Да ну ее к черту, эту фисгармонию!

* * *

День синел, сверкал, ликовал. Под проточенным льдом к Сороти торопились ручьи. Белые матовые монеты воздуха текли подо льдом в каком-то одушевленном порядке. Вороны атласно, тускло сверкая летели над полем, и когда пролетали над головой, воздух от крыльев был как вздох или как внезапный громкий неразличимый шепот. Вороны садились на тонкий лед и, пробив его, деловито пили, поглядывая по сторонам. Скворцы были черны, изумрудны, молоды — совсем не те запыленные, усталые, постаревшие, какими будут осенью. Уже готовился очередной Пушкинский праздник.

— Кого вы считаете сейчас настоящим поэтом? Я думаю, что, может быть, последним был Ярослав Васильевич Смеляков. Это был большой поэт. Однажды мы с ним подрались. Да-да. Он пришел как-то во время Пушкинского праздника. «Дайте, — говорит, — попить или выпить — все равно чего». Я дал. Он хватил водки, и мы разговорились. И я говорю: «Как вам не стыдно! Что вы такое написали про Наталью Николаевну? Будь жив Пушкин, он бы давно вас застрелил, потому что обычный кодекс чести предполагал, чтобы твою жену не полоскали на ветру. — А что, разве не правда? — Не знаю, — говорю. — Правду знал один человек, которого Пушкин пригласил за день до смерти, чтобы исповедаться перед переселением в неведомый мир, куда надо приходить чистым, но этот человек знал свои обязанности и унес эту правду в могилу. А что же, — говорю, — вы-то с поэтом так обращаетесь?» Ну, тут он завелся и толкнул меня. Тогда я ему сразу — бац! справа здоровой рукой. Хорошо, влетела жена. Потом появилось его стихотворение «Извинение перед Натали». Иногда пушкинисту нужны и такие аргументы.

* * *

— А однажды у нас обедал генерал генералов. Днем явился бравый капитан и известил, что «они» желают осмотреть Михайловское, но чтобы нигде никого. И еще они желают отобедать в уединении. Капитан пошел размечать флажками таинственную площадку, освобождать кафе и водружать там единственный столик в крахмале, цветах, бутылках, яствах и питиях. Моя публика, знающая толк в гостях и умеющая классифицировать их с профессиональной цепкостью, пошла заглядывать, а один монстр явился и изъявил желание увидеть, как будут кушать генерал генералов. Я послал его... Тогда он сказал, что у него идея. «Никаких идей!» — заорал я, но он уже исчез.

Ровно в надцать ноль-ноль затарахтел мотор, с неба пал на зафлаженную площадку вертолет, и явился «сам». «Где тут это?.. М-да...» Я приплелся на ватных ногах: «Милости просим». «Ну, давай тут показывай, только у меня времени тридцать минут». Я постарался умягчить генеральскую душу, убрать цветами его сердце, дать посмеяться и подумать и был за то зван к столу, от каковой чести должен был отказаться, поскольку давно не пил, а откажись-ка от генеральской чарки. «Ну и хрен с тобой!» — пробурчали генерал генералов и отбыли вкушать своей «анисовой». И вот тут-то через поляну и зашагал мой монстр, ведя под уздцы мерина, как бы по крайней хозяйственной надобности, и, встав спроть генерала, возопил: «Здра... жла, тарищ аршал Сов Суза!»

— Ну, здорово! Служил?

— Так точно!

— Где?

— Н-ской части, такого-то полка и звания, — хватил мой болван.

— Пьешь?

— Так точно!

— Ну, на!

И молодцу моему был налит стакан, который и был выпит во здравие генерала генералов. В этом и состояла идея — здоровая и удачная, как все идеи моих сослуживцев.

А нужен ли Пушкин генералам? Чтобы проверить, надо снять их фуражки, штаны с лампасами, и тогда они никакие не генералы, и можно говорить о Пушкине, и тут ты и сам себе генерал и Горюшкин-Сорокопудов...

* * *

— Ко мне часто приезжают пушкинисты показать очередную работу на тему великой реплики из «Бориса» «народ безмолвствует». Понятно, что они приезжают сюда — ведь Пушкин увидел и понял этот «безмолвный» народ здесь. А меня занимает там другая ремарка — «палач готовится». Палача-то откуда Пушкин взял? А отсюда же. У нас тут жил породистый кат в деревне, которая так и называлась Каты. И Пушкин был у него, встречался и говорил, чтобы понять психологию сословия, которое было призвано в соответствии с распоряжением начальства сделать вам чик! — и до свидания. Это уже Александр I создал комиссию для упразднения института палачества, и этой штатной единицы в губерниях не стало. А Пушкин застал...

* * *

Пауки перебрасывают через дорогу легкие нити, но добычей их становятся только машины, да изредка порвет эту незримую серебряную ленточку человек и долго снимает паутину с лица, будто умывается. Утка разнимает утят, как рефери на ринге, строго прикрикивая «брэк!». Зяблик еще с ночи не свистит, а рюмит, суля дождь. И скоро листва разом взъерошивается перед грозой, потом вздрагивают и трепещут кусты и наконец безмолвно вскипают травы...

— В 1939 году на Ворониче закрывали церковь. Я приехал от Пушкинского дома. Увез только регистрационные книги попа Шкоды, а в углу — никогда не забуду — битком до потолка поминания «во здравие» и «за упокой»: и кожаные, и тряпочные, и бумажные. С XVIII века, с суворовских походов. Сколько тут, в этих поминаниях, было павших, болящих, живых, стоявших здесь в Троицкую родительскую субботу. Это и был народ, и чувство народа, и ответ перед ним, и сознание непрерывности жизни.

* * *

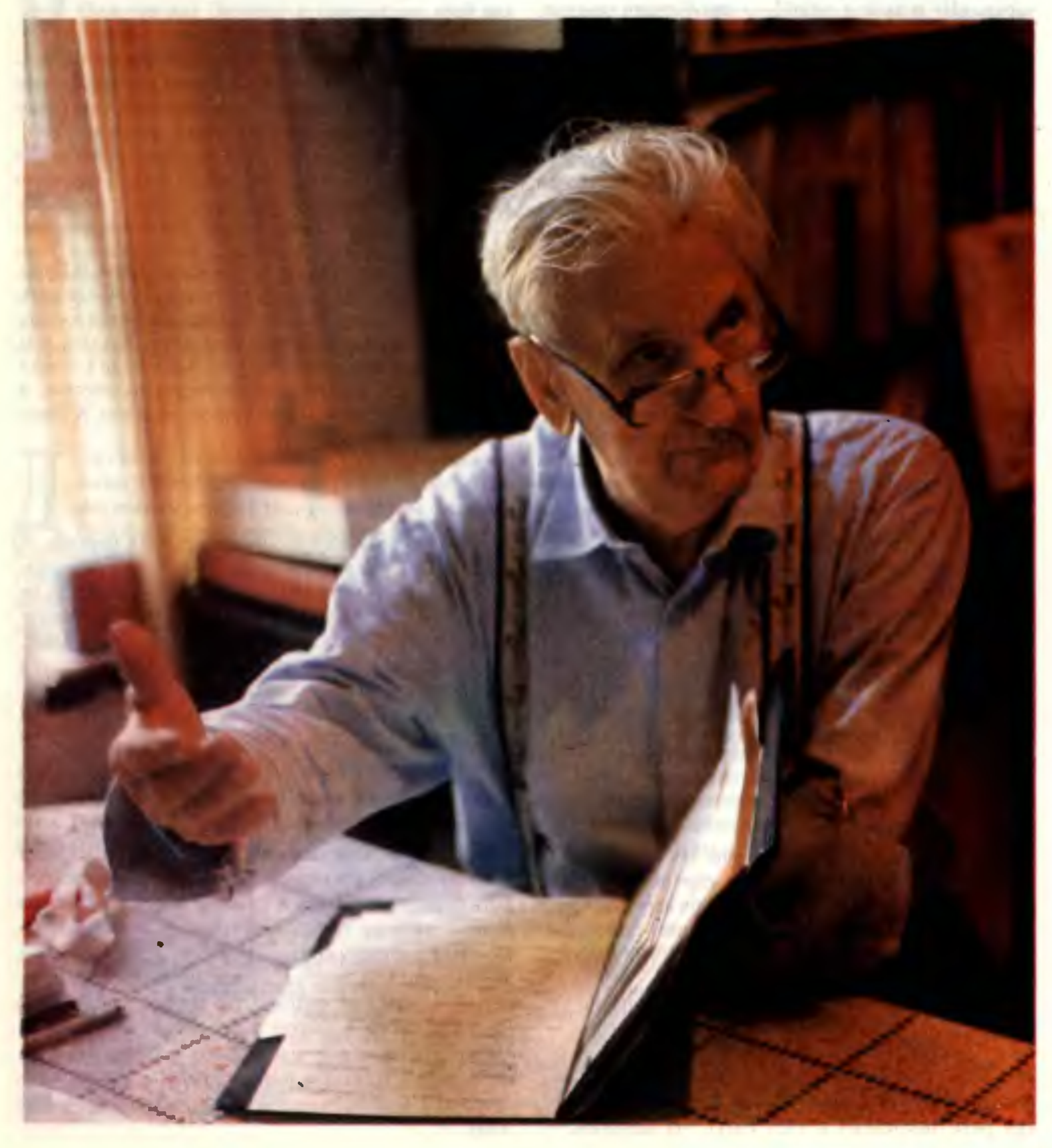
— А однажды мы шли — еще так недавно — с одним из моих старых еще петергофских знакомых по Невскому, и он вдруг говорит: «А ты знаешь, что вот тут живет священник нашей Знаменской церкви отец Константин Быстреевский, который тебя крестил. Зашел бы. — А чего, — говорю, — пойдем вместе». Зашли. Он долго не открывал. Глухой, живет один. «Батюшка, — говорю, — отец Константин, благословите. Гейченко я...» А он спокойно говорит: «Вижу. Гейченко». И мы рассказали друг другу, что с нами делала жизнь. Его ссылали три раза (последний в 1939 году). «И однажды, — говорит он, — меня вызвал начальник лагеря: «У меня умирает дочь. Я все перепробовал. Ты тут ходишь про Бога бормочешь. Давай доказывай его силу. Спасешь дочь — паспорт твой, денег тыщу, в Ленинграде на Невском пропишу. Нет — пойдешь в расход!» Бац дверью; ушел. А мне что — дальше смерти не пошлет. Я молился не потому, что шкуру жалко было. Чего она стоит в лагере, а все же человек живой. Проходит недели две — является. Веселый. «Ну, спасибо, отец!» Кричит в дверь: «Заходи!» Является ординарец с подносом — паспорт, деньги, билет. Вот живу...»

— Я очень разочаровался в социализме. Так верил, так радовался, когда работал, изобретал, придумывал. А человек остался вероломен, лжив, коварен, зол, как был. Ленин говорил, что для преображения России нам нужно сто тысяч тракторов. Сейчас у нас их миллионы, а где же преображение-то. Нет, можно всех накормить, одеть (хоть трудно, но можно) даже и в меха и брильянты, а вот тут (рукой в грудь) так быстро ничего не меняется. Тут даже наоборот — все к последним временам, всему пришел край...

— Если бы не Пушкин...

Ну вот, надеялся, что свидание будет только светло и покойно, а оно вышло и такое и этакое. Как жизнь. Да и то сказать — куда теперь от жизни-то.

Михайловское — Псков
1977-1992

ХОЛСТЫ из НЕКРАСОВКИ под МАНХЭТТЕНОМ

В середине семидесятых годов уехал на Запад ленинградский архитектор и живописец Владимир Некрасов. Его отъезд был для многих неожиданностью — уж очень он отличался от лидеров художественного андеграунда тех лет, искавших признания за границей. У Некрасова внешне все обстояло благополучно: трехкомнатная квартира в центре Питера, небольшой, но стабильный заработок архитектора, хорошая дружная семья... И вдруг — мгновенное решение эмигрировать.

Когда начались затруднения с отъездом, он написал письмо Подгорному, что в случае отказа сожжет себя и семью. Подгорный, конечно же, не мог знать, что Некрасов слов на ветер не бросает, но были люди, которые это знали и решили не испытывать судьбу — семье Некрасовых дали разрешение на выезд.

Долгих семнадцать лет Владимир Некрасов не был на Родине, и вот он снова в Москве и Санкт-Петербурге с выставкой своих работ.

— *Уехал, потому что не мог не уехать. Жизнь зашла в тупик, я не видел никаких перспектив. От меня здесь ничего не зависело, я плыл в потоке, из которого не было выхода. Понял, что так больше не могу. Так работать, так жить... А в петлю не имел права.*

Вначале хотел махнуть куда-нибудь на Волгу или на родину — в Сибирь, даже на Камчатку собирался, но потом понял, что нужно дальше. Ехал в Америку, думая о ней не как о политическом убежище или стране, где можно безбедно существовать, но как о месте, где все зависит от тебя, об Америке Джека Лондона — территории приключений и свободы, вольного воздуха и чистых озер... Хотя готов был и к самому худшему.

В Нью-Йорке, неподалеку от Манхэттена, в старом районе, где издавна селились эмигранты, метрах в трехстах от православной церкви стоит четырехэтажный дом, который хорошо знают многие русские, живущие в Америке. Они называют его Некрасовкой, по имени гостеприимного хозяина. Дом этот никогда не пустует. В многочисленных его комнатах обитают все те, кто волею судеб оказался за океаном, но для которых необхо-

дим контакт с этим клочком русской земли, местом среди небоскребов, где говорят и чувствуют по-русски.

— Поначалу было очень трудно. Впрочем, легкой жизни я и не ждал — готов был на все. Устроился на фабрику. Там на огромных станках тянул пластиковую ленту, из которой потом делали мешки для мусора. Работал в ночную смену, а днем еще красил фасады домов, чтобы скопить немного денег. Утешало одно — делаю все сам, по своей воле, а какими усилиями — это уже моя проблема.

Года через полтора вот таким каторжным трудом и экономией удалось скопить денег на приобретение собственного жилья. До этого снимали первый этаж в пригороде. Присмотрел участок земли, на котором стоял полуразрушенный четырехэтажный дом, где обитали латиноамериканцы, югославы, итальянцы. К нему примыкала мастерская, и хотя, когда я ее увидел в первый раз, она была занесена снегом, поскольку в окнах не было ни одного стекла, я сразу понял, что это то, что мне нужно. Мечта каждого художника — иметь большую и светлую мастерскую.

Вот все это я и купил. Купил очень недорого, потому что район этот пользуется дурной славой, и многие самые выносливые белые, включая итальянцев с их мафией, бежали отсюда. Все это я узнал уже потом.

Потихоньку начал ремонтировать дом. Со временем поселил туда многих своих друзей-художников. Через пару лет организовалась община, которую нарекли Некрасовкой с чьей-то легкой руки. Поселились у меня москвич Василий Яковлевич Ситников, мой питерский друг легендарный Олег Соханевич — живописец, скульптор, поэт. Это он на маленькой надувной лодке без вещей и еды переплыл Черное море, чтобы уйти в Турцию. Из ленинградцев еще жили Виктор Володин, поэт Костя Кузминский вместе со своим издательством «Подвал», которое он так назвал по месту своего прежнего обитания в Квинсе. Кузминский — собиратель людей. Еще в Питере он устраивал выставки, вокруг него всегда вертелись люди. Но там не было места, а здесь есть где разгуляться. В праздники к нам собиралось до ста человек: поэты, музыканты, художники, а то и гармонисты или велосипедисты какие-нибудь.

У нас же в Некрасовке обитали Саша Ямнольский — театральный деятель из Киева, биолог Шиманский, да всех сразу и не вспомнишь. Постоянным и желанным гостем был Сережа Довлатов...

Владимир Некрасов не похож на живописца-профессионала, озабоченного продажей своих холстов. Он твердо знает, что искусством денег не заработаешь — средством к существованию является его работа по созданию витражей для американских церквей. Живопись же — это способ самовыражения.

— Несмотря на то что мой дом — проходной двор, моя творческая жизнь спрятана ото всех. Лучшие для меня минуты — это когда я нахожусь в одиночестве и могу мысленно беседовать со своими дальними или уже ушедшими друзьями. Прежде всего это Олег Григорьев, поэт, писавший четверостишия, которые на другой день становились народными стихами. Он научил меня искренности мировосприятия, открыл глаза на многие задачи творчества. Вот с ним я почти ежедневно беседую... Это и Александр Арефьев, тоже безвременно скончавшийся уже в Париже...

Вот в такие минуты и рождаются во мне образы, которые я переношу потом на холст. Или же перед сном вдруг я представляю сразу всю картину, и утром надо только встать и начать работать. А так как я точно знаю, что это для меня самое важное, что именно для этого я и появился на свет, то я всегда найду для этого время, найду силы после самой тяжелой работы встать перед мольбертом и работать, если только есть что сказать.

Мне повезло: проблема выставок меня никогда не волновала, как и проблема продажи моих работ... Главное для меня — общение с предметами или объектами моих картин, что и как изобразить.

Что же хочет сказать нам Владимир Некрасов? Холсты, представленные на выставке, все об одном — об оставленном здесь, о том, чего нельзя забыть и вытравить из

себя, о том, что вошло в тебя с детства — трудного послевоенного детства, проведенного на далекой сибирской железнодорожной станции с незабываемым названием Дзержинская.

Обозначая тематическую направленность творчества Некрасова и смысловой подтекст его произведений, критик впоследствии напишет: «Один из ключевых вопросов философских поисков Владимира Некрасова сводится к определению пределов, за которыми исчерпываются возможности деградации... От мерцающей надежды к сумеречному состоянию души. От светоносного мессианства к траурным мессам сатанистов... Бликующие тени на сгнивших подмостках воспоминаний. Мертвецы, упыри, инвалиды, уроды. Словом, существа вполне современные, злободневные, даже наделенные некоторой долей потенции — кто к прокладке несуществующих железнодорожных путей, кто к попаданию под невидимый поезд... Космос рухнул, но кое-где в завалах еще теплится и пульсирует нечто, отдаленно напоминающее жизнь. Подглядеть за вялым копошением задыхающихся там одноклеточных можно сквозь небольшие щелочки, которые изредка прорывает очередной чудак, возомнивший себя Спасителем».

Мне кажется, критик этот — больше пессимист, нежели художник. Более того, автор приведенной цитаты «подглядывает в щелочку» сквозь очень темное стекло, а взгляд художника не столь тенденциозен, хотя и лишен крепко въевшейся в нас безмятежности восприятия отраженной реальности.

— Картины, представленные на моих выставках, я начал писать, когда только лишь врастал в американскую действительность, но все во мне жило русскими впечатлениями, а впрочем, в творчестве своем я и по сей день живу лишь Россией. И, наверное, сколько бы я ни жил там, это ощущение меня не покинет — так глубоко все в меня въелось. Порой я и хотел бы все это отряхнуть, стать американцем, но мне такое не суждено. Я переполнен ощущениями бесконечного живописного хаоса, который представляет из себя Россия, и этого материала мне хватит на всю жизнь.

Америка же меня устраивает как некая юридическая среда обитания: здесь можно спокойно жить, и никто тобой не будет интересоваться, если ты только не захочешь этого. С этой точки зрения, Америка идеальная страна для обитания личности, способной самостоятельно развиваться, а что касается души, то моя душа принадлежит России. Америке она абсолютно не нужна. И картины мои, если они вообще кому-нибудь нужны, то только здесь, в России, ибо они из России и о России.

Увидев ее снова через семнадцать лет, я обнаружил, что ничего тут не изменилось — я не говорю о парламентских перестановках, а я делюсь ощущением художника: и Питер по-прежнему красив, и грязь всюду... Может быть, только друзья постарели, но их дружелюбие превзошло все мои ожидания. Очень хотелось бы через год привезти в Россию другую выставку, в которой не будет или почти не будет пессимизма. Хочется подарить всем больше тепла и света. Россия это заслужила.

ВЛАДИМИР НИКИТИН

Фото автора

ТАМЕРЛАН АЙЗАТУЛИН

МЕЖДУ МОЛОТОМ ЕВРОПЫ И НАКОВАЛЬНЕЙ АЗИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И САМОПОЗНАНИЕ

Надо просто и ясно вспомнить и понять, кем мы были и кто мы есть, осознать генотип нашего общества, архетипы (историческое — коллективное — подсознательное) наших народов. Все остальное, включая экономические прожекты, составлением которых занимается вся страна, само собою проистекает и выстраивается из этого, а если надо — элементарно вычисляется. И наоборот, без этого знания ничего, кроме гибельного, выстроиться не может ни методом тыка (проб и ошибок), ни с помощью американской или шведской модели.

Однако для образованного человека в России, особенно русского, «ясно вспомнить и понять» — не только не просто, но чрезвычайно трудно, а может быть, и невозможно. Дело не только в общеизвестной манкуртизации, которой подвергает одинаково всех нас школьное и высшее образование и против которой русский школьник не имеет ни иммунитета, ни родительских «прививок». Дело даже не столько в деформациях историографии, которые по идеологическим причинам совершались всегда и везде (Россия никак не исключение), а сегодня совершаются в левой и правой прессе непрерывно и систематически путем прямой дезинформации и провокаций или селекции исторических сведений, разрушительная часть которых свободно выбрасывается в эфир и прессу с одновременным блокированием всей той большей части, которая могла бы послужить профилактике межнациональных недоразумений, конфликтов и разрушения России. Дело главным образом в несоответствии механистичности (ньютонианства) и одномерности мышления европейски образованного человека с многомерной сложностью феномена России, не просто включающего иррациональные и даже мистические компоненты, которые можно было бы отчленить для облегчения познания России, но пропитанного ими, более того — органически включающего их в себя и даже выросшего на них.

Наша европейская образованность, так много дающая нашему интеллекту и нашим рукам, да и нашему желудку, а потому создающая иллюзию всеобъемлемости, одномерна и, как всякий примитивизм в отношениях с Россией, губительна, на что обратил внимание еще Г. Федотов, отмечая, что самосознание русских должно быть многомерным — одновременно великорусским, русским (славянским) и российским (евразийским).

Кудашевский дом и кудашевская могила

Поразительный и удручающий пример в этом отношении показал Николай Бердяев (на которого сейчас молится русская интеллигенция). Целую книгу («Самопознание: опыт философской автобиографии») посвятил он тому, чтобы разобраться в себе и в своих «странностях», список которых начинается со свободы как приоритетной потребности человека (философия свободы), небоязни могучих владык, невозможности принять от них дары, оппозиционности к ним и вообще нонконформизма. Включены в этот перечень конкретные психофизические странности. Не находит он этих странностей в своих предках — офицерах и генералах Бердяевых. На этом и останавливается. Загадка: почему бы ему не взглянуть на своих сородичей по материнской линии, князей Кудашевых (об этом он лишь упоминает)? Ну раз согласен только на офицеров, то обрати внимание на героя Отечественной войны 1812 года полковника Кудашева (взявшего с эскадроном в 200 сабель в плен 2800 французов, о чем немало написано), а там потянется цепочка информации. Его менее образованный (менее начитанный) родственник, тоже офицер, князь Юрий Кудашев в стихотворении, написанном также в эмиграции (в Югославии), отметив, что

...присяге, данной дикарем,
в роду никто не изменил,

— поясняет, кто был его предок-дикарь, давший присягу белому царю:

...и я татарин, я степняк,
но нет ни степи, ни коня.

А ведь Бердяев не мог не знать известного выражения, живя в Париже: le russe et vous verrez le tartare — поскоблите русского и увидите татарина.

Еще более дальний его родственник, татарин Миннибай Кудашев, член Государственной думы, один из главных идеологов послереволюционного татарско-башкирского сепаратизма (так называемой закивалидовщины), вникнув глубже в проблему сепаратизма, отказался от него, вспомнив, что он татарин номинально, а (поскобли татарина) одновременно и по сути булгар (как и множество других казанских, башкирских и даже московских татар). И этот этнос, разделившийся в прошлом тысячелетии на несколько частей, везде, где он оказывался вне российской государственности и российской культуры, физически сгинул (оставив лишь свое имя, этноним, славянскому этносу Болгарии на Дунае). И, наконец, только у его отца, наименее образованного из всех этих четырех Кудашевых, Георгиевского кавалера Саидгарея Кудашева мы встречаем пусть не онаученное, но полное этноисторическое «народное» знание (полновесное самопознание, самосознание и память): о кудашевском роде (в котором встречается немало двойников Бердяева), его русской ветви, включая кудесников (кудес-кудеш-кудаш-кадеш) и волхвов (с набором бердяевских особенностей, описанных Пушкиным), а также о других ответвлениях — татаро-булгарской, булгарской, протобулгарской, персидской и иорданской (поселок Кадеш на р. Иордан, см. карты в Библии). Кроме того — о высокой арабско-персидской культуре Волжско-Камской Булгарии (а не только степняк-дикарь, по кн. Юрию Кудашеву), об исторических событиях, не изложенных или изложенных искаженно в русских летописях, историях и учебниках, включая современные (например, о свертывании похода Тамерлана на Русь в 1395 году из-за того, что он завяз в битвах с булгарами, невольно защитившими от него Русь, еще не оправившуюся от Тохтамышева погрома в 1382 году и с ужасом услышавшую о приближении феноменально жестокого «покорителя вселенной»). Но кроме того — также эзотерическое знание, говоря современным научным языком, об эндогенных и экзогенных силах Земли, управляющих этногенезом, этническим пространством (или этнополем) и ритмом этносов, волхво-пророческие откровения о Вифлеемской звезде и ее указующей роли в судьбе христианства, России и «мира» (ноосферы), о периодах «активизации» мистических сил, в один из которых мы вступаем (и к разгадке природы которого уже близки).

Георгиевское кавалерство этого Кудашева исключительно важно в современной обстановке исторического беспамятства. Георгий получен в русско-турецкой войне, после двух попаданий в турецкий плен и уходов из него. Во все царские и советские времена само собою разумелось, что российский татарин-мусульманин (в т. ч. татарин-булгар) в составе русских (или советских) войск бьется с христианами ли Запада, буддистами ли Востока, мусульманами ли Юга (Турции давно или Афганистана недавно) и по общему числу героев держит твердо четвертое место после русских, украинцев и белорусов, имея лучшие показатели (наряду с осетинами) «на душу населения». Разве трудно представить, в каком строю А. Куприн, гордившийся, по его словам, тем, что он, во-первых, офицер русской армии, во-вторых, сын казанской ханши и, в-третьих (в-третьих!), известный русский писатель; Куприн, умиравший от тоски по России и в конце концов не выдержавший эмиграции? [Величайшая государственная тайна, о которой не должен знать народ, — татарская линия родословной великих русских писателей: Державина — Нарбековы и Багримовы, Пушкина — Радша (о котором он сам говорит наряду с Ганнибалом и Пушкой), Толстого — Идрисовы, Достоевского — Челебеи (наряду с литовской линией) и т. д., а в советское время Анны Ахматовой — Чагодаи, как она говорила про себя — чингизидка (Чагатай, сын Чингисхана — второй по силе, после Субудая, полководец татаро-монгол)]. Лишь в наше время весь спектр русских политиков и публицистов, от крайних «демократов» до крайних «патриотов», делают вид, что, наоборот, само собою разумеется — татары в едином строю исламского мира, внушают это, загоняя в подсознание и блокируя всю иную информацию. Они, по пушкинской классификации, видимо, молоды и не знают нашего народа: русского, татарского, тем более татаро-монгол — язычников и христиан-несторианцев (последним был и сын Батыя Сартак, названый брат Александра Невского — русско-татарское братство буквально, оно не метафора), и лишь более чем через сто лет, вырезав 200 чингизидов, хан Узбек смог внедрить ислам. Мусульманами же издавна были волжские булгары — одна из основ, наряду с растворившимися в них немногочисленными татаро-монголами и с половцами-кипчаками, современного этноса, названного татарским. Они, булгары, гораздо более чем русские были жертвами орды и, кстати, никогда не ссорились с русскими, наоборот, легко с ними образовывали смешанные семьи. Так, экс-идеолог отделения Татарии и Башкирии от России М. Кудашев был женат на русской Клавдии Ивановне Аксеновой, и с нею все время в мусульманской семье жила ее глубоковерующая православная сестра Александра Ивановна Аксенова, и обе с тремя детьми так и продолжали жить в этой семье после гибели М. Кудашева в 1921 году. Когда же в тридцатые годы эти Аксеновы-Кудашевы удрали от местного НКВД в Москву, вся татарская и русская родня Аксеновых, приезжая в Москву, обитала в этом новом кудашевском доме, совершенно справедливо считая его своим. Это однозначно говорит о полной совместимости, подтверждая хорошо известный в науке факт комплиментарности православных и мусульманских этносов, русских и татар (самая надежная статистика — по конфликтам в армии — говорит о том же; о том же поведал как-то по телевидению знаменитый Лев Гумилев, что в лагерях русские и татары дрались вместе). Кстати, внуки экс-сепаратиста М. Кудашева, двоюродные братья Салават Кудашев и Павел Носов, вместе (семьями) поселились на Камчатке — попробуйте поссорить этих братьев, стреляющих белку в глаз.

Но пока же упорно навязывается мнение, что исламский мир ведет борьбу за политическое единство всех мусульманских стран — от Атлантики до Филиппин и от Бенгалии до Татарии. Формально все верно, этот мир ведет эту борьбу. Научно же еще не вполне факт, что Татарстан и Башкирия — мусульманские страны, какими были, а не поликонфессиональные, не кудашевский дом, какими стали, хорошо это или плохо — так распорядилась история. Одну определенность уже объявили в Беловежской Пуще — о славянском единстве России, Белоруссии и Украины, взорвав этим страну вместо ее перестройки. И где ж теперь это единство, ради которого якобы вершилось соглашение? Запускать в подсознание аналог подобного для России и Татарстана, блокировать российскую партию (в широком смысле) татар и вооружать антирусскую, не помочь новым сепаратистам поскоблить себя, напомнив о необходимости научного знания вопроса, не показать реалии окружающего мира — жестокосердие.

Ключ к России

Справедливость требует отметить, что ключ к научному познанию России был найден неприятелем России и ненавистником татаро-монгол Карлом Марксом. В результате анализа ключевого периода истории России — освобождения Руси от ига — он заключает: «...такое освобождение похоже скорее на ***явление природы, чем на дело рук человеческих*** (выделено мною. — *Т. А.*). Россия — не дело рук человеческих, вот-вот Маркс, догадавшись, что Россия — явление природы (и борьба с нею — это борьба с природой), заговорит о России как элементе самоорганизации ноосферы, а то и как о Божьем промысле. О том, что это не случайно вырвавшиеся слова, а сознательно найденный им ключ к естественнонаучной концепции России, ее биосферной сущности и ноосферной функции, говорит марксово сравнение Петербурга — «мгновенного творения одного человека» «для международной интриги» — с Москвой, не просто «колыбелью народа» и центром «естественных стремлений великой русской расы». Москва — «центр, откуда как бы излучались все особенности *континентального народа*». На «морском рубеже... все эти особенности исчезают». Сравним с евразийцем П. Н. Савицким: «Скажем прямо: на пространстве всемирной истории *западноевропейскому ощущению моря*, хотя и полярное, противостоит единственно монгольское ощущение континента: между тем в русских «землепроходцах», в размахе русских завоеваний и освоений — тот же дух, *то же ощущение континента*». Поразительно: материалист Маркс фактически говорит об этническом поле, коллективном аналоге индивидуального биополя.

Марксом предвосхищены почти все построения XX века великой русской мысли о России, включая евразийство, придающее особенное значение в формировании России ее татарскому периоду. Маркс: «Короче говоря: монгольское рабство было той ужасной и гнусной школой, в которой сложилась и возвысилась Москва. Она добилась своего могущества лишь благодаря тому, что достигла виртуозности в искусстве ига... И, в конце концов, Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордым честолюбием монгольского повелителя, которому Чингисхан завещал миссию завоевания мира...». Савицкий: «Прежде всего укажем следующее: *без «татарщины» не было бы России...* Велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и никому другому. Татаре — нейтральная культурная среда, принимавшая «всяческих богов»... Если бы ее взял Запад, он вынул бы из нее душу... Татаре не изменили духовного существа России, но в отличительном для них в эту эпоху качестве создателей государств, милитарно-организующей силы, они, несомненно, повлияли на Русь... Россия — наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиза и Тимура, объединительница Азии».

За полвека до евразийцев, открывших евразийский синтез культурных генотипов народов Европы и Азии — методологический фундамент концепции России, Маркс говорит о смелом русско-азиатском синтезе, «том синтезе, который представляет собой движущее начало дипломатии современной России...». Упреждая евразийцев (Савицкий: «здесь легко просыпается воля к общему делу»), Маркс исследует социальный генотип Востока, названный им «азиатским способом производства» (речь о производстве и воспроизводстве жизни), требующим из-за географических особенностей масштабных общественных работ (он отмечает проблему воды), на основе которых вырастал общинный дух и солидарные отношения (но вместе с этим неизбежно — сильный военно-административный аппарат и деспотическая власть). Для Восто-

ка типичен солидарный образ жизни, традиционное общество, патерналистское государство, воспроизводящие образ семьи с солидарной ответственностью, опекой старших и сильных над младшими и слабыми, солидарным, но не равномерным (по силам) распределением трудностей, чувством долга, большой ролью внеэкономических механизмов (больше может цениться похвала матери или отца), значительным ограничением (самоограничением) свободы и независимости, но зато с защищенностью на случай беды. Государство — отец (может быть, и тиран, лучше строгий, чем «мягкотелый»), а страна, родина — мать. Обычно, и в России особенно, мать — почитаема, святая (обычай усилен повсеместной жертвенностью матерей всех поколений в условиях всесторонней тяжести жизни в России). В ее справедливости (одинаковой любви ко всем детям) сомнений быть не может, и если одному из детей она оказала привилегию, значит, «так надо», а если старшего сына перегрузила — он горд и счастлив очередным свидетельством, что он — главная опора матери и семьи. Семейная модель общества — в подсознании и языково закреплена там. Например, ребенок обращается к чужому человеку на улице как к члену семьи или близкому родственнику: «Дядя (тетя), достань мячик»; обращение к старшим: «Отец (батя, дедушка), дай прикурить!», а к младшим: «Сынок (дочка), как пройти на улицу...?» и т. д. Существует формальная и неформальная иерархия по разным основаниям. Попытки резкого изменения статуса или борьба за статус при перетрясках — опасны для всех. Россия — семья, родина Россия — мать, государство Российское или государство СССР — отец, народы — дети, среди которых русский народ — старший брат. Этот термин бесит неазиатские, европеоидные народы (при мирной жизни, когда никто извне не угрожает). Кто-то заявляет о своей красоте и превосходстве, кто-то говорит: «Россия-сука», кто-то говорит: «Задерем по-дол матушке России», кто-то по телевидению показывает ее в виде разрезанной свиньи. Все это мощный элемент системы провокаций людей традиционного общества, удар по их святыне — удар по психике, и если святыню защитить тут же не удается, то сознание расщепляется и становится открытым для внедрения новых мифологем. А они таковы: мы готовы стать западной цивилизацией (да еще в 500 дней); она будет нашей семьей, а США — отцом; иного не дано и т. д. Расщепленное сознание не берет в актив, хотя и знает, что иного сколько угодно. Не надо забывать, что мы по генотипу — традиционное общество, т. е. ближе к восточным, что и на Западе есть успешно реформирующиеся традиционные общества, например испанское. Известно также, что западный первый мир, современная западная цивилизация (по генотипу — гражданское общество) возникла через разрушение традиционного общества и чрезвычайные жертвы, когда в Европе трупы повешенных бедняков за искусственно созданную бездомность были привычным явлением и когда Германия потеряла 75% населения (а Япония, сейчас ничуть не беднее, пришла без жертв в первый мир, не только сохранив, но и используя социально-экономические преимущества традиционного общества). Западная цивилизация восприняла механистическую картину мира и атомизм: человек — свободный атом человечества. Модель гражданского общества — рынок: никто никому ничего не должен, свободная продажа рабочей силы, конкуренция и «война всех против всех», право личности, свободного атома — превыше всего. В национальной сфере это оправдывает melting pot — плавильный котел, то есть этнический тигель для переплавки малых (неконкурентоспособных) народов в нации. В Германии, например, было около 30 славянских племен — и следов их не осталось. Россия сохранила все народы, включая самые малые. Например, тофаларов было 500 человек, сейчас их 800. И не только сохранила, как мать дитя, но и дала все права и даже преимущества как более слабому.

Механистическому мировоззрению гражданского общества соответствует и важное понятие прогресса как перемещения вперед или выше на пути к изобилию через победу над природой и другими этносами с соответственным разделением по ступенькам: прогрессивных, передовых и т. д. и отсталых, неполноценных (а не просто других) этносов и стран. В религиозной основе — протестантская этика (в традиционных обществах обычно — православная, мусульманская, буддистская этика, не ставящая создание и накопление богатства самоцелью, даже осуждающая стяжательство и превозносящая духовность).

Вестернизация (озападнивание) России Петром Великим принесла ей, как отмечает Маркс, «целый рой бюрократов, школьных учителей и военных инструкторов; их дрессировочные методы должны были дать русским возможность обзавестись тем лоском цивилизации, благодаря которому они становятся способными к восприятию технических достижений западных народов, но который не пропитывает их западными идеями». Вестернизация, а не военные действия, разобьет Россию: «Создание более достойных и более уравновешенных социальных отношений, упразднение каст и привилегий, введение свободных государственных конституций, установление свободного хозяйства и обеспечение свободы мысли — все это приведет к тому, что западные народы обретут снова единство и способность к волевым решениям, в то время как прогрессивное развитие масс и взрывчатая сила идей вдребезги разобьют русский колосс».

Об этом же говорили евразийцы, но соответственно

не с радостью, а с огромным опасением, готовые из страха за Россию приветствовать даже любой «железный занавес». Научное знание позволяло предвидеть последствия безоглядной вестернизации России — СССР и подойти к ней бережно, как к матери, отнесясь к тем, кто задирает ей подол, в соответствии с обычаями наших народов, которые и в этом отношении мало различаются.

Пророки в своем отечестве

Совершенно независимо от Маркса на границе XIX—XX веков произошел взрыв русской научной и философско-религиозной мысли, охвативший весь комплекс эколого-биосферного и космического знания о России. Среди появившихся мыслителей есть великие имена и великие учения, есть становящиеся общеизвестными лишь сейчас, ретроспективно, и есть множество пока известных лишь узкому кругу специалистов. Это генетическое почвоведение В. В. Докучаева, биогеохимическое учение его ученика — В. И. Вернадского, геохимия ландшафтов Б. Б. Полынова, учение о биогеохимических провинциях и барьерных зонах А. П. Виноградова, о геосферах Земли А. А. Григорьева, учение о биосфере Земли и ноосфере В. И. Вернадского, представления о геокристаллической структуре и геологически активных зонах С. Кислицына, учение о центрах видообразования Н. И. Вавилова, биогеоценология В. Н. Сукачева (эквивалент экологии Тэнсли, но более емкий), учение о солнечно-земных связях А. Л. Чижевского. Этот комплекс развивался во взаимодействии с европейской наукой как ее составляющая часть (с биосферной концепцией австрийца Э. Зюсса, лимологией и землеведением немца К. Риттера, концепцией экосистем англичанина Э. Тэнсли и др.) и параллельно с развитием теории систем (А. Богданова в России и Л. Берталанфи в Европе) и в невидимой, но тесной связи с изучением микрокосма — психофизиологией и антропологией И. П. Павлова и макрокосма — космической религиозно-философской мыслью, не имеющей аналога и прославившейся на Западе под названием «русский космизм» (Федорова, Циолковского, Вернадского, Флоренского). Одновременно развивались связанные с ними мощные концепции и теории России как живого исторического полиэтнического тела, сформировавшегося в результате взаимодействия русского этноса как ядра с его окружающей этнической и ландшафтной средой — прежде всего полная и завершенная концепция России Д. И. Менделеева, изложенная им в книге «К познанию России» и включающая буквально все — от геополитических, евразийских, межнациональных, духовных и экономических проблем до программ размещения каждого предприятия по территории России; утаивание его концепции России от народа — просто позор. Здесь же — размышления Н. Бердяева, особенно «Судьба России», концепция России И. А. Ильина с потрясающе точным прогнозом событий в России после падения коммунистического режима, мысли Лосского, Розанова, учение о землепользовании в России Чаянова и, наконец, евразийство П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, Л. П. Карсавина, Г. В. Вернадского и другие.

Какие все имена! И в какой нищете рождалось это бесценное богатство мысли и духа, если сравнивать с Западом. Н. И. Вавилов так пояснял этот необъяснимый феномен, еще один феномен России: «У них были деньги, а у нас — крылья». Не только переломаны крылья, но практически все было уничтожено в эпохи переломов, в переориентации и гонке стран, особенно Германии и СССР, за военно-техническим превосходством. Однако русский генотип науки не погиб под катком репрессий и бюрократии. С 1960-х годов из-под асфальта догмы стали пробиваться мощнейшие побеги тех же корней — все их обозреть даже и невозможно. Напомним лишь о недавно ушедших из жизни: великом евразийце Л. Н. Гумилеве и его концепции этногенеза, биосферы и России, академике В. А. Легасове и его концепции безопасности России «Дамоклов меч», М. М. Ермолаеве и его концепции геопространства, С. В. Мейне и его диатропике — анализе разнообразия и управления биогеосистемами, имеющей первостепенное значение для России на ее современной стадии.

Среди новых разработок школ Менделеева, Вернадского, Чижевского, Кислицына, евразийцев вдруг стали в последние годы складываться в единую картину разрозненные результаты исследований в совершенно различных, диаметрально противоположных и никак не связанных друг с другом областях: геофизики и геологии, химии, географии, этнологии, психологии, истории и культурологии, но касающихся одних и тех же объектов — нашей планеты и нашей России. Весь дом знания строился одновременно на всех этажах, и крыша русского космизма наводилась до того, например, как были поставлены опорные столбы концепции ноосферы, и одновременно же достраивался фундамент геологических, астрономических, биологических, антропологических, этнологических, экологических знаний. И вот рок — опять революция, опять великий перелом и опять каток, экономический, но не менее страшный, а возможно, для судьбы знания — и более страшный. «Знание — сила», — сказал Бэкон. Сила не нужна, нужна теперь ловкость. «Не в силе Бог, а в правде», — возразил ранее Александр Невский, первый русско-татарский брат, родоначальник практики русско-татарского евразийского синтеза России. Поверим святому Невскому и России.

КНЯЗЬ ЗУРАБ ЧАВЧАВАДЗЕ,
член Совета Российского Дворянского Собрания

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

ДОЛГИМ ОНО БЫЛО ДЛЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА...

Paris, le 16.04.1992

TELECOPIE

EXPEDITEUR :

S.A.I. le GRAND DUC WLADIMIR
Chef de la Maison Impériale
de Russie
6, rue de Mond..vi - 75001 PARIS
Tel (33)(1) 40 20 05 09
Fax (33)(1) 40 20 93 53

DESTINATAIRE : Князь Зураб ЧАВЧАВАДЗЕ

OBJET :

MESSAGE : Христос воскресе! Благодарю Вас за письма.

Мы все-таки хотим приехать в Москву одни – по целому ряду причин. Но, если все в Москве пройдет благополучно, мы надеемся приехать с дочерью и с маленьким на торжества в Сергиеву лавру. Мы улетаем в США 20-го апреля и после этого будем ждать московского визита – 5-го мая. Сердечно благодарю Вас за заботы о нашем визите. Поздравляем Вас и Вашу семью со светлым праздником Пасхи.

Владимир

P.S. С 24 апреля по 4 мая мы будем в Мадриде.

В моем сердце все еще живо то щемящее чувство, которое я испытал в ночь на 22 апреля прошлого года, когда, пробудившись от телефонного звонка из Парижа, услышал в трубку: «Только что скончался Великий Князь...»

Наступало утро Великой среды, дня предательства Иуды, который в том году по странности совпадал с днем рождения «вечно живого» продолжателя его черного дела. В голову почему-то настойчиво лезла мысль, что вступить в такой день было слишком уж не по силам человеку с сердцем, столь глубоко и беззаветно преданным Христу и России.

Вспомнился телефонный разговор с Великим Князем всего неделю назад. Я отговаривал его от поездки в Америку, просил поберечь силы для готовившегося приезда в Москву в середине мая.

— Нет, — убежденно отвечал Великий Князь, — мне необходимо быть в Майами. Там большая группа предпринимателей испанского происхождения готова помочь России техникой и материальными средствами для возрождения русской деревни.

Как потом выяснилось, в самолете, на пути в Америку, Великий Князь, предчувствуя, вероятно, фатальный исход, обратился к сопровождавшему его в поездке князю Урусову:

— Если почему-то я не сумею прочесть в Америке свой второй доклад, сделайте это, пожалуйста, вместо меня.

И князю Урусову, увы, пришлось-таки исполнить его волю и зачитать второй доклад перед застывшей в скорбной тишине аудиторией.

Впоследствии я получил этот текст в его французском переводе. Основные положения доклада были мне хорошо знакомы из долгих и поучительных бесед с Великим Князем во время наших встреч в Париже.

В нем подчеркивалась мысль о том, что помощь России со стороны Запада выгодна сегодня Западу в не меньшей степени, чем России, ибо развал российской экономики чреват серьезными социальными потрясениями, последствия которых непредсказуемы для всего мирового сообщества. России же следует быть весьма разборчивой и осторожной в расчетах на экономическую помощь извне, опасаясь закабаления иностранным капиталом.

Особую угрозу он видел в проникновении в Россию дешевых образцов западной массовой культуры, отрицательное воздействие которых на самобытность национального характера представлялось ему неизбежным.

Молодым русским людям прежде всего следовало бы учиться у Запада добросовестному отношению к труду. В этом смысле, говорил он, западный опыт столь же поучителен, сколь и опыт наших предков, трудом которых Россия перед первой мировой войной вышла на передовые рубежи социального и экономического развития.

Как-то мы заговорили о трагической судьбе России, о революции, ее причинах. Да, конечно, заметил Великий Князь, сильная и процветающая Россия была не по нутру богатым странам Запада, искавшим мирового господства. Там нашлись мощные финансовые ресурсы, которые были брошены на уничтожение России. Нашлись и внутренние силы, жаждавшие развала собственной страны с таким вожделением, будто речь шла не о родном Отечестве, а о враждебном государстве. Без активного взаимодействия этих внешних и внутренних деструктивных сил — такого колосса, каким была Россия, сбить с ног было бы, разумеется, невозможно. Но не в них первопричина всех наших бед.

— Значит, она в том, что правительство, над которым стоял Государь, не сумело ничего противопоставить этим разрушительным силам? — спросил я.

— Нет, она значительно глубже, — уверенно ответил Великий Князь. — Ведь первичен дух... в этом смысле Государь-то как раз и явил первым из наших соотечественников тот жертвенный дух, который только и спасет Россию. Я вполне допускаю, что отречение от престола было ошибкой, вызванной предательством окружения Государя и дезинформацией его о реальном положении дел в стране. Но главная причина все же в истоках этого предательства. А они — в охватившей образованную часть общества страшной духовной болезни — в отходе от православных идеалов и традиционных устоев жизни.

Гуляя с Великим Князем по улицам фешенебельного квартала вокруг площади Согласия и сада Тюильри, я замечал, с каким почтением парижане рассматривали его импозантную фигуру. Интересно, за кого они его принимали? За французского аристократа, английского лорда, немецкого принца?

— Ваше Высочество, мне почему-то кажется, что Париж — неестественная среда обитания для Вас.

— Я бы этого не сказал, — возразил Великий Князь. — За долгие годы жизни во Франции я вполне сроднился с этим славным городом... Но в мечтах я подолгу гуляю по набережным Петербурга, по его проспектам и улицам. Это, уверяю Вас, восхитительные прогулки...

Тогда, в 1988 году, трудно было представить, что все это сбудется всего через три с небольшим года. Теперь, рассматривая с монитора отснятые материалы его первого и последнего при жизни посещения Петербурга, я вижу, что он как бы смакует каждый свой шаг по земле, которая всегда была родной...

На экране крупным планом лицо Великого Князя в последний день перед отлетом в Париж. Он дает интервью в подворье Валаамского монастыря после воскресной литургии: «Я благодарю Бога за то, что Он сподобил меня на закате моей жизни ступить на родную землю...»

С улыбкой вспоминается сейчас, как накануне отъезда Августейшей Четы я оказался инициатором «неожиданного заговора». Последний день визита, выпадавший на воскресенье, предусматривал посещение сияющего золотом иконостаса и митр Спасо-Преображенского собора. Не слишком ли обильно навязывалась парадная сторона торжественных богослужений? И я решил позвонить своему доброму старому другу, игумену Андронику, возрождающему из пепла древнюю Валаамскую обитель, а заодно с ней — и руины петербургского подворья Валаамского монастыря.

— Отец Наместник, не примете ли завтра Августейшее Семейство на воскресную литургию?

— С удовольствием, но мне никто не сообщал об этом их желании...

Я начал быстро сочинять, что Великий Князь (еще ни о чем к тому времени не предупрежденный) хотел бы появиться в храме инкогнито. Параллельно не менее талантливо искажали истину вовлеченные в мой «заговор» члены свиты Августейшей Четы — граф Пален и князь Андроников: они сообщили Великому Князю, что программа следующего дня претерпела изменения и вместо литургии в Преображенском соборе его ждут в подворье Валаамского монастыря.

Оставалась самая малость... Сообщить рано утром бдительной охране из известных спецслужб о происшедших изменениях в программе. Реакция их на такое сообщение особой изысканностью, прямо скажу, не отличалась. И было с чего! Ведь еще накануне, с ночи, вокруг и внутри Спасо-Преображенского собора были выставлены посты, на «мушку» взят каждый квадратный метр предсоборной площади, исследованы и вычерчены наиболее безопасные маршруты подъезда кортежа к собору. И вдруг выясняется, что все посты надо срочно разворачивать в совершенно другом квартале Петербурга!

Так или иначе, но к 10.00 утра кавалькада черных автомобилей остановилась у дверей Валаамского подворья. Игумен Андроник с братией в облачениях встретили гостей у самых машин и под торжественный колокольный звон препроводили в храм, вернее — в помещение, которое некогда было храмом, а сейчас являло печальное, жалкое зрелище.

Обшарпанные стены, листы фанеры, постеленные на разбитые плиты каменного пола, вместо центрального иконостаса — подвешенная на проволоке занавеска, строительные леса у правого придела. Лишь левый придел с наскоро сооруженной алтарной перегородкой был приспособлен для совершения богослужений.

И несмотря ни на что, проникновенно пел великолепный мужской хор, в отдельных молитвах поминались все члены Августейшей Семьи. Сосредоточенно молились присутствующие каждый раз, когда в оче-

редной ектенье возносились молитвы о «богохранимой стране нашей». Сердечным было приветствие, произнесенное Наместником Валаамского монастыря. Взволнованно прозвучало ответное слово Главы Российского Императорского Дома: «Я хотел бы, чтобы вы все знали, что Великая Княгиня и я душевно и мысленно всегда с вами во всех ваших трудностях и невзгодах».

Вечером на заключительном приеме мне пришлось выслушать немало кислых слов от петербургских организаторов визита. Но величайшим утешением послужили слова Великого Князя, который на мой вопрос о самом сильном впечатлении петербургского визита, почти не задумываясь, ответил: «Сегодняшняя литургия в Валаамском подворье».

Кстати, о «самых сильных впечатлениях»...

Незадолго до отъезда в Петербург, еще в Париже, мы говорили с ним на разные темы. Великий Князь охотно делился воспоминаниями из своей насыщенной событиями жизни. Меня интересовало, каким образом ему удавалось помогать военнопленным, находившимся, как и он сам, в оккупированной немцами Франции. Оказалось, что французский Красный Крест снабжал Великого Князя информацией о местах интернирования наших пленных, сообщал их имена и фамилии. Остальное уже было делом техники. Жившие в тяжелых условиях советские пленные регулярно получали материальную помощь из далеко не обильных средств, которыми располагал Великий Князь.

— Оглядываясь назад, на прожитые годы, какое событие в жизни Вы вспоминаете как самое яркое?

— Самое сильное волнение я испытал в день моего династического совершеннолетия, — ответил Великий Князь. — Это было в 1933 году. В тот день я присягал на верность своему отцу. Помню торжественную литургию, на которой молилась вся моя семья и большое число верных моему отцу соотечественников. По окончании литургии был совершен молебен, в конце которого я принес на Кресте и Евангелии торжественную клятву в верности России и Отцу. С этого момента у меня началась как бы новая жизнь, я понял, что уже не принадлежу только самому себе: на моих плечах отныне груз великой ответственности, и я не имею права допускать к себе никакой снисходительности, никаких поблажек.

Мне вспоминается эпизод, связанный с сенсационным заявлением Гелия Рябова об обнаруженных им останках Царской Семьи в Екатеринбурге. (К слову сказать, опубликовал эту сенсацию Г. Рябов в журнале «Родина», в № 4, 5 за 1989 год. — *Ред.*) В монархических кругах как в России, так и за рубежом это сообщение было воспринято с изрядной долей скепсиса. Узнав и о моих сомнениях в достоверности найденного захоронения, Г. Рябов позвонил мне и спросил о причинах недоверия к его версии. Я ответил ему, что без проверки обнаруженных останков компетентной международной комиссией и без благословения на ее работу со стороны Главы Российского Императорского Дома его заявление рискует обрести славу пропагандистского трюка.

Тогда Г. Рябов создал в Москве инициативную группу, юридически оформил ее в общественную организацию с целью создания той самой международной экспертной комиссии, о которой я ему говорил. С учредительными документами этой организации я отбыл в Париж для ознакомления Великого Князя с существом вопроса и для получения его одобрения на научное обследование обнаруженного Г. Рябовым захоронения.

Великий Князь внимательно выслушал мой доклад, попросил оставить привезенные мной документы для изучения и обещал сообщить о принятом решении через два дня. На третий день вечером Великий Князь позвонил и попросил отложить принятие окончательного решения еще на три дня, по истечении которых он пригласил меня к себе на квартиру.

— Прошу прощения за задержку с ответом, — сказал он тогда. — Дело в том, что серьезность вопроса не позволяла мне принять окончательное решение, не посоветовавшись с моим духовным отцом, с которым мне удалось связаться только вчера. Теперь же могу сказать, что одобряю вашу инициативу и постараюсь помочь, чем смогу...

Потом, немного подумав, добавил:

— Но если случится так, что экспертиза не подтвердит принадлежность останков Государю и Его Семье, найденные косточки все же являются святыми мощами. Ведь всех, кого расстреливали тогда и так варварски закапывали в землю, наша Зарубежная Церковь причислила к сонму новомучеников и чтит их безымянную память. Может быть, имело бы смысл в этом случае упокоить эти останки в одном из храмов как символические мощи всех российских новомучеников?

Меня поразило, что никто из тех верующих или священников, с которыми мы совещались тогда, даже не задумывался об этом. Всех увлекала лишь разгадка вопроса — были ли то священные останки Царской Семьи или простые человеческие кости.

В связи с исследованием Г. Рябова нам пришлось поговорить и о проблеме разделения и конфликтов между Русской Православной Церковью и Русской Зарубежной Церковью. Ведь в случае установления подлинности останков вставал вопрос об отношении к ним как к мощам (с позиции Зарубежной Церкви) или как к человеческому праху (с позиции Русской Православной Церкви). Церковный раскол был предметом серьезных переживаний для Великого Князя.

— По сути дела, — утверждал он, — никакого раскола между Церквами не существует. Налицо не разделение Церквей, а расхождение во взглядах между иерархами двух юрисдикций, причем чаще всего по сугубо политическим мотивам.

Великий Князь никогда не отрицал своей принадлежности к юрисдикции синодальной Зарубежной Церкви, высоко отзывался о ее заслугах перед соотечественниками в эмиграции, которых она воспитывала в лучших православных традициях старой России. Но он посещал богослужения в храмах и других юрисдикций, где по разным поводам собирались на молитву русские люди.

— Единственная просьба, с которой я обращаюсь к моим соотечественникам, приглашающим меня на совместную молитву в какой-либо приход несинодального подчинения, это не служить панихид по убиенному Государю и Его Семье. Как прославленным новомученикам, им подобает служить только молебны, — говорил Великий Князь. А меня как-то спросил:

— Как вы думаете, князь, возможен ли акт признания канонизации Царской Семьи Московской Патриархией?

В ответ я сослался на разговор с Патриархом Алексием II, который говорил мне, что после прославления великомученицы Елизаветы Федоровны он собирается поручить Патриаршей комиссии по канонизации рассмотрение вопроса о причислении к лику святых Государя и Его Семьи.

— Это очень приятно слышать, — сказал Великий Князь. — Таким образом снимается еще одна преграда, разделяющая русские православные Церкви на Родине и за рубежом. Но для полного взаимопонимания в этом вопросе самым удачным было бы простое признание Московской Патриархией синодального акта канонизации российских новомучеников и перенесение их имен в святцы.

Великий Князь показал мне пачки писем из России, рассортированные им в зависимости от поднятой темы. На конверте каждого письма его рукой помечалось: «о Церкви», «о деревне», «тема монархии» и т.д.

Благодаря этому потоку писем из России он как бы непосредственно соприкасался с жизнью на Родине, имел возможность быть в курсе многих проблем, волновавших русских людей. Работе (иным словом это не назвать) над письмами он посвящал несколько часов ежедневно. То был нелегкий труд после перенесенной в Мадриде сложной глазной операции.

Предметом особого беспокойства были для него сообщения о назревавших национальных конфликтах, разрушении государственной целостности страны.

— Неужели трудно понять, — убежденно говорил он, — что идея расчленения государства, которую безуспешно пытались осуществить наши недруги на протяжении многих веков, чревата катастрофой не только для России, но и для всего мира. Сегодня, когда мир жестко контролируется англо-американской экономической и культурной империей, а Европа объединяется и создает общий рынок, развал государства иначе как самоубийством назвать нельзя.

Он верил, что народы в конце концов поймут бесплодность поиска виновников своих бед в других этносах. У всех общий враг — безбожный тоталитарный режим, который подавлял национальные чувства всех, тормозил развитие национальных языков и культур, проводил порочную политику произвольного установления внутренних границ, чем сеял семена будущих раздоров и конфликтов.

В этих беседах о национальных проблемах я как-то заметил, что, родившись на чужбине от отца-грузина и русской матери, в силу горьких обстоятельств, в которые попала моя семья после возвращения в 1947 году на Родину (отец в ГУЛАГе, семья в казахстанской ссылке), я был воспитан в русской школе и начал изучать грузинский язык уже после переезда в Грузию в двадцатилетнем возрасте. И я сказал тогда, что соприкосновение с Грузией, национальным характером грузин дало мне возможность почувствовать свою принадлежность к этому талантливому, великодушному и мужественному народу, чем не перестаю гордиться и по сей день.

— Если бы это было не так, я меньше бы вас уважал, — последовал лаконичный ответ.

Судьба Великого Князя по своей драматичности схожа с судьбами и других Августейших изгнанников, оказавшихся за пределами своих стран в результате многочисленных катаклизмов XX века. Удивительно, как по-разному они устраивали свою судьбу в одних и тех же условиях.

Великий Князь был убежден, что русский народ изначально и традиционно привержен монархическому способу правления. И потому строил свою жизнь таким образом, чтобы в любой момент быть готовым откликнуться на зов своего народа. Даже сегодня эта мысль многим кажется утопичной, что уж говорить о временах сталинского лихолетья!

Не хуже других понимал Великий Князь нереальность такого призыва из родной России. Но православному сознанию свойственно руководствоваться понятием о неисповедимости путей Господних. Отсюда и твердая решимость Главы Императорского Дома, если так нужно будет Господу, исполнить при случае миссию, возложенную на него историей. Он собирает информацию о событиях на Родине, старается объединить здоровые силы русской эмиграции, обращается с призывами к родному народу, которые пытается перебросить через глухой «железный занавес». А после рождения дочери всецело посвящает себя ее воспитанию в духе подлинной русскости и ответственности перед Отечеством. Позднее с той же последовательностью и самоотдачей он воспитывал любимого внука.

Известие о кончине Великого Князя застало внука Георгия в Мадриде. По рассказам его матери, Великой Княгини Марии Владимировны, печальная весть произвела на мальчика ошеломляющее действие. Он весь ушел в себя, молчал, избегал общения с друзьями, но боялся остаться без общества матери.

Вернувшись в Париж и едва переступив порог дома, сразу же бросился в спальню деда. Вошедшая туда следом за ним Великая Княгиня Мария Владимировна увидела его лежащим на дедушкиной кровати и безудержно рыдающим в подушку...

СТАНИСЛАВ ДУМИН
кандидат исторических наук

БАГРАТИОНЫ И ДРУГИЕ

Предки вдовствующей Великой Княгини Леониды Георгиевны

12 августа 1948 года переплелись ветви двух родословных древ: Романовых и Багратионов. В тот день Великий Князь Владимир Кириллович ввел в Российский Императорский Дом княжну из рода древних грузинских царей.

Род Багратидов, затем Багратионов, царей Армении и Грузии, был царствующим уже в первые века нашей эры (а легендарная его родословная уходит в библейские времена). Почти двухтысячелетняя его история чрезвычайно интересна; но вряд ли возможно в небольшой статье рассмотреть ее даже в общих чертах. Напомним лишь, что отдельные ветви этой семьи царствовали в Грузии (Картли) и Кахетии до 1801 года, а в Имеретии до 1810 года. В России некоторые потомки последних царей из этого дома носили титул светлейших князей Грузинских, другие — князей Багратионов. Старшей ветвью этого разветвленного рода являлась семья, происходившая от грузинских царей Александра I Великого (1412—1442), его сына Димитрия III (1446—1453) и внука Константина II (1478—1505). Сын последнего царевич Баграт был первым владетельным князем Мухранским. С начала XVI века за этой отраслью Багратионов утвердился титул «Мухран-батони», Мухранский владетель. Мухранские Багратионы титуловались царевичами. В XVII — начале XVIII века представители этой семьи (Вахтанг V, Леван, Вахтанг VI) занимали царский престол. Позже трон достался потомкам другой, младшей линии грузинской династии. Но Мухранские Багратионы сохранили свое удельное княжество до 1801 года, то есть до момента присоединения Грузии к России и введения на территории Закавказья русского управления. Разумеется, и в России за ними был признан княжеский титул. Как и многие представители высшей знати, князья Багратион-Мухранские занимали видное место при дворе, на военной и гражданской службе. Троюродный дядя будущей Великой Княгини, флигель-адъютант князь Константин Александрович Багратион-Мухранский, с согласия Императора Николая II 24 августа 1911 года женился на Княжне Императорской Крови Татьяне Константиновне (11.01.1890—28.08.1979); он погиб в первую мировую войну (19.05.1915), оставив сына и дочь. С конца XIX века старшим в роде Багратионов был князь Александр Ираклиевич Багратион-Мухранский; после его гибели (зарублен большевиками 30 октября 1918 г.) старшим в роде стал его сын князь Георгий Александрович (16.07.1884—29.09.1957), бывший душетский уездный предводитель дворянства. Вместе с женой Еленой Сигизмундовной-Чеславовной, урожденной Злотницкой (из старого польского дворянского рода), и детьми князем Ираклием (21.03/4.04.1909—30.11.1977) и княжной Леонидой (р. 23.09/6.10.1914) он сумел уехать за границу; его вторая дочь, княжна Мария (р. 13/26.10.1911), талантливая художница, вскоре вернулась в Россию. В 1948 году, после женитьбы Великого Князя Владимира на ее сестре, Марию Георгиевну арестовали, и она восемь лет провела в лагерях. Лишь недавно сестры смогли вновь встретиться. Мария Георгиевна скончалась в Тбилиси 10 августа 1992 года.

Багратион-Мухранские заняли почетное положение среди европейской аристократии. 29 августа 1946 года князь Ираклий Георгиевич женился на испанской принцессе крови, дочери дона Фернандо, принца Баварского и инфанта Испании, доньи Марии де лас Мерседес. Этот брак позволил еще раз подчеркнуть династический статус данной семьи, ее место в родословной Грузинского Царского Дома. 5 декабря 1946 года Великий Князь Владимир Кириллович в качестве Главы Российского Императорского Дома издал специальный акт, в котором, после консультаций с учеными-историками и другими лицами (в том числе своим дядей, Великим Князем Андреем Владимировичем), счел «справедливым и полезным признать царское достоинство старшей ветви Семьи Багратионов, как и право ее членов именоваться Князьями Грузинскими и титуловаться Царскими Высочествами»; было отмечено также (в соответствии с генеалогическим старшинством), что «главой этой семьи является ныне здравствующий Князь Георгий Александрович». Составляя этот документ, «дабы удовлетворить справедливые национальные чувства грузинского народа», Великий Князь вряд ли мог предполагать, что полтора года спустя очаровательная грузинская царевна станет его женой и именно ей суждено будет продолжить род Романовых.

Ныне старший в Грузинском Царском Доме — племянник Великой Княгини Леониды Георгиевны князь Георгий Ираклиевич (р. 22.02.1944), сын ее брата от

первого брака (с графиней Марией Антуанеттой Паскини). От второго брака с инфантой Марией де лас Мерседес князь Ираклий оставил дочь княжну Марию де ла Пас-Викторию-Тамар-Элен-Антуанетту (р. 27.06.1947) и сына князя Баграта-Жана-Мари (р. 12.01.1949). Оба племянника Великой Княгини имеют мужское потомство. Осенью 1991 года грузинское правительство вело с ними переговоры о возвращении в Грузию.

Среди предков этой ветви Багратионов мы увидим не только царственные имена. Кроме княжеских грузинских семей мы встретим фамилии старых русских и польских, литовских, служилых немецких и голландских родов. Подобно русским царям и великим князьям XVI, XVII и даже XVIII веков (до введения в Доме Романовых формальных ограничений на нединастические браки), грузинские цари, царевичи и князья крови женились на княжнах и дворянках, не теряя своих династических прав и передавая их потомству. Брак, независимо от сословных прав мужа, не влиял и на личный статус представительниц династии. Так обстояло дело, кстати, и в России: княжны императорской крови, вступая в нединастический брак, сохраняли свое положение и титул, хотя не передавали его потомству и супругу (первый муж будущей Великой Княгини, Соммер Мур Кирби, американец шотландского происхождения, по вероисповеданию — протестант, участвовал в движении Сопротивления и погиб в гитлеровском лагере незадолго до конца войны — 7 апреля 1945 года. Дочь от этого брака Элен (Елена) получила позже титул графини Двинской от своего отчима, Великого Князя Владимира Кирилловича).

Итак, мы представили первые пять поколений восходящей родословной Великой Княгини Леониды Георгиевны. В родословной используется обычная нумерация, принятая в подобных схемах: лицо, чью родословную мы составляем, получает № 1; чтобы получить номер отца, мы удваиваем этот номер; чтобы получить номер матери — удваиваем и прибавляем единицу (по формулам X × 2, и (X × 2) + 1).

ПОДПИСИ К ДРЕВУ

1. Ее Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Леонида Георгиевна (р. 23.09/6.10.1914), урожденная княжна Багратион-Мухранская (Титул Царского Высочества подтвержден за нею, братом и их отцом актом Главы Российского Императорского Дома 5.12.1946).

Первый муж (6.11.1934)— Соммер Мур Кирби († 7.04.1945). 12/13.08.1948 г. — брак с Главой Российского Императорского Дома Великим Князем Владимиром Кирилловичем (17/30.08.1917—21.04.1992). Великий магистр ордена св. Екатерины. Православная.

2. Его Царское Высочество Князь Георгий Александрович Багратион-Мухранский (16.07.1884—29.09.1957). Глава Грузинского Царского Дома. Кавалер ордена св. Андрея Первозванного. Православный.

3. Ее Царское Высочество Княгиня Елена Сигизмундовна-Чеславовна Багратион-Мухранская, урожденная Злотницкая герба Новина (29.03.1886—25.04.1979). Потомственная дворянка. Православная.

4. Князь Александр Ираклиевич Багратион-Мухранский (20.07.1853—30.10.1918). Старший в династии Багратионов. Свиты Е.И.В. генерал-майор; при отставке (после отречения Императора Николая II) — генерал-лейтенант (6.04.1917). Убит большевиками во время массовых казней заложников в Пятигорске. Православный.

5. Княгиня Мария Дмитриевна Багратион-Мухранская, урожденная Головачева (11.10.1855—12.06.1932). Потомственная дворянка. Кавалерственная дама св. Екатерины. Православная.

6. Чеслав-Сигизмунд Дмитриевич Злотницкий герба Новина (2.06.1849—19..). Из потомственных дворян Черниговской губернии. Коллежский советник (1896), служил на Кавказе. Римский католик.

7. Мария Эрисбаровна Злотницкая, урожденная княжна Эристова (1858—1934). Православная.

8. Князь Ираклий Константинович Багратион-Мухранский (1813—1880). Коллежский советник. Православный.

9. Княгиня Екатерина Ивановна Багратион-Мухранская, урожденная княжна Аргутинская-Долгорукая (1813—1892). Армяно-григорианского вероисповедания.

10. Дмитрий Захарович Головачев (13.01.1822—04.11.1886). Свиты Е.И.В. контр-адмирал (1877), вице-адмирал (1886). Православный.

11. Леонида Георгиевна Головачева, урожденная фон Гессен (р. ок. 1830). Потомственная дворянка. Лютеранка.

12. Дмитрий Антонович Злотницкий герба Новина (ок. 1805—14.12.1865). Гвардии поручик (отставка 1830). Радомысльский уездный предводитель дворянства (1838—1844), коллежский советник. Римский католик.

13. Целестина Целестиновна Злотницкая, урожденная Тржецяк герба Сас. Потомственная дворянка. Римская католичка.

14. Князь Эрисбар Шаншиевич Эристов (1808—1871). Майор. Православный.

15. Княгиня Екатерина (Кетеван) Шалвовна Эристова, урожденная княжна Эристова. Православная.

16. Князь Константин Иванович Багратион-Мухранский (1782—1842). Последний удельный владетель Мухранский (1800—1801). Внук (по матери) царя Ираклия II (старший сын владетельного князя Мухранского Ивана Константиновича и царевны Кетеван-Тамар Ираклиевны). Генерал-лейтенант русской службы. Православный.

17. Княгиня Хорасан-Мария Зааловна (Захаровна) Багратион-Мухранская, урожденная княжна Гурамова (Гурамишвили) († 21.11.1832). Православная.

18. Князь Иван Захарович Аргутинский-Долгорукий (Мхаргрдзели-Аргуташвили). Армяно-григорианского вероисповедания.

19. Княгиня Нина (Нино) Сулхановна Аргутинская-Долгорукая, урожденная княжна Туманова. Православная.

20. Захар Алексеевич Головачев (17.03.1782—17.01.1837). Флота капитан-лейтенант. Из старинного тверского дворянского рода. Сын бригадира. Православный.

21. Варвара Александровна Головачева, урожденная Ивина (26.10.1797—08.10.1860). Из старинного тверского дворянского рода. Православная.

22. Георгий (Егор) Федорович фон Гессен (13.04.1775— 12.04.1852). Согласно формулярным спискам, происходил «из российских дворян». Капитан I ранга (1828), флота генерал-лейтенант (1834). Лютеранин.

23. Елизавета Рейнгольдина Романовна фон Гессен, урожденная фон Шельтинг (26.08.1812—13.03.1852). Дочь капитан-командора (1808), впоследствии флота генерал-лейтенанта Романа Петровича Шельтинга (1762—1834), правнучка шаубенахта (контр-адмирала) Вейбранта Шельтинга (ум. 1718), поступившего на русскую службу при Петре I из капитанов голландского флота (1704). Лютеранка.

24. Антоний Осипович (сын Юзефа) Злотницкий герба Новина. Депутат нескольких сеймов, бригадир польской службы и комендант Каменца-Подольского, генерал-лейтенант русской службы (1793), кавалер орденов св. Станислава, св. Александра Невского (1793), от Екатерины II получил 1006 душ крестьян в Радомысльском уезде (1796). Римский католик.

25. Елизавета Дмитриевна Злотницкая, урожденная Норова. Дочь генерал-поручика Дмитрия Автомоновича Норова († 1788), правителя Харьковского наместничества (1780—1788), из старинного русского дворянского рода. Православная.

26. Целестин Мельхиорович Тржецяк герба Сас. Из старинного польского рода. Радомысльский уездный предводитель дворянства. Римский католик.

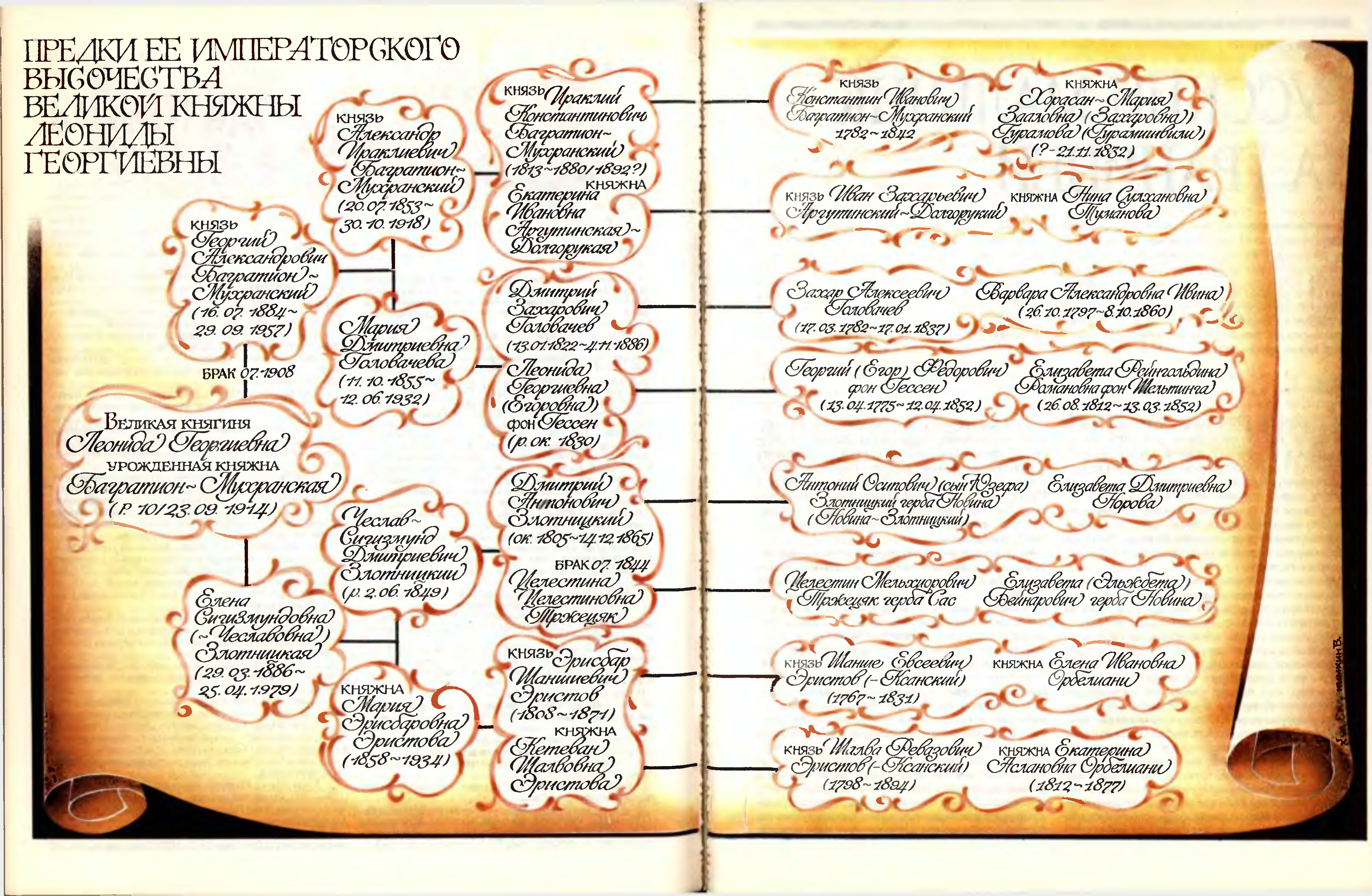
27. Елизавета (Эльжбета) Тржецяк, урожденная Бейнарович герба Новина. Из старинного польско-литовского рода. Римская католичка.

28. Князь Шанше Евсеевич Эристов (Эристави)-Ксанский (1767—1831). Полковник русской службы (1811), потомок удельных владетелей (эриставов) Ксанского ущелья. Православный.

29. Княгиня Елена Ивановна Эристова, урожденная княжна Орбелиани. Православная.

30. Князь Шалва Ревазович Эристов (Эристави)-Ксанский (1798—1894). Коллежский секретарь. Внук (по матери) царя Ираклия II (сын князя Реваза Георгиевича Эристова-Ксанского и царевны Анастасии Ираклиевны). Православный.

31. Княгиня Екатерина Аслановна Эристова (Эристави)-Ксанская, урожденная княжна Орбелиани (1812—1877). Православная.

ПРЕДКИ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ЛЕОНИДЫ ГЕОРГИЕВНЫ
Великая княгиня Леонида Георгиевна урожденная княжна Багратион-Мухранская (р. 10/23.09.1914)
князь Георгий Александрович Багратион-Мухранский (16.07.1884-29.09.1957)
брак 07.1908
Елена Сигизмундовна (-Чеславовна) Злотницкая (29.03.1886-25.04.1979)
князь Александр Ираклиевич Багратион-Мухранский (20.07.1853-30.10.1918)
Мария Дмитриевна Головачева (11.10.1855-12.06.1932)
Чеслав-Сигизмунд Дмитриевич Злотницкий (р. 2.06.1849)
княжна Мария Эрисбаровна Эристова (1858-1934)
князь Ираклий Константинович Багратион-Мухранский (1813-1880/1892?)
княжна Екатерина Ивановна Аргутинская-Долгорукая
Дмитрий Захарович Головачев (13.01.1822-4.11.1886)
Леонида Георгиевна (Егоровна) фон Гессен (р. ок. 1830)
Дмитрий Антонович Злотницкий (ок. 1805-14.12.1865)
брак 07.1844
Целестина Целестиновна Тржецяк
князь Эрисбар Шаншиевич Эристов (1808-1871)
княжна Кетеван Шалвовна Эристова
князь Константин Иванович Багратион-Мухранский 1782-1842
княжна Хорасан-Мария Заалловна (Захаровна) Гурамова (Гурамишвили) (?-21.11.1832)
князь Иван Захарьевич Аргутинский-Долгорукий
княжна Нина Сулхановна Туманова
Захар Алексеевич Головачев (17.03.1782-17.01.1837)
Варвара Александровна Ивина (26.10.1797-8.10.1860)
Георгий (Егор) Федорович фон Гессен (13.04.1775-12.04.1852)
Елизавета Рейнгольдина Романовна фон Мельтинга (26.08.1812-13.03.1852)
Антоний Осипович (сын Юзефа) Злотницкий герба Новина (Новина-Злотницкий)
Елизавета Дмитриевна Норова
Целестин Мельхиорович Тржецяк герба Сас
Елизавета (Эльжбета) Бейнарович герба Новина
князь Шанше Евсеевич Эристов (-Ксанский) (1767-1831)
княжна Елена Ивановна Орбелиани
князь Шалва Ревазович Эристов (-Ксанский) (1798-1894)
княжна Екатерина Аслановна Орбелиани (1812-1877)

ДМИТРИЙ СЕЗЕМАН

РУССКИЙ МАЛЬЧИК ЗА ГРАНИЦЕЙ

Историкам еще предстоит написать повесть о русских эмиграциях; от князя Курбского до Александра Исаевича Солженицына, ой как длинен список русских людей, ушедших в изгнание, покинувших родину из любви к этой самой родине, не вынесших трагического разрыва между тем, какой им мечталась родная страна, и тем, чем она на самом деле при них была. Я же никакой не историк и могу в эту печальную летопись внести лишь несколько строк жизни моей и моих родителей.

Судьбе было угодно связать меня как с первой эмиграцией, той, что последовала за октябрьским переворотом и гражданской войной, так и с третьей, хлынувшей в семидесятые годы. Я не стану касаться второй волны, образовавшейся непосредственно в результате второй мировой войны и состоявшей главным образом из так называемых перемещенных лиц, бывших военнопленных и представителей Русской освободительной армии генерала Власова (РОА). Не стану касаться просто потому, что знаю о ней мало, больше понаслышке.

Первое, по-моему существенное, замечание касается коренного различия между первой и третьей волнами. В 1918-м, 19-м, 20-м и последующих годах из России эмигрировали люди, формировавшиеся в высококультурной стране, люди, вскормленные той же христианской цивилизацией, той же моралью, теми же духовными ценностями, пусть в «русском исполнении», что и люди Запада, где они искали и нашли прибежище. Они бежали, увидев, что нагрянувший Хам грозился разрушить и начал разрушать все то, что делало русскую жизнь достойной уважения, привязанности и, попросту говоря, любви. Попав во Францию, они не переселились с одной планеты на другую, а переехали из одной, еще недавно культурной, страны в другую. Помимо своих, российских ценностей, они были носителями всего лучшего, что создал тот же Запад. Ведь в Москве издавали полное собрание сочинений Ницше, когда профессора Сорбонны еще думали, сообщать или нет студентам, что некогда существовал такой философ. Художественный театр ставил в сиреневых декорациях скандинавских авторов, которых сейчас, семьдесят лет спустя, открывает парижский театральный авангард. Русские купцы-мануфактурщики покупали в Париже и выставляли в Москве полотна Пикассо и Дерена, в то время как дирекция Лувра брезгливо отвергала даже не проданные, а подаренные ей картины импрессионистов — Ван Гога и Сезанна.

Это я все говорю не из глупого провинциального бахвальства, а для того, чтобы было понятно: русские эмигранты 1919-1920 годов были чаще всего нищими, голодными и холодными, но они не страдали комплексом неполноценности; не чувствуя себя н и ж е, они особенно не стремились слиться с западным обществом, в этом не было необходимости.

То ли дело третья волна! В конце семидесятых годов хлынули на Запад советские до мозга костей полуинтеллигенты, выросшие в стране с лучшей в мире цензурой, воспитанные в спасительном страхе, постоянно надеявшиеся на духовные блага, дарованные начальством, и вполне соответствовавшие бессмертному определению, данному либеральной интеллигенции Салтыковым-Щедриным: «Это люди, которые с надеждой ждут дальнейших разъяснений». Иностранных языков они не знали и знать не желали, да и родной их язык давно был уже не русским, а отвратительной смесью мещанского наречия, партийных канцеляризмов и возведенного в ранг хорошего тона лагерного сквернословия. Им в какой-то мере повезло: сами-то они Ницше не читали, но и в странах, куда они переселились, «Рождение трагедии» мало для кого было настольной книгой, и новые советские эмигранты, ничуть не стесняясь, сочли цветной телевизор с дистанционным управлением наивысшим достижением человеческого духа.

Все это, возможно, и так, однако ни в коей мере не относится к мальчику, попавшему в двухлетнем возрасте в Париж и жившему там до пятнадцати лет. Ибо как только я пошел в школу, как только у меня появились товарищи — французы, моим самым страстным желанием стало — быть, как они. Как любой ребенок в этом возрасте, я довольно быстро и легко научился говорить по-французски без акцента и изо всех сил старался скрыть свое истинное происхождение. Но держать национальное инкогнито никогда не удавалось, и товарищи в школе или на улице дразнили меня фамилией «Корсаков» с ударением на последнем слоге. Видимо, фамилия Сеземан звучала как-то неопределенно. Это гораздо позже, попав в любезное социалистическое отечество, я понял, что фамилия звучит нехорошо, потому что по-еврейски. Однажды я пришел домой в слезах и заявил матери, что Корсаковым быть не желаю. Она немало удивилась и сказала мне, что это прекрасная, старинная аристократическая фамилия и что ничего оскорбительного в ее применении, пусть шутливом, не может быть. Куда там! Никакой аристократизм, тем более чужой, не мог заменить страстного желания быть таким, как все окружающие меня мальчишки. Забегая вперед, скажу, что несколько лет спустя я загорелся желанием уехать в Россию, но вовсе не потому, что это была, выражаясь высокопарно, земля моих отцов, а потому только, что это была страна построенного социализма, край осуществленной мечты, царство справедливости, всеобщего братства и благоденствия.

Когда мне было лет десять, наша квартира стала местом более или менее регулярных собраний евразийцев. Мать моя к тому времени вышла второй раз замуж — за бывшего деникинского офицера Николая Андреевича Клепинина, доброго, мягкого и несколько безвольного человека, к сожалению, вскоре пристрастившегося к спиртному. В эпоху угасающего евразийства, Николай Андреевич был на этих сборищах радушным, скромным хозяином, пожалуй, как Дымов в чеховской «Попрыгунье», и охотно тушевался перед Бердяевым или даже Савицким.

Мне уже довелось рассказать о живейшем, я бы сказал нездоровом, интересе, который вызывал во мне Николай Александрович Бердяев с его чудовищным нервным тиком, вываливавшим наружу огромный страшный язык и делавшим этого мягкого и доброжелательного человека похожим на жестокого монгольского идола. Я, естественно, не был способен понять сути ведущихся на этих собраниях споров, но так или иначе я поражался тому, что взрослые, серьезные люди вели нескончаемые споры о России и никогда, совсем никогда, не касались жизни той страны, в которой жили. Этими недоумениями я, естественно, дома ни с кем не делился, как не делился и заветной мечтой о том, чтобы наш дом был похож на дома моих товарищей французов, с тем же благолепием и благополучием, с тем же комфортом — теперь мы сказали бы мещанским, — с тем же размеренным образом жизни. В нашем доме понятие «обеденного времени», например, было вполне условным. Моя мать, Нина Николаевна, не умела и не любила готовить, только наличие детей могло заставить ее взяться за кастрюли. Она с нетерпением ждала того дня, когда я достигну возраста, при котором она сможет мне сказать: на тебе денег — очень и очень много денег! — купи себе что-нибудь поесть и, ради Бога, не приставай ко мне со своими злосчастными обедами! Несколько лет спустя, уже в Советском Союзе, точнее в Болшеве, под Москвой, мы оказались поселенными на одной даче с семейством Марины Ивановны Цветаевой. Марина Ивановна была великим поэтом и никудышной хозяйкой; Нина Николаевна, не будучи великим поэтом, была столь же никудышной хозяйкой. Я думаю, мы являли забавное зрелище — Сергей Яковлевич, муж Марины, ее сын Мур и я, когда сталкивались на кухне в поисках чего-нибудь перекусить...

Наша жизнь в Париже была, как и для большинства русских, безденежной, нам сплошь и рядом недоставало необходимого. Но, к счастью, мать придерживалась правила, сформулированного французским поэтом Жаном Кокто: «И без того противно быть бедным, неужели еще и отказывать себе?» В доме не было ни сантима, за квартиру не было уплачено целую вечность, а мать являлась с чудовищно дорогим флаконом духов «Шанель» или с охапкой книг своих любимых авторов — Пруста, Колета, Мориака. И тут я вдруг вижу, как был несправедлив, обвиняя мать в отсутствии интереса к французским делам. В нашем доме было всего два стула, но бездна книг, русских и французских. Мне было разрешено читать решительно все, что было в доме. Мать считала, что хорошая литература не может быть вредной, а дурной у нас в доме не было, если не считать книжек, купленных мною на свои кровные и жалкие карманные деньги. Меня всячески уговаривали, толкали на чтение русских книг, но я поддавался неохотно, видя в этом попытку отвратить меня от французской жизни и, наоборот, приторочить к русской, для меня во многом мифической. Помню, я несколько недель не мог одолеть «Князя Серебряного» Алексея Толстого, все мне в этой книге претило: язык, странная эпоха, странные и чуждые мне персонажи. Иван Грозный был для меня Ivan le Terrible из французских учебников, а не фигурой, принадлежащей моему народному, национальному сознанию. Романы же Дюма, из этой же эпохи — но из другой истории, я проглатывал легко, с громадным удовольствием и с чувством приобщения к своей, кровной истории. Кажется, мое равнодушие, а то и неприязнь ко всему русскому огорчали мать, она порой пыталась меня уговаривать, но в общем предос-

тавляла меня самому себе, лишь бы я не читал скверно написанных книг. Я ей признателен, ибо это ее презрение к литературной пошлости оказалось более эффективным, чем любые уговоры или запреты.

Одно «русское место» было ограждено от моего воинствующего галлофильства, а именно — церковь. Для многих эмигрантов, которые, в бытность свою в России вовсе не были образцовыми прихожанами, церковь оказалась на чужбине куском России, политически не окрашенным, на котором они могли сходиться и удовлетворять ностальгическую тоску по родине. Конечно, и церковь не избежала эмиграционного водораздела, и «карловацкие» приходы гордо отворачивались от «большевистских», то есть не порвавших с Московской Патриархией; и все же каждая из парижских православных церквей была местом как бы нейтральным, и, да простится мне такое суждение, может быть несправедливое, собравшиеся там эмигранты становились на время службы не просто православными, а русскими, забывшими о непримиримой общественно-политической борьбе.

Другие чувства владели мной, когда я выстаивал обедню в бедной, попросту нищей церкви на rue Petel, ютившейся в каком-то жалком подвале, нимало не похожем на роскошный собор Александра Невского на rue Daru, бывшую посольскую церковь. Все здесь пленяло и радовало довольно сильное во мне религиозное чувство: и запах ладана, и лампады, и свечи, и иконы, среди которых было три или четыре работы моей матери, что вызывало во мне ощущение некоей личной, семейной причастности ко всему совершающемуся здесь, и пение пусть жидкого, но стройного хора, и золотая парча священнических облачений и даже церковно-славянский язык молитв и чтений, далеко не всегда понятный, но все же смутно воспринимаемый как свой, в отличие от католической латыни, какой-то холодной и чужой для самих французов. Одним словом, в подвале на rue Petel я избавлялся от всякой ущемленности, чувствовал себя хозяином положения и уже никому не завидовал. И когда мне показали на пожилого господина с отвислыми щеками, печальными глазами и большим бурбонским носом и шепнули: «Смотри, это Керенский», — я испытал чувство глубокого удовлетворения, оттого что явился и у меня, русского, свой великий человек, grand homme, ничуть не хуже тех, чьи портреты, вырезанные из иллюстрированных журналов, украшали стены моей комнаты: портрет Людовика XIV работы Rigaud, Бонапарт с картины Гроса «Бонапарт на Аркольском мосту» и фотография тогдашнего президента французской республики Альбера Лебрена. Если к этому всему добавить, что в те годы я уже был активным членом организации французской коммунистической молодежи и ходил на демонстрации под лозунгом «Les Soviets partout!» («Всюду Советская власть!»), то станет ясно, что в моем рассказе, хоть он и правдив, отсутствует элементарная логика. Так ведь ее и в жизни не было совсем.

Словом, церковь образовала в моем сознании некий русский островок, куда не имела доступа окружающая меня французская стихия. Во всех же других областях все русское неизменно уступало французскому, например любые формы знания и его источники. Если я приносил из школы домой какие-то сведения по русской истории, сообщенные мне преподавателем, протесты или возмущение матери перед абсурдностью этих сведений не вызывали у меня ничего, кроме снисходительного сострадания.

Так вот начиналась моя эмигрантская жизнь, как я теперь понимаю и как стало ясно из дальнейшего развития событий, начиналась счастливо и, в общем, безбедно. Дома жизнь моя протекала в атмосфере ласки и любви. Отчим мой, Николай Андреевич Клепинин, человек добрейший, пуще всего боялся как-нибудь меня ущемить или обидеть; естественно, я этим широко пользовался и, признаться честно, в нашей семье пасынком был вовсе не я. Главой семьи была мать, но, испытывая к педагогике то же отвращение, что и к ведению хозяйства, она склонна была предоставлять мне изрядную долю свободы, что, кстати сказать, резко отличало воспитательную систему, применяемую в нашем доме, от того, что я наблюдал у своих товарищей, которые именно из-за этого мне завидовали.

Человеку в любом возрасте нужна цель в жизни. В мои первые сознательные годы для меня этой целью было, как я уже говорил, стать французом, слиться с окружающими меня, стряхнуть с себя тяжелый и неудобоносимый груз эмигрантщины. Вполне могло бы случиться, что я бы этой заветной цели достиг и стал бы, подобно многим моим сверстникам, которых вновь встретил во Франции сорок, а то и пятьдесят лет спустя, настоящим, стопроцентным и вполне доброкачественным французом. Бессмысленно гадать, хорошо бы это было или плохо, коль скоро этого не произошло.

А произошло то, что цель в жизни переменилась очень скоро, не только у родителей, а и у меня самого. Довольно рано, лет двенадцати-тринадцати, я стал увлекаться политикой — интерес к девочкам явился годом-двумя позже — причем под двойным влиянием окружающей действительности (речь ведь идет о годах Народного фронта во Франции, эпидемии советофилии, а затем и испанской войны) и семейных обстоятельств. Под семейными обстоятельствами я разумею страстное, как все, что она делала, вступление моей матери на путь борьбы за мировую революцию, путь, приведший ее к ужасной смерти в советских лагерях, а меня, меня... В конце концов этот путь привел меня к моей нынешней счастливой жизни во Франции. На что, собственно, я могу жаловаться?

ЛЕОНИД ШЕПЕЛЕВ,
доктор исторических наук

Мундиры губернской администрации

В начале XIX века число обладателей губернских мундиров несколько сокращается, так как чиновники некоторых ведомств в центре и на местах постепенно получают особые ведомственные мундиры (о которых нам еще предстоит рассказывать). Такие мундиры имели разноцветные воротники и обшлага рукавов, у высших чинов украшенные золотым или серебряным шитьем. Это отличало их от губернских мундиров и делало более привлекательными. В то время как ведомственные мундиры делились на разряды, соответствовавшие рангу чиновников, губернские мундиры были одинаковы для всех чиновников и у старших по чину и должности ничем не отличались от младших за исключением разве качества сукна и портновской работы.

Управляющий Ярославско-Вологодским наместничеством А. П. Мельгунов.

Узор шитья воротников мундиров губернаторов и генерал-губернаторов. 1811; узор шитья воротника мундира вице-губернатора. 1811.

На портрете работы Д. Г. Левицкого А. П. Мельгунов изображен в обычном губернском мундире образца 1784 года. В том же году портрет, по всей видимости, и был написан: Мельгунов считался одним из лучших наместников (генерал-губернаторов) своего времени. Екатерина II говорила: он «очень и очень полезный человек государству». О высоком ранге можно судить по высшим российским орденам на мундире: звездам орденов святых Андрея Первозванного и Владимира I-й степени на груди и Владимирской ленте, перекинутой через правое плечо, а также кресту святой Анны I-й степени на шее.

Лишь в 1811 году для лиц высшей губернской администрации (генерал-губернаторов, губернаторов, вице-губернаторов и губернских прокуроров) вводится особое отличие. Сами мундиры *«оставались прежними по цветам, каждой губернии присвоенным, и по образцу, ранее высочайше утвержденному»* (имелся в виду, видимо, указ Александра I от 3 августа 1809 года). Но на них устанавливалось особое шитье, золотое или серебряное, в соответствии с цветом губернских пуговиц. Возможность двух вариантов шитья — исключительная особенность мундиров губернской администрации. 1 января 1831 года

серебряные пуговицы на губернских мундирах были заменены золотыми, соответственно и шитье стало только золотым.

Первыми (11 мая 1811 года) получили шитье гражданские губернаторы (если губернатор назначался из числа военных без увольнения из военной службы, он продолжал носить военный мундир). Эта должность обычно приравнивалась к IV классу по Табели о рангах. В соответствии с этим назначалось и шитье по воротнику, на обшлагах рукавов и карманных клапанах. Сохранился утвержденный императором узор такого шитья (29 декабря такое же шитье было присвоено градоначальникам, но с пуговицами, имевшими изображение «гербов городов, ими управляемых»). 21 июля было установлено, что генерал-губернаторы (стоявшие во главе нескольких губерний), должность которых относилась обычно к III классу, имели шитье того же узора еще и по бортам мундира от воротника до низа пол. Такой объем шитья к этому времени на ведомственных мундирах имели лишь сенаторы (с 1801 года), придворные чины II и III классов (с начала века) и чиновники тех же классов Министерства иностранных дел (с 1809 года). На пост генерал-губернатора могли назначить и военных чинов. В этом случае они сохраняли свой военный мундир.

21 мая 1811 года шитье на мундиры получили и вице-губернаторы. По «объему» оно не отличалось от губернаторского (на воротнике, обшлагах и карманных клапанах), но узор его был несколько упрощен. Некоторая хронологическая хаотичность введения шитья на мундирах губернской администрации свидетельствует об отсутствии предварительного плана этой акции.

Обычно узор шитья на мундирах складывался из двух частей: собственно узора (по полю воротников, обшлагов, карманных клапанов и по бортам) и «борда», то есть бордюра по краю шитья. Оба эти элемента имели определенный смысл. Главный узор состоял из гирлянды чередующихся

Князь А. А. Долгоруков в мундире симбирского губернатора. 1811.

завитков некоего фантастического растения и повторял узор шитья на мундирах сенаторов, установленный еще в 1801 году. Этим подчеркивалась общая подчиненность губернской администрации непосредственно Сенату — высшему административному органу государства. Бордюр же в виде извивающейся золотой ленты был таким же, как на мундирах Министерства полиции. Это ведомство существовало в 1810—1819 годах и функционировало в тесной связи с губернаторами. После ликвидации министерства его функции передаются Министерству внутренних дел, которое до того ведало преимущественно народным хозяйством страны.

Малороссийский генерал-губернатор князь Я. И. Лобанов-Ростовский. Не позднее 1816 г.

Мундир генерал-губернатора. 1831.

С введением шитья на губернаторских мундирах сразу же появляются портреты, запечатлевшие губернаторов в новом наряде.

В 1811 году В. Л. Боровиковский пишет портрет симбирского губернатора князя А. А. Долгорукова. На голубых воротнике и обшлагах — серебряное шитье с хорошо видным узором. На шее портретированного — Мальтийский крест на черной ленте; через левое плечо — красная лента ордена святой Анны I-й степени с крестом у правого бедра и звезда этого ордена на правой стороне груди.

Мундир вице-губернатора. 1831.

Воротник мундиров чиновников Министерства внутренних дел. 1834.

Пальто губернатора с красными отворотами, выпушками и погонами. 1904.

Шитье воротника мундира губернаторских прокуроров. 1811.

Лобанов-Ростовский облачен в мундир Екатеринославской губернии. Видно шитье на воротнике и фрагментами на обшлагах и бортах. Наплечная лента и звезда на левой стороне груди — знаки ордена Александра Невского; на шейной ленте — крест ордена святой Анны I-й степени.

В 1824 году мундиры губернской администрации претерпели все те же перемены, что и губернские мундиры вообще.

1 марта 1831 года Николай I утвердил рисунки несколько модернизированных мундиров генерал-губернаторов, губернаторов и вице-губернаторов. Все воротники становились красными суконными (какие полагались на дворянских мундирах). Добавлялось шитье по краям заднего разреза юбки и под карманными клапанами. По-видимому, утвержденные 1 марта 1832 года мундиры были введены в употребление лишь законом 27 февраля 1834 года: *«Генерал-губернаторы имеют полное шитье прежнего рисунка на воротнике и обшлагах, карманных клапанах и под оными, а на полах и фалдах в один ряд. Гражданские губернаторы, градоначальники, правители и начальники областей... имеют то же шитье на воротниках, обшлагах и карманных клапанах. Вице-губернаторы... имеют также полное шитье на воротнике, обшлагах и карманных клапанах, но меньшего рисунка».* Судя по приложенным к закону 1834 года изобразительным материалам, шитье «меньшего рисунка» повторяло вице-губернаторское шитье 1811 года. Заметим, что в данном случае сложилась уникальная ситуация, когда лица губернской администрации, на этом этапе подведомственные преимущественно Министерству внутренних дел, имели мундир, отличный от мундира всех других чиновников этого ведомства (введенного еще в 1808 году) (чиновники местных учреждений всех других ведомств после 1834 года имели точно такие же мундиры, как и чиновники центральных органов, но с губернскими пуговицами).

Мундир МВД имел не красный суконный, а черный бархатный воротник с золотым шитьем, узор которого состоял из колосьев и васильков. Наоборот, фрак для всех чиновников ведомства и лиц губернской администрации был установлен общий (единый), на местах — с губернскими пуговицами. Когда в 1856 году мундиры получили полную юбку спереди, их шитье осталось прежним, лишь на бортах генерал-губернаторских мундиров продлено до низа пол.

С мая 1879 года особое место в форменной одежде высшей губернской администрации занимает сюртук — двубортный, на 6 губернских пуговицах, с отложным воротником (ранее существовавший черный суконный воротник был заменен на бархатный). На нем (и на пальто) вводились наплечные знаки (погоны) из золотой рогожки с красной выпушкой. Мундирное шитье обозначало ранг должности, а звездочки на погонах указывали на класс чина должностного лица.

При сюртуке разрешалось ношение шпаги. В законе говорилось: *«Настоящую форму присвоить для ношения губернаторам и вице-губернаторам во всех случаях, когда они исполняют наружную службу и не обязаны... быть в парадной форме».* Губернаторы получили право на «почетное внешнее отличие» для чинов генеральского ранга — красную (под цвет мундирного воротника) подкладку плаща (пальто) и красную выпушку (кант) по швам: вокруг воротника, по бортам, карманным клапанам и по верхнему краю обшлагов.

Вместе с мундирами для высшей губернской администрации в 1811 году был установлен также мундир губернских прокуроров. В указе от 15 мая, *«объявленном министром юстиции»*, говорилось, что мундир этот должен быть *«той губернии, в которой... служит»* прокурор. К

Шитье воротника мундира чинов Министерства юстиции. 1810.

Шитье на воротниках мундиров сенаторов (1801) и чинов Министерства полиции (1811).

оригиналу указа прилагались рисунки этого шитья. Узор его никак не поясняется. На рисунке же мы видим гирлянду из чередующихся сдвоенных дубовых листьев и небольших «масличных» (оливковых) веточек. Узор этот совпадал с узором шитья иа мундирах Департамента юстиции, введенных почти за год перед тем (19 июля 1810 года) по представлению *«господина тайного советника, министра юстиции и кавалера Ивана Ивановича Дмитриева»* — известного в то время поэта и баснописца, близкого знакомого А. С. Пушкина.

На портрете 1810—1811 годов работы неизвестного художника он изображен в мундире Департамента (Министерства) юстиции, с орденом святой Анны 2-й степени на шее и лентой ордена святого Александра Невского через плечо. На темно-зеленом бархатном воротнике мундира видно золотое шитье. Полнотой шитья эти мундиры разделялись на 6 разрядов.

У старших чинов гирлянда из дубовых и оливковых листьев обрамлялась сенатским бордюром. Сама гирлянда повторяла узор шитья Комиссии составления законов (введен еще в 1804 году), которая до 1810 года была подведомственна Министерству юстиции. Прокурорское шитье соответствовало 5-му разряду министерского шитья для чинов штаб-офицерского ранга, в котором бордюр заменялся «каймой» под цвет шитья.

Законом 27 февраля 1834 года особые губернские прокурорские мундиры упраздняются. Их заменили мундиры ведомства Министерства юстиции — с воротниками и обшлагами темно-зеленого бархата, с золотым шитьем из сдвоенных дубовых листьев и масличных веточек с сенатским бордюром. Единственным признаком губернской принадлежности прокурора остались губернские пуговицы. Такие же мундиры получили *«председатели уголовных и гражданских палат... стряпчие и все губернские чиновники мест, под ведением Министерства юстиции состоящие»*. Всем им полагался также *«мундирный фрак Департамента Министерства юстиции, но пуговицы с изображением герба той губернии, где кто служит»*.

Заметим, что между 1811-м и 1834 годом некоторые чиновники в губерниях имели мундиры-гибриды: мундиры с воротниками и обшлагами губернских цветов, но с ведомственным шитьем в двух его вариантах (до 1831 года — золотым или серебряным), один из которых был вовсе не свойствен данному ведомству. После 1834 года особые мундиры на местах сохранили лишь генерал-губернаторы, губернаторы и вице-губернаторы.

И. И. Дмитриев в мундире министра юстиции. 1810—1811.

ДВЕ СТОРОНЫ ОГРАДЫ

Фото Виктора Грицюка

СЕРГЕЙ НИКОЛЬСКИЙ

ВЫДВИЖЕНСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО

Крестьянин как исторический тип — это мелкий натуральный производитель-земледелец, иногда превращающий часть своей продукции в товар, строящий свое производство главным образом на собственном и семейном труде.

Современный российский крестьянин-колхозник — в массе своей — низко квалифицированный, приспособленный для работы в крупном специализированном производстве, то есть частичный наемный работник с наделом, пользующийся государственными средствами производства и землей, в том числе использующий их в личных целях.

Для крестьянина как такового превращение в крупного товарного производителя (если брать за образец развития страны Запада) означает длительный, протекающий в течение многих десятилетий исторический процесс свободного или насильственного отбора очень незначительного числа тех, кто в конце концов превращается в фермеров, интегрированных в систему агробизнеса. Одновременно с этим в деревне в той или иной форме идет процесс разорения тех, кто не способен сделать свое производство товарным. Если в обществе реализуется «фермерский» вариант экономического развития, в нем неизбежны социальные потрясения, сопровождающиеся и одновременно ведущие к спаду производства.

Проблема фермеризации сельского хозяйства России сегодня — не выдумка теоретиков. В жизни любого общества наступает период, когда требуется коренная реорганизация аграрного сектора экономики. Она может стать вынужденной и необходимой именно в конкретный исторический период. Например, восстановление сельского хозяйства Англии или Германии после второй мировой войны. Но такая перестройка может быть и относительно свободной, т. е. такой, которую можно начать сейчас, а можно и через 2—3 года. Пример такого рода — китайская аграрная реформа, развернутая с конца семидесятых годов. Время реформы в разных регионах этой страны определялось зависимостью от ряда субъективных факторов. Проще же — реформаторы постоянно «разговаривали с людьми», видя в них отнюдь не объект приложения экономического инструментария.

Кроме того, общество, обладающее историческим опытом и стоящее перед экономическим и социальным выбором, не может не учитывать своего реального состояния, равно как и возникающих в сознании его членов предощущений завтрашнего дня. Впрочем, оно само может даже и не осознавать этих вещей во всем объеме. Однако его позитивное или негативное отношение к тем вариантам развития, которые предполагаются реформаторами, очень хорошо видно по его реакциям.

Вспомним попытку революционной деколлективизации деревни конца 1991 года. Тексты Указа Президента России «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» и постановления правительства «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» не давали оснований для сомнений и проволочек: в течение 1992 года колхозы и совхозы должны исчезнуть, уступив место акционерным обществам, ассоциациям крестьянских хозяйств, независимым индивидуальным производителям! После получения в собственность своего земельного пая бывшие колхозники и работники совхозов в ряде случаев получают право продать его любым иным гражданам, в том числе не являющимся членами реорганизуемого хозяйства. Остающиеся нераспределенными земли могут быть проданы с аукциона. Колхозы и совхозы — должники, не погасившие задолженности до 1 февраля, подлежат ликвидации и реорганизации до 1 апреля 1992 года.

Оставим в стороне последнее. Инфляция и галопирующий рост цен на продукцию города прочно посадили хозяйства на картотеку: в этих условиях ликвидировать нужно было бы едва ли не все.

Более важным, пожалуй, оказалось иное: не сработал, по крайней мере «обвально», главный теоретический расчет авторов реформы. Им, очевидно, казалось, что загнанное при коллективизации в колхозы и совхозы крестьянство, работающее в полсилы при подневольном труде, в новых условиях поведет себя с точностью «до наоборот»: тут же выйдет из колхозов, объединится в соответствии с производственной нуждой и заработает во всю мочь.

Этого не произошло. В тех местах, где мне приходилось бывать, нежелание перемен, демонстрируемое подавляющим большинством, приводило к чисто формальному акту перерегистрации в акционерные общества. Одна из причин этого нежелания состояла в том, что для большинства коллективные средства производства и приносимый с их помощью заработок давно и прочно сделались **дополнительными** к тем средствам жизни, которые давало личное подворье.

На правительственное предупреждение о ликвидации хозяйств-должников крестьяне высказывались так: часть техники продадим, вернем государству долги, огородами будем кормиться, но уничтожения колхозов не допустим.

В чем же дело?

Наше крестьянство, не прошедшее «школы капитализма» и по-настоящему никогда не бывшее полным собственником земли, понуждаемое в ряде регионов к коллективному труду историческими традициями, опытом, природно-географическими и климатическими условиями, равно как и существующей на сегодня структурой производства, номенклатурой и качеством материально-технической базы, все еще в известном смысле не перестало быть традиционным обществом с присущей ему «моральной экономией». Сформулированные американским исследователем Джеймсом Скоттом черты этого социального явления, называемого также «этикой выживания», наряду с прочими, включают в себя заботу о сохранении статус-кво в условиях резких неблагоприятных перемен во внешних экономических отношениях. И хотя сохраняемое положение может даже означать полунищенское существование для большинства крестьянского сообщества, оно же гарантирует выживание всех: поддержку своих властей, которые могут злоупотреблять служебным положением, но вместе с тем «дают жить» и «кормиться» рядовым работникам от плохо лежащего государственного пирога; наличие коллективных пассивных форм борьбы (в виде обмана, задержек поставок, мелкого воровства и т. п.) — борьбы с городом и вообще с теми, кто пытается получить от эксплуатации деревни доход.

Пожалуй, самая глубинная характеристика состояния деревни сегодня (в том числе и сознания крестьян) — усталость. Двадцатое столетие было для русского села цепью периодически повторяющихся социально-экономических и культурно-нравственных потрясений.

Надо ли объяснять, что уже в силу такого экономического и социального контекста своей недавней истории российская деревня не имела ни одного шанса в очередной раз, но теперь уже добровольно (!) подхватиться и «обвально», как мнилось иным реформаторам, деколлективизироваться и фермеризоваться.

Однако, если на Западе фермер *производит*, для чего живет в деревне (значительная часть его жизни проходит даже не в деревне, а в городке), то российский крестьянин прежде всего *живет* в деревне и постольку производит. Говорю это потому, что для нашего крестьянина культурное и нравственное измерение планируемых аграрных реформ вещь не менее, а во многих смыслах и более значимая, чем их экономический и социальный потенциал.

Культура крестьянина — мелкого натурального производителя, главной фигуры в традиционном обществе, не прошедшего «чистилища» капиталистического способа производства, в первую очередь базируется не на конкретном и все время углубляющемся знании, а на традиции и подражании.

Сильные в российской культуре традиции духовно-нравственного бытия и подвижничества: неприятие

прагматически-утилитарного отношения к миру (что само по себе далеко выходит за рамки реакции на капиталистические ценности со стороны неразвитого традиционного общества), то есть сведение ценностей мира к ценностям благополучного (безбедного) существования,— не позволяют крестьянину попасться на удочку с тощей наживкой голого экономического интереса. Крестьянин (даже сегодня) будет скорее демонстрировать безразличие или активное неприятие явной экономической выгоды, чем согласится ее принять, если она вступит в противоречие с его культурно-нравственными установками, традициями и обычаями, все еще сильными в деревенском сообществе. Такое явно алогичное поведение с точки зрения «экономизма» свидетельствует не о «недоразвитости» нашего крестьянина, а скорее о его более высоком развитии в культурно-нравственном смысле.

Из этого заключения, однако, вовсе не следует делать вывод о том, что нужно отказаться от идей модернизации аграрного производства. Она неизбежна. Дело за «малым» — выработать такие ее модели, которые бы оказались адекватны реальному состоянию деревни и органичны для сознания массового (а не исключительного) сельского производителя.

Кто поможет? Интеллигенция?

Но если придерживаться строгого критерия, то в подавляющем большинстве эту интеллигенцию нельзя числить таковой даже в первом поколении. Не просто «умственное занятие», а творческий труд, предполагающий свободу, был невозможен для нее практически до времен «перестройки» и «гласности». На протяжении всего советского периода истории интеллигенция (гуманитарная в первую очередь) прежде всего была «проводником линии», слугой партийно-государственного аппарата. Ей не нужно было знать деревню и изучать мировоззрение крестьянина. Напротив, это было даже вредно, так как мешало ее основной функции «идеологического обеспечения» замысла социалистического преобразования села, реализующегося через насилие над реальным хозяйствованием и сознанием крестьянина.

Исполнять эту функцию не могло, конечно, ни свободное, ни творческое сознание. Именно поэтому власть и сформировала особый его тип — сознание *выдвиженческое*.

Выдвиженец — человек из низшего слоя, выдвинутый в высший, привилегированный, управляющий слой. Термин этот многослоен. На первый взгляд, в нем вроде бы четко звучит активное начало: самостоятельно выдвинувшийся субъект. И это до известной степени так. Желающий работать в сфере принятия решений, управления общественными процессами, как правило, должен был «заявить о себе», чем-то отличиться от массы.

Но далее происходит следующее. Власть начинает наблюдать, оценивать, проверять и в конце концов принимает решение: «выдвинуть» данного субъекта или нет. При положительном решении его могут ввести в низовой аппарат, послать на учебу в вуз или специальную партийную школу и, наконец, в случае работы профессиональным идеологом, привлечь к выработке курса, к примеру, аграрных реформ.

Для осуществления этого предназначения выдвиженец получает некоторую степень свободы и минимальные средства, что, однако, заметно улучшает его положение по сравнению с теми, из числа которых он избран. Поэтому, наверное, самые сильные чувства, которые такой выдвиженец испытывает, — это не быть возвращенным обратно в «низы» и с точностью выполнять то, что предписывается ему «верхами».

В итоге выдвиженческое сознание сделалось сознанием беспамятным, внеисторическим. Родиной этих людей, как и героев А. Платонова, сделалось будущее. Они пытались забыть о своем деревенском прошлом не только потому, что прошлое болезненно напоминало о тяжести жизни там, на земле, но и потому, что, адресуясь к крестьянам, интеллигенция должна была лицемерно врать, закрывая глаза на разворачивающуюся трагедию.

Конечно, ставший довольно заметным культурный прогресс, а также очищение интеллигентского сознания от лжи со времен хрущевской «оттепели» в какой-то мере снивелировали, сделали не столь явным выдвиженческое начало в современном интеллигентском сознании. Но при этом почти не изменилось главное: стремление преобразовать «объект» в соответствии с привнесенной извне схемой.

Впрочем, у этого явления есть и другое, берущее начало в реальности серьезное основание.

Итак, первый мотив преобразования «объекта» по имеющейся заранее модели — указание «верхов». «Перестройка» внесла здесь коррективы лишь в том, что на место директив, исходящих от «направляющей» силы, ставятся модели экономического прогресса, взятые интеллигентским сознанием из иностранного опыта. Не утруждая себя сколько-нибудь серьезным анализом составных частей и механизма функционирования чужой аграрной реальности, выдвиженческое сознание, как и прежде, требует быстроты и натиска в реализации своих идей.

Ошибочность такого подхода теперь, когда стало очевидно, что реформы в деревне не идут прежде всего потому, что их по ряду причин не воспринимают живущие там люди, вроде бы делает ненужным даже упоминание об этих мечтаниях интеллигентского сознания. Здесь, однако, есть действительная трудность, с которой в наших условиях неизбежно столкнутся любые даже нормальные, а не радикальные интеллигенты-реформаторы.

Поскольку история наша сформировала несвободное, требующее «управления» сознание крестьянина (аграрного наемного работника), то он привык и готов быть несвободным, управляемым, а значит, он в принципе чрезвычайно восприимчив именно к интеллигентскому сознанию выдвиженческого типа.

Однако история и его уже кое-чему научила, а горбачевская перестройка сделала менее боязливым, и потому сегодня он управляем только до той степени,

пока радикальное интеллигентское сознание не выходит за пределы здравого смысла. В конкретной ситуации аграрной реформы это означает, что он не слушает интеллигенцию, когда та кричит ему: «Будь свободным — делайся фермером!»

С другой стороны, по мнению радикальных интеллигентов-реформаторов, власть должна придумать способ, чтобы крестьянин-колхозник перескочил от его нынешнего социально-экономического и нравственно-культурного бытия именно к тем формам, которые видятся этим реформаторам. Но крестьянин не хочет и не готов двигаться к модели фермера, во всяком случае через быстрое, разовое разрушение привычных ему форм коллективного хозяйствования и бытия. И вот тут-то происходит психологическая ошибка. Он привык и готов быть управляемым, но не хочет и не готов к тому, чтобы в одночасье сделаться *самоуправляемым*.

Что же говорит в этом случае радикальная интеллигенция? Она пеняет на начальников «агрогулага». Но неужели они столь всемогущи, что способны сдержать рвущихся из колхозов 15 миллионов крестьян? А если крестьяне не рвутся, то, значит, теоретический расчет реформаторов не находит отклика. И тогда честно нужно ответить, что́ именно реформаторы в таком случае должны менять: концепцию своей реформы или население деревни?

Можно тысячу раз доказать правоту любой аграрной экономической модели, действующей за рубежом, но при этом нужно помнить, что трагизм и сложность нашего собственного развития, отчаянное современное положение деревни делают невозможными попытки механического переноса принципов, на которых те модели работают. И прежде всего, как это ни прискорбно, принципа полной частной собственности. Крестьяне (не городские жители) в большинстве своем не желают или не готовы брать землю. Эту тяжелую для любой реформы ситуацию, к сожалению, не видят или стараются не замечать наши радикально настроенные интеллигенты. Работая с воображаемым объектом, они получают воображаемый результат.

Впрочем, обширность нашего государства и разнообразие радикальных начинаний позволяют не только рассуждать, но и как бы заглянуть в завтрашний день, чтобы увидеть, что же будет, если реформы на селе все же форсировать. Центр гуманитарных исследований, созданный недавно для изучения духовных процессов, развивающихся в деревне, в октябре 1992 года провел исследования в одном из хозяйств передового в деле реформ района Московской области. Что же мы обнаружили?

Шоковое состояние, в котором пребывала деревня сразу после вышеназванных Указа Президента и постановления правительства всю первую половину 1992 года, к осени постепенно исчезло. Люди вслед за администраторами стали осознавать себя собственниками причитающихся им земельного и имущественного паев. Их размеры — 5,6 га земли и до 150—200 тысяч рублей имущественного пая от оценки имущества, исчисленного по остаточной стоимости в ценах 1991 года. Происходить это, кстати, стало после того, как руководство хозяйства, стимулируемое районными властями, объявило приватизацию и для начала продало само себе за символические деньги легковой парк совхоза, магазины и — для личных подворий — кое-что из новой навесной техники. Сложившаяся ситуация — сигнал для остальных, и из совхоза начинают выходить другие работники, претендуя на закрепление за собой ферм, телятников, прилегающих к ним сельскохозяйственных угодий, необходимой для производства техники и оборудования. В малые коллективы — товарищества с ограниченной ответственностью — включают членов семей, пенсионеров, с тем чтобы увеличить размеры совокупных земельного и имущественного паев. Параллельно идет повальное растаскивание общественного имущества, которое оседает в приусадебных хозяйствах. На подворьях, в среднем исчисляемых 25—30 сотками, как правило, содержится 1—2 коровы, несколько голов свиней и овец, много птицы. Само собой, новые хозяева вполне обеспечивают себя и своих городских родственников картофелем и овощами, а часть продукции сдают государственным заготовительным организациям. Таким образом, одновременно со спадом производства продукции в общественном секторе наблюдается прогресс натурального потребительского хозяйства.

Однако «плюс» в приусадебном хозяйстве не покрывает «минуса» в общественном: производство продукции резко снижается. Более того: велика вероятность нового спада. В подтверждение этого, кроме самого процесса дробления крупного хозяйства, уже сейчас можно назвать ряд иных причин. Товарищества, выделяющиеся из реформированного совхоза первыми, претендуют и получают лучшие средства производства, наиболее удобно расположенные земли. Видя это, остальные также стараются не опоздать. Но качественной техники и оборудования, хороших земель все равно не хватает на всех. Отдельные коллективы в этих условиях должны будут менять профиль производства, искать новых партнеров и рынки сбыта.

Существует и проблема согласованной работы вновь возникших самостоятельных товаропроизводителей. То, насколько договоры — «узкое место» всего нашего народного хозяйства, очевидно всем. Отмечу только, что количество договорных связей при варианте дробления на мелкие коллективы возрастет минимум на порядок, увеличив на такую же величину вероятность их невыполнения или разрыва.

Еще одно обстоятельство, которое неизбежно осложняет реформы, — все увеличивающаяся социальная напряженность и сопутствующие ей конфликты. К прежним конфликтам между начавшими выделяться фермерами и остальным населением постепенно добавляются новые. Так, по оценкам разных руково-

дителей, от 20 до 25 процентов работников — те, кто не желает участвовать ни в каких начинаниях и кого (по разным причинам, включая лень и любовь к спиртному) не пригласят работать в новые структуры. Эта до известной степени люмпенская среда таит в себе большой потенциал новых социальных потрясений.

И, наконец, последнее. Обследованный совхоз явил пример подлинного экономического чуда. При спаде производства за последние два года в три раза он сохранил финансовую стабильность. Секрет оказался прост. Лишившись необходимого финансирования со стороны государства, реформаторы-руководители заложили основные фонды коммерческому банку, охотно ссужающему селян под 140 процентов годовых, о чем знает ограниченный круг посвященных. Так что, завершив реформу на радикальный манер, новоявленные «свободные» хозяева в какой-то момент могут обнаружить себя до последней возможности закабаленными финансовым капиталом и должны будут либо в очередной раз превращаться в «человека с ружьем», либо повторять путь английских крестьян, вытесненных с их земель в результате «огораживания». Есть, правда для некоторых, третий путь — работа по найму, если финансисты или те, кому они продадут собственность, решат все-таки заниматься сельским хозяйством. Но этот путь для немногих наиболее подготовленных. Остальные превратятся в избыточное население и должны будут убраться с земли.

Вот об этих, очень хорошо известных в истории вещах и стоило бы подумать нашим не в меру расфантазировавшимся радикальным реформаторам-интеллигентам. Впрочем, сделать это им мешает все тот же выдвиженческий тип сознания.

ТАТЬЯНА КЛЯЧКО

НЕ СТАТЬ ЛИ НАМ ВСЕМ ЧАСТНЫМИ СОБСТВЕННИКАМИ?

В ответ Сергею Анатольевичу Никольскому могу сказать, что отношение интеллигенции к рабочим ничем не лучше отношения интеллигенции к крестьянам. По крайней мере, на уровне расхожих представлений. Конечно, мы все очень хорошо относимся к крестьянам и рабочим, но плохо (ну, не очень хорошо) относимся к тому виду труда, которым они занимаются: считаем этот труд грязным и непрестижным. Что труд рабочего, что — крестьянина.

Приватизация, акционирование... весь этот экономический (прошу прощения, хотя я и экономист) бред, который сейчас разворачивается на наших глазах, в значительной степени идентичен в городе и в деревне. Для народа это бред вдвойне. И состоит он в том, что приватизировать в городе, например, нечего: кроме жилья (но оно занято) и нежилых помещений, все, что можно приватизировать в производстве, все давно уже «продано» и в технологическом смысле все давно устарело. В этом отношении деревня сейчас находится в лучшем положении, чем город, потому что когда весь этот флер дележа имущества пройдет, то обнаружится, что все, что реально есть в нашем народном хозяйстве, — это земля и природные богатства, а также производственные площади. Но с производственными площадями еще надо думать, что делать, а земля — это вроде бы непреходящая ценность.

Что с нею делать? Я говорю о правах собственности. Вообще-то на Западе их насчитывается более двадцати, а у нас до сих пор действуют три вида: владение, распоряжение и пользование. И у нас, так сказать, все очень «склеено», так что «права» и «собственность» — как бы одно и то же. На самом же деле это вещи разные. И когда мы говорим о правовом государстве, то оно важно именно в том плане, чтобы мы могли **оперировать правами**, а не собственно физической вещью. Мы этого не учитываем.

Из трех действующих у нас прав собственности два — права пользования и распоряжения — были отданы государством директорам предприятий или председателям колхозов. Но если человек получает эти два права, то что бы вы ни делали, а две трети у него в руках, и, естественно, когда возникает какая-то определенная коллизия, он будет делать все, чтобы и третье право отошло к нему, и никаких других процессов развернуться тут не может. Иначе это будет экспроприацией: вы должны отобрать те два права, для того чтобы кому-то что-то раздать. Поэтому то, что директорский корпус стеной стоит против приватизации, то, что стеной стоят председатели колхозов и вся местная власть, — закономерно: так оно и должно быть. Ну, а поскольку третьего права им не дают, то они идут в обход. Если вы думаете, что разворовывание деревни — это какая-то уникальная вещь, то точно так же идет и разворовывание города. Точно так же! То есть идет разворовывание того промышленного потенциала, который еще существует. Через право полного хозяйственного ведения, то есть практически бесконтрольного распоряжения собственностью предприятий, все это перекачивается в систему малых предприятий, в систему чего угодно; а все, что имеет хоть какую-то ценность, давно уже с предприятий, которые должны акционироваться или приватизироваться, скажем так, вынесено. Если нет там умного директора. А если есть, то он вместе с главным экономистом, с главным бухгалтером и другой номенклатурой уже поделили эту собственность между собой.

Если ко мне приходит директор и говорит: сделайте так, чтобы мы акционировались, — я жду следующего слова, когда он скажет: сделайте так, чтобы я и еще пять человек стали собственниками имущества данного завода. И в самом деле: только с этими людьми и можно иметь дело и разговаривать, потому что они знают, зачем им эта собственность, они это уже посчитали. А если вы начинаете беседовать с директором, которому дали указание акционироваться, а он не знает, зачем ему это нужно, тогда там проводить акционирование абсолютно бессмысленно.

Фактически можно сказать, что приватизация в этой стране — та, которая могла и должна была пройти,— уже прошла. Теперь встает вопрос о том, будет ли *передел* той собственности, которая *уже* кому-то и как-то принадлежит.

Мой опыт показывает, что, куда ты ни приезжаешь, земля городов поделена полностью. Думаю, что на самом деле земля колхозов и совхозов тоже поделена полностью. Вопрос только состоит в том, сделано это явно и открыто или же скрыто и не явно. Если где-то это не сделано, то население данной местности должно быть счастливо, потому что тогда у него еще есть шанс приобщиться к этому национальному богатству.

Как приобщиться? Может быть, через фермерство? Когда мы обсуждаем: вот шведская у нас будет модель капитализма, американская модель капитализма... — все это заведомая ерунда, которая, на мой взгляд, и обсуждения не заслуживает. Но, к сожалению, нам не «светит» и китайский путь. По той простой причине, что модернизация, которая идет в Китае, исходит из того факта, что населения в деревне больше, чем в городе. И хотя все семейные хозяйства крайне низкотоварны, но прокормить себя и не очень большое (относительно сельского) население городов Китай может и может получить еще какой-то избыток продовольствия, который идет на экспорт, — это-то и дает ему свободу маневра при модернизации промышленности. В этом состоит суть системы свободных экономических зон в Китае.

У нас население, которое проживает в деревне, город прокормить, к сожалению, физически не в состоянии. И если сейчас мы получим фермера, но не получим фермерских технологий (коими славилось, скажем, американское сельское хозяйство и чем теперь славится европейское сельское хозяйство), то мы город все равно не прокормим, и у нас начнется процесс типа камбоджийского, когда половину населения города переселили в деревню только для того, чтобы город не умер.

Все наши мифы о том, что частная собственность кормит сама по себе, — это мифы, связанные с тем, что мы очень плохо знаем, как было устроено наше хозяйство прежде. Когда нам давалась статистика о том, что у нас, предположим, колхозы дают такое-то количество товарной продукции, а через рынок частник дает 31 процент овощей, фруктов, картофеля и т. д., и мы говорили: раздайте землю в частную собственность и она нас всех накормит, — то мы лукавили.

Фермер сейчас, как правило, ни одну страну в мире не кормит. Приведу такие данные, может быть, немного приближенные. 45 процентов американских фермерских хозяйств имеют товарность примерно 5 тыс. долларов в год, 30 процентов — 10 тыс. долларов, а 25 процентов — это крупные агрофермы Америки, которые и кормят страну. И есть глубочайший смысл в этом соотношении. Вот эти 25 процентов держат на себе огромный массовый рынок продовольствия, а все остальные — это те, кто должен *экспериментировать*. Кто-то ведь должен выводить новые сорта, новые породы, должен искать системы гидропонические и т. д. Для этого сейчас в современных экономиках и нужен фермер. А мы думаем, что вот создадим фермера и без крупных хозяйств прокормим город. Нельзя его без крупных хозяйств прокормить!

Я уж не говорю о том, что у нас нет технологий, нет инфраструктуры и прочего.

Поэтому хочется немножечко поколебать те мифы, которые царят в нашем сознании.

«Частная собственность на землю...»

В Англии нет частной собственности на землю. Земля является в Англии собственностью короны. И ничего, живут, кормятся.

Мы все фетишизируем. Сейчас фетишизируем частную собственность. Хотелось бы обратить внимание, что в России, как ни странно, собственниками постоянно стремятся сделать всех. Сначала — общенародная собственность: все собственники! Теперь всех сделать частными собственниками!

Процветают те общества, которые наконец поняли, что все собственниками быть не могут. Собственность — это большая ответственность. И в нормальных обществах 80 процентов людей являются работниками наемного труда. Но за свой труд они получают реальные деньги, и в магазинах есть все для того, чтобы их труд не представлялся им напрасным. Только и всего.

ВАДИМ ЦАРЕВ

СТРАНА ОГРАД

Русский человек гордится тем, что он «елинских борзостей не текох». Правильно. Если Архимеду, чтобы перевернуть мир, требовалась точка опоры, то мы, великороссы, в поисках опоры переворачивает вверх дном все, включая и мир. Получается, что безопорное существование для нас наиболее плодоносно. И однако...

Обратимся к своим сегодняшним упованиям. На чем хочется сердце успокоить? На возросшем благосостоянии. Чертовски хочется потреблять. Исторический же опыт показывает: взлетной полосой потребления может быть только легкая промышленность; почва, в которой прокладывается эта полоса, — почва сельской местности, деревенская почва. Между тем в нашем столбовом умострое утаены заклятье деревни и запрет на деревенскую жизнь, они естественно выклубились на поверхность из сумеречных глубин народного духа при ослаблении искусственных — политических и идеологических — сдержек.

Власть в России всегда не прочь вколотить человека

в место жительства, как сваю. С особой силой — в сельские раздолья. Но начинает власть хиреть — люди начинают из деревень уходить. И во времена Иоанна Васильевича Грозного, и под рукою Петра Аркадьевича Столыпина, и в застойно-перестойные годы. Гонения ли, хула, радения ли, посулы — крестьянин на все отвечает одним: бегством в город.

Современник Ивана IV писал, что деревни пустеют и зарастают «в кол, в шест и в бревно», то есть покрываются подлеском, молодым и взрослым лесом. В этом свидетельстве заключено двойное сожаление: по сокрушенной рукотворности и из-за торжества нерукотворного начала (природы, олицетворяемой лесом).

В Советской России властвующий класс (номенклатура) остается по своему происхождению преимущественно провинциальным и деревенским. Завоеватели городов, социалистические растиньяки, вели дела в стране так, чтобы при худшем для них раскладе была снята угроза вернуться туда, откуда им удалось вырваться. Думаю, некоторые специально заботились об исчезновении родимых деревенек.

Сокрушительное попечительство над загородными пространствами имеет поддержку в душевном укладе нашего народа, который на самых на окраинах с надеждой ловил отеческий взгляд Москвы, хотя это был взгляд василиска — под ним безлюдели земли, скукоживались посевы, редели стада и створаживались надои. Целые поколения вскормлены этим геноцидофилином.

Советская власть использовала и усугубляла расклад перечисленных обстоятельств, но не она его породила. Большевизм не созидатель, но наследник и душеприказчик народного умострая. Приглядимся к этому наследству.

Мы подчинены инерции существования, заданной и для верующих, и для безбожников языческой древностью и русским православным прошлым. На этом фоне некоторые гордые поползновения наших соотчичей не кажутся такими уж беспочвенными. Году примерно в 1514-м скопской старец Елеазарьевского монастыря игумен Филофей от помыслов о крестном знамении и содомском блуде естественным путем пришел к убеждению, что «два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти». И что вы думаете? Вдохните-ка родной воздух. Римский дух! Русью пахнет!

Это именно тот случай, когда старый римский дух слаще новых двух. Ключевой образ общества в умострое католика — Человек. Для протестанта общество есть Левиафан, то есть животное, зверь. Для русско-православного человека общество, как и для римлянина, — Город. Искать истоки сего жизнечувствования удивительно интересно. С одной стороны, славянское язычество. Соседи славян действительно называли их земли «Гардарика», что означало, вопреки быстреньким учебниковым переводам, не «Страну тысячи городов», а «Страну оград». Заоградный мир для нашего предка был не просто враждебным, он был для него, если можно так выразиться, иномирным миром, представленным лесом, дикой растительной природой. Еще В. Я. Проппу удалось показать, что природа, лес казались древнеславянскому человеку и явлены были в фольклоре воплощением преисподней, для защиты от которой воздвигался городской частокол.

В заоградном лесу царила Баба-Яга — Прозерпина славянского мифа. Ведомая могущественным мертвецом женского пола, темная природа подступала со всех сторон к высветленному в пределах городских валов и срубов пространству существования славянина. Сходно воспринимал мир и древний римлянин. Римский жизненный подвиг — это подвиг непрерывного многовекового оградовоздвижения. Что такое были римские легионы? По существу и в основном — стройбаты. Завоевываемые места римляне обязательно украшали своими военными лагерями, сооружениями отнюдь не времяночного типа, простирая таким образом окраины материнского города Рима (Ромы) вплоть до вересковых пустошей Шотландии.

Архетип Города, выросший на языческой почве и усиленный полисным духом, сохранившимся в византийской христианской ортодоксии, остается стержнем нашего подсознания, «душой нашей души». Недаром общественные сдвиги у нас называются перестройками. Случайно ли мы культивируем свои столицы? Как душа Кощея Бессмертного в утином яйце, дух русского народа скрыт под скорлупою его столиц. Недаром А. Д. Синявский почувствовал в гоголевской поэме отображение трактата Бл. Августина «О Граде Божьем».

Мы чувствуем город не как условие жизни, но как ее наиболее полное — и подлинное! — воплощение. Исчезает город — смеркается жизнь (мифологема Китежа). Психологи отмечают распространенность сна, который можно считать типично русским: спящий видит себя единственным насельником совершенно безлюдного города. В этом сновидении человек уподоблен городу и слит с ним.

Градоустремленность русской души задает особые отношения с природой. Природа — враг города. Город угрожаем природными силами в их животной и растительной ипостасности. Иностранные путешественники времен Олеария и Герберштейна замечали, что в Московии не было деревень и городов с тем, что сейчас называется «зелеными насаждениями»: деревья и кустарники нигде не высаживались «для красоты». Неплодоносная растительность не была объектом любования.

Не растекаясь чувствами по флоре, не низкопоклонствуем мы и перед фауной. Сопереживание животным, по-моему, так и не укрепилось в нашем душевном укладе. Вспоминаю давнюю телепередачу об академике Д. К. Беляеве. Этот зоолог, большой ученый, познал толк в выращивании чернобурых лисиц, издавна с подозрением относящихся к человеку. Академик вывел особенных чернобурок: дружелюбных и привязчивых, но все для той же цели — освежевательной. Важный оттенок российской натурософии: не просто палачествуем над природой, но требуем от нее любовного сочувствия нашему бесчувствию, а то и прямому садизму.

Слепота к естеству, явленная в исследовательском насилии над животными, угрожает и человеку. Однажды другой академик, П. К. Анохин, докладывал публике в Политехническом музее о своих последних научных успехах. Бледный, огромнолицый, тяжкотелый, он медленными, вескими словами развеивал некоторые стойкие заблуждения касательно человеческого начала. Напрасно думать, например, что нужно много времени, чтобы человек из tabuba rasa превратился в homo sapiens. Академику П. К. Анохину с сотрудниками вроде бы удалось показать, что люди уже в эмбриональном состоянии вполне очеловечены. Открылось это при выращивании зародышей в пробирках. Лектора спросили о судьбах пробирочных человечков. Ответ: перед истечением пятимесячного срока содержимое пробирок устранялось в строгом соответствии с законом, который разрешал прерывать жизнь плода до рубежа в пять месяцев. Вот так: доказываем, что закон о человеке плох и основан на заблуждении, пользуясь этим законом для удобства доказательства.

Распознание в животных человекоподобия ие спасает их от насилия. Скорее наоборот, отсутствие очеловеченного отклика на истязания со стороны жертвенного животного только и может остановить пытливого исследователя. И. П. Павлов отказался от опытов над собаками в «башнях молчания», когда разочарованно убедился, что друзья человека там, в отличие от людей, не лезут на стены, а просто засыпают.

В большевистское время противопоставленность деревни и города дошла до последних пределов. Город стал воплощением ключевого мифа радикалистского сознания — мифа насилия. Отечественные города никогда не предназначались для удобной жизни. Это свежим глазом увидел в России маркиз де Кюстин, об этом писал, разбирая сказания иностранцев о Московском государстве, В. О. Ключевский (в сопоставлении с западно- и центральноевропейскими городами, российские были бедны ремесленными мастерскими, лавками — «сферой услуг» по-нынешнему). Первые двести общественных нужников появились в советской Москве только в конце 30-х годов, после того как экипажи танков, ждавших с ночи праздничной демонстрации, украсили следами своего существования подъезды номенклатурных домов по улице Горького. Вьется не превратся веревочка нашего особенного романтизма, который состоит в том, чтобы строить воздушные замки и ютиться на их чердаках. Вершиной — если не самой высокой, то самой заснеженной — этой романтики справедливо будет признать социалистический монументализм. Гигантские постройки, каналы, плотины, города предстают памятниками пересиленного Времени, монументами всеоправдательной Победы Над Будущим. Иностранные корреспонденты спрашивают чекиста, надзирающего за прокладкой канала Москва — Волга, много ли жертв среди строителей, а он отвечает: «Что жертвы! Люди заново народятся, а шлюзы будут стоять вечно».

Время башен и время пашен. Торжество рукотворного Будущего, символизируемого городами, омрачено неистребимостью природного времени, неуправляемого настоящего, которое находит последнее укрытие в деревенской жизни. Как проигрывает рядом со всесезонностью и всепогодностью городской промышленности привязанность сельского хозяйства к неустойчивым и научно необоснованным суточным и годовым пульсациям природы! А оскорбительные для передового сознания взбрыкивания крупного, мелкого и среднего животного поголовья, когда оно цинично отвечает непродуктивностью и падежом на прометеевские усилия по своему перевоспитанию (под знаком индустриализма и соцдисциплины)? Сельские старушки в последнем фильме С. Говорухина отличают прежних крестьян от теперешних своих односельчан тем, что первые вставали и ложились затемно, потому что так было нужно скоту и посевам, а вторые приоткрывают глазоньки в 10.00 и пьяно смеживают их к 15.00, как бы и что бы вокруг них ни мычало и ни колосилось.

«Хорошо, — мне скажут, — но есть ведь и светлая сторона. Например, повсесердная любовь к дачам и садовым участкам, а также повсеградное устремление к фермерству».

Ну, не знаю, не знаю. Насчет садовых участков — это еще как посмотреть. Дача не столько создает связь с природой, сколько подчеркивает необязательность такой связи: захочется — будем унавоживать грядки, не захочется — останемся в асфальтовых джунглях или в любой момент туда вернемся. В дачу заложена та же идея, что и в телевизор («телевизор — чудо XX века: одно движение руки — и все исчезло»). С фермерами тоже не просто. В их багаже навыки городского существования. Удастся ли им достичь того, что составляет смысл крестьянской жизни — растворение в природе? Сменилось несколько поколений, пока коренные жители деревни забыли свое сродство с природным миром. Хватит ли новым поселенцам одного поколения, чтобы это сродство почувствовать и запомнить?

Таковы вести с полей. Неутешительные, конечно, но не без надежды. Преодолеть роковые сцепления может только чудо. А чудеса все-таки бывают, и соучаствовать в них, что ни говори, интересно.

На сегодняшний день, правда, более или менее невозбранно приживаются в сельской местности одни пластилиновые вороны. И то если сунуть им в зубастую огнедышащую пасть кусок городского сыра.

ДВЕ СТОРОНЫ ОГРАДЫ

Заседание клуба, состоявшееся в декабре, имело на повестке вопрос: «Современная деревня в сознании крестьян и горожан». Крестьян оказалось маловато, горожан — большинство; да, собственно, иначе и быть не могло; иначе надо было бы, как минимум, провести выездную сессию «в одном из хозяйств передового в деле реформ района Московской области», а то бы и поглубже забраться, в ту самую глубинку, где реформы «не идут».

А клуб — сугубо городской, интеллигентский, философский. Возник на волне гласности осенью 1988 года в качестве неофициального «мозгового центра»: устное слово тогда опережало перестраивавшуюся печать. Название, оно же и девиз, оно же и принцип: «Свободное слово». Бессменный президент — доктор философии Валентин Толстых. И в основном — философы, историки, социологи, политологи.

Литературоведы, искусствоведы — лишь в той мере, в какой подсказывает очередная тема; темы же, несмотря на то, что клуб базируется в Союзе кинематографистов (теперь это Федерация Союзов), вовсе не тяготеют ни к кинематографу, ни даже к культуре в тесном смысле слова, а именно к широким, интегральным аспектам современного общественного сознания.

Так что и «деревенский вопрос» для этого интеллектуального форума не случаен, и то, что разговор высветил фактически лишь одну сторону проблемы: современную деревню в сознании ГОРОЖАН, — не ущерб. Конечно, полная стенограмма выявила бы и специальные аспекты (стенограммы «Свободного слова» обычно публикуются более или менее полно в соответствующих заинтересованных органах печати), но мы выбрали иное решение, и из-за тесноты площади, и ради общей цели: дать три наиболее контрастных выступления, каждое из которых выявляет не тот или иной специфический поворот проблемы, а наше общее состояние.

Чья будет земля? Кто на ней будет работать? Почему крестьянин не берет землю? Что будем есть, если он ее не возьмет? Как сведем концы, если возьмет?

Путей не угадаешь. В подмосковном совхозе, явившем «пример подлинного экономического чуда», доктор философии Сергей Никольский обнаружил «повальное растаскивание общественного имущества» по приусадебным хозяйствам, называемым «товариществами с ограниченной ответственностью». В другом совхозе или колхозе, тем более, подальше от Москвы, это будет происходить как-то иначе и называться по-другому, благо, по словам Татьяны Клячко, на Западе видов собственности насчитывается более двадцати, а у нас задействовано пока только три. По мере задействования остальных в обвале приватизации, если таковой все-таки начнется, должна будет обнаружиться своя система.

Но только при одном условии: если в обществе возобладает не конфронтация, а интеграция. Понимание общих целей. Понимание интересов ДРУГОГО: партнерство, обмен и сотрудничество вместо привычного: «стенка на стенку», «они или мы», «не дадут — возьмем».

Этот-то лейтмотив и интересен в «Свободном слове», попробовавшем аукнуться с крестьянами на границе города и села. Границ так или иначе возникнет множество. И не только между «центром» и «краями», шарахнувшимися от «центра». Между любыми «краями»! И на каждом «краю» — между правопреемниками. Будет ли эта «борьба всех против всех» осенена пониманием того, что ОБЩЕСТВО ЕДИНО, — вот в чем вопрос. И то, и другое — в природе человека: и «отпасть», и «припасть».

Отпадаем мы со вкусом. Крестьянин или выдвиженец? — спрашивает Сергей Никольский. Красноречивое ИЛИ. Выдвиженцы съели крестьян. Но ведь психология выдвиженца — обратная сторона вековой крестьянской «бездвижности». Вечно же мечтали: вырваться, оторваться, податься куда-нибудь. А тут — сама система «выдвигает». Как не рвануть! Вся иерархия (партийная, советская, номенклатурная, а теперь и «демократическая») — сплошь из «выдвиженцев». Из тех самых мужиков, что из деревни рванули. Плоть от плоти, кость от кости. Это состояние народа, а не насилие узурпаторов. В состояние народа и надо вглядеться. Как вернуть человека на землю, когда он идет туда не блудным сыном в дом, а бомжем, ищущим временного убежища? Под стеной переспать.

Вадим Царев извлекает сугубо русский смысл из памятного Филофеева уподобления Москвы Риму: мы же действительно в мечтах — Вечный Город! Живем на болоте, на плывуне, на ползущей земле, бредим оградами. И город столько же отгораживается от деревни, сколько деревня мечтает отгородиться от самой себя, от неуправляемых соседей, от ползущего хаоса, от непредсказуемой «погоды». Это — не гримасы социализма, не грехи семидесяти советских лет; это — тысячелетнее: народный способ жизни. Ни естественных границ, ни быстрых дорог, ни ясных владений. Необъятность, тянущая на «шестую часть суши». Как закрепить работника на данном участке, как защитить от человеческой и природной стихии?

Строим стены. Кроем общей крышей. Стены падают. Крыша едет. Катастрофа!

А может, это интуитивное желание измучившихся людей как-то разделить дурную бесконечность на обозримые куски? Хоть под национальными флагами, хоть под региональными, хоть под «имперскими».

Татьяна Клячко дает коварную справку: а в Англии никакой частной собственности на землю нет. Земля там — собственность короны.

Очень интересно. А у нас — ни короны, ни собственности. Ни царя в голове. Ничего, будем жить дальше. Дело же не в том, как что называется, а в том, чтобы земля была обработана и урожай не затоптан. И чтобы не тяжба «города и деревни» висела в воздухе, а понимание того, что все мы одной цепью связаны.

ЛЕВ АННИНСКИЙ,
обозреватель журнала «Родина»

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
РУДОЛЬФА ПИХОИ

Князь В. МЕЩЕРСКИЙ

НЕЧТО О КОНСЕРВАТОРАХ В РОССИИ

Князь Владимир Петрович Мещерский (1839—1914) происходил из знатного аристократического рода. По матери он был внуком Н. М. Карамзина. Но уже с молодых лет «Вово» Мещерский по своим личным качествам имел скверную репутацию в обществе. Однако князь отнюдь не представлял собой заурядную «темную личность». Он стяжал громкую известность видного идеолога консерватизма и автора сатирических романов из великосветской жизни. Ему нельзя отказать в уме и литературном таланте. После окончания Училища правоведения князь служил стряпчим, уездным судьей в Петербурге, чиновником особых поручений при министре внутренних дел, а затем несколько десятилетий состоял при Министерстве народного просвещения. С 1860 года он начал печататься в разных периодических изданиях — «Северная пчела», «Московские ведомости», «Русский вестник» и др. В 1872—1914 годах на правительственные субсидии издавал ультраконсервативную газету «Гражданин», где открыто порицал либеральные преобразования Александра II и выступал против безоглядной ломки вековых традиций и основ государственного строя России.

Мещерский обладал обширными связями при дворе и в правительственных кругах. В 1860-х годах он тесно сблизился с наследником престола великим князем Александром Александровичем (будущим Александром III). Этому способствовало юношеское увлечение цесаревича сестрой Мещерского. Именно благодаря поддержке наследника стало возможным казенное финансирование «Гражданина». В период царствования Александра III князь превратился в закулисную политическую фигуру, активно влиявшую на ход государственных дел и назначения высших должностных лиц. Он регулярно посылал императору письма в форме дневника, в которых давал свою оценку важнейшим общественным и политическим событиям. Заметным влиянием Мещерский пользовался и при Николае II.

Помимо многочисленных статей в «Гражданине», перу Мещерского принадлежит несколько публицистических сборников. Один из них под названием «Речи консерватора», вышедший в свет в 1876 году двумя изданиями, привлек немалое общественное внимание. В настоящей публикации с незначительным сокращением приводится основополагающая статья этого сборника — «Нечто о консерваторах в России».

Во всякое время у нас, а в эпоху последних реформ в особенности, чувствовалась, так сказать, в политическом образе мыслей ошибка, или вернее одно из тех роковых заблуждений, которые имеют влияние на весь ход исторического развития народа, и которое у нас в настоящее время как будто иными смутно начинает сознаваться и приводит к какой-то реакции, но к реакции весьма запутанной и сложной, посреди которой, как в хитро-завязанном узле, не знаешь, где найти ту нитку или тот узелок, с которого должно начать развертыванье узла.

Это роковое заблуждение заключалось в мысли, что в России, в отличие будто бы от других государств, можно совершать реформы в либеральном духе, обходясь совершенно без консерваторских или охранительных начал. Откуда эта странная мысль взялась?

Сколько кажется, она есть продукт чиновнического ума, незнающего русского народа. Поставленный на либеральную стезю, чиновник рассуждал так: в России, в отличие от государств запада, правительство самодержавно и неограниченно, сословий исторических нет: есть правительство и народ; реформы, исходя сверху, какие бы они ни были, приемлются народом как указы к исполнению, осуществляются посредством правительственных чиновников, и затем все приходит, мало по малу, к тому обновленному состоянию, которое имеет в виду правительство, как конечную цель всех своих преобразовательных предначертаний.

Исходя из этой мысли, чиновники отрицали, чтобы правительство могло бы быть когда-нибудь слишком либерально или недостаточно консервативно: они отвергали в принципе и в сущности даже обязанность правительства, в виду собственных интересов, нераздельно связанных с государственными — держать в равновесии стремления либеральные с началами консервативными. Все это пустяки, говорили чиновники: это имеет смысл в конституционных государствах, где есть две палаты, где есть правая и левая сторона: а у нас, помилуйте, у нас ничего этого нет, у нас ни каких консерваторов быть не может: все должны быть одной партии — правительственной.

Как бы странны рассуждения эти ни были, но в то время, когда они стали слышаться на поверхности высших слоев общества, гораздо еще страннее был тот факт, про который я уже говорил, что самые умные, самые честные и самые свободномыслящие люди в русской тогдашней интеллигенции стали под знамена этих чиновнических заблуждений только для того, чтобы не дать судну носившему эмансипацию, на котором за борт выкинуто было чиновничьим экипажем дворянство, наткнуться в своем плавании на консерваторские подводные камни. Выше я назвал в числе этих людей славянофильскую партию; но не она одна перешла на сторону этого чиновнического воззрения: почти все, мыслившие прежде иначе, люди в разных сферах общественной жизни перешли на сторону чиновников, отвергавших безусловно нужду для правительства консерваторских идей.

С тех пор прошло почти двадцать лет, и так как втечение этого времени, благодаря отсутствию консерваторских идей в начале, обнаружилась масса явлений самого беспорядочного свойства в общественной жизни, то совершенно естественным ходом вещей те люди, которые двадцать лет назад были одинокими личностями, не только не смевшими во имя консерватизма группироваться в партии, но даже подпадавшие под подозрение враждебно будто бы настроенных против правительства умов, теперь уже составляют кружек, более или менее единомыслящий, который, за неимением пока еще твердо установившегося взгляда, получил все же известную нравственную силу и известную смелость высказывать как свои мнения, так и свои опасения за наше политическое будущее.

С этими консерваторами надо уже считаться.

Но любопытно прислушаться к тому, как либеральные чиновники, продолжающие еще быть за одно с мнимо-либеральною газетною и журнальною печатью, хрипло допевающей свои последние либеральные песенки, рассуждают в ответ на заявления лагерем консерваторов своих мнений.

Они прежде всего хотят уличить во лжи этих консерваторов: *«Что?* говорят они, *вы небось 20 лет назад пророчили революцию, резню, разрушение порядка, гибель России, и этими ужасами хотели запугать правительство на пути благодетельных либеральных реформ.*

Вам это не удалось. События изобличали лживость ваших пророчеств; реформы совершились спокойно: Россия могучим ходом идет вперед, благосостояние везде удесятеряется, беспорядков нигде нет, народное образование подвигается исполинскими шагами вперед. Но вам это досадно; вас это приводит в негодование, и вы снова с яростью набрасываетесь на реформы, чтобы ими объяснять те частные уклонения и уродливости, которые кое-где являются в виде исключительных, отдельных случаев, и ничего общего не имеют с общею картиною повсеместного благосостояния России».

Так говорят теперь либералы-чиновники и либералы-журналисты, прибавляя к этому, pour la bonne bouche*, в виде устрашения: *«консерваторы хотят восстановления крепостного состояния, уничтожения земства, суда присяжных и т. д., но горе, если теперь идти назад: тогда-то, и только тогда, можно ожидать всевозможных беспорядков»* и т. д.

Вся эта музыка имеет целью помешать, так сказать, здоровому взгляду на Россию нынешнюю, взять верх над взглядом чиновническим: чтобы правительство не могло быть испугано успехами деморализации общества, лже-либералы возводят на консерваторов самым грубым и бесцеремонным образом клевету в крепостничестве, и затем хотят еще более запугивать умы призраками каких-то народных ужасов, неизбежных при ходе назад, о котором никто и не помышляет.

Но как бы груба, пошла, и нехитра ни была эта политика наших лже-либералов, как бы бессмысленна ни была эта подтасовка понятий и мыслей с целью взводить клевету на намерения консерваторов в России, они, то есть лже-либералы, еще на столько не утратили кредит в массах нашей публики, чтобы ие производить известного нервного действия; очень многих образованных лиц до сих пор еще коробит и сводит в три погибели при словах: *«консерватор и консерватизм»*, и коробит их потому, что, благодаря лже-либеральной печати и лже-либеральному чиновничеству, слово: «консерватор» для них тождественно с словом: *крепостник*.

Смешно было бы приниматься доказывать, что консерватор не крепостник, и что нынешние консерваторы вовсе не хотят вернуться ни к крепостному состоянию, ни к старому внешнему порядку политической жизни: спорить с умышленно лгущими и сознательно клевещущими — не значит ли ронять себя в собственных глазах?

Но обо всем этом надо упоминать, ибо нынешняя ложь наших псевдо-либералов, как нельзя удачнее связывается с их ложью 20 лет назад, и непосредственно, очень наглядно из нее вытекает.

20 лет назад, они очень бесцеремонно объявили, что правительство и общество, вступая в период реформ, может обойтись без консервативных начал.

Сегодня, когда часть общества, как будто чувствует себя неловко от сознания отсутствия в обществе

* На закуску (*фр.*).

и в его учреждениях консервативных начал, они же, т. е. лже-либералы, не менее бесцеремонно объявляют, что самое неловкое состояние части общества происходит не от отсутствия консервативных начал, но от усилий крепостников возвратиться к эпохе крепостного состояния.

Очевидно, что они, то есть лже-либералы, по-видимому, логичны в том и в другом своем объявлении.

Но весь вопрос в том: могут ли правительство и общество в настоящее время быть с этими лже-либералами солидарными, и называть крепостничеством опасение многих за отсутствие в русской государственной жизни, равновесия между движением мысли вперед и неподвижностью и устойчивостью основ нашего государственного строя?

Вопрос этот весьма важен.

Мне кажется, что ответить на него нельзя иначе, как безусловно-отрицательно.

Лихорадочное состояние умов посреди ломки старого порядка и созидания нового, извинявшее ослепление многих на счет всей той фальши, которая под предлогом прогресса пущена была в нашу духовную жизнь, миновало. Теперь настала пора более спокойного состояния умов, при котором ослепление может быть причиною уже роковых, неисправимых ошибок.

Чтобы избегнуть этих ошибок, надо постараться видеть ясно в современной жизни, где фальшь и где, напротив, истина, надо восстановить каждое понятие в его настоящем смысле; надо сказать себе, и притом с убеждением, что русское государство, в котором сверху консерватизм будет, по внушению чиновников и фельетонной печати, называться крепостничеством, а дворянство родовое — представителем этого крепостничества, элементом революции посредством хода назад, что *русское* государство при таких условиях существовать не может, будь оно сто раз сильнее самодержавием нашего и существовать не может именно потому, что *оно русское*, то есть потому, что такое воззрение на наше государственное развитие инстинктивно, то есть существенно противоречит духу, гению, инстинктам русского народа, который искони был и всегда будет *консервативен*, пока его не переделают в развращенный выродок своих крепких духом предков.

Что нам *прежде* всего нужно: либеральные теории или целость государства? Полагаю, что прежде всего нам нужно обеспечить себе правильный порядок государственной жизни для обеспечения, в свою очередь, этой жизни будущности; ибо трудно себе представить, какой будет толк от либерализма, если его полезные начала будут применяться одновременно с разрушительными!

Либерализм должен иметь свое место в нашей жизни, и большое место, но не менее большое место должен иметь и консерватизм.

Либерализм один царствовать не может даже в республиках.

Неужели же у нас, в России, мыслимо его единоцарствие? Где же основы такого порядка вещей? Неужели в нашем народе?

Как я уже не раз говорил, неисправимая ошибка была сделана тогда, когда дух либеральных преобразований сосредоточился в нашем чиновническом и журнальном мире, вместо того, чтобы его сосредоточить в союзе нашего высшего правительства с дворянством — нечиновничьим. Из этого союза вышло бы, может быть, то, что реформы были бы меньше либерально-острые: но, не переставая быть либеральными, они были бы *народные*, ибо дворянство, как я сказал, дворянство землевладельческое — все же одно из всех сословий России известными сторонами сливалось с народом и поневоле отражало бы в себе дух народа.

Чиновники — наоборот: они отражали в себе теории либерализма и полное разобщение с народом; свобода, ими задуманная, имела очень бойкие и острые стороны, но она мало роднилась с сторонами русской, народной жизни.

Весьма вероятно, что если бы вместо чиновничества и газетной печати руководителями общественного движения в духе свободы вперед явилось русское дворянство, оно непременно явилось бы в союзе и с народом, и с русским духовенством, которое есть одновременно и часть народной Церкви, и часть самого народа.

Тогда бы с первой же минуты установилось, независимо от формы нашего управления, то самое равновесие между стремлениями вперед западного прогресса, и между охранительным движением чисто русских народных и государственных учреждений, во главе которых стоит наша Церковь, и к числу которых принадлежит наша семья; и раз это равновесие было бы установлено, было бы нетрудно, при осуществлении дальнейших реформ, его поддерживать. Все общество жило бы в духе, так сказать, этой борьбы правильной, спокойной и неизбежной, борьбы начал прогресса и ее новой свободы с началами старой жизни, которая для всякого народа есть тоже свобода, и свобода весьма драгоценная, свобода его духа, его преданий, его идеалов, его верований, и т. п., словом — борьбы точно такой же, каковой она является при парламентаризме в Англии.

Живя в духе этой борьбы, мы бы не находили ничего дикого, ничего анормального в предъявлении одновременно с требованиями прогресса тех требований уважения к старине, к семейству, к народу, к власти, и, наконец, к Церкви, которые в государствах, — где свобода приобреталась не переворотами, — переживают все либеральнейшие кризисы; но которые у нас в настоящее время и печатью, и массою публики, и даже чиновниками, — обзываются *юродством*.

Смешно сказать, но, увы, это так. В Европе только два государства пережили общественные перевороты с колебанием своих основ: государства эти — Франция и Россия. В этих обоих государствах, слово свобода получило с той первой минуты, когда оно было произнесено — ложно-роковое значение своеволия, отрицания и разрушения: — своеволия в выборах и определении сторон жизни и учреждений, нуждавшихся в обновлении; отрицания — потому, что первым делом наших прогрессистов было отрицать все положительные стороны нашей исторической жизни, и, наконец, разрушения — потому, что с первой же реформы в государстве признано было нужным разрушить, вместе с случайными неправильностями в нашей исторической жизни и все ее жизненные основы.

Да, смешно сказать, что в России, где Глава государства располагает непосредственно такою силою, столько же нравственною, сколько вещественною, что именно в таком государстве направление, данное реформам *помимо Главы государства* чиновническим духом, было именно то самое, которое во Франции привело к ряду революций, одна другой ужаснее и одна другой нелепее, и было оно то самое потому, что чиновничий либеральный дух, вероятно, сам не ведая того, нанося удары дворянству, нанося удары старому порядку жизни, прежде всего наносил удары тем живым основам, на которых держится искони наша государственная власть, и к числу которых принадлежало начало общения народа с государственною властью посредством дворянства. Общение это и посредничество это, были далеко не политические: дворянин не являлся в виде уполномоченного от народа к Царю, или, наоборот — в виде посланника от Царя к народу; то и другое, то есть общение народа с властью посредством дворянства, было чисто-нравственное или духовное, и заключалось в том, как я уже говорил, что волею или неволею образованный дворянин, мысля о народе, — мыслил более или менее в духе этого народа, ибо жил или с ним, или очень близко от него; а раз — оно, то есть дворянство, стоя у престола мыслило о народе более или менее верно, оно незаметно являлось единственной живою связью, — связью разумною между властью и народом.

Раз — дворянство, под предлогом, что оно было живым существом только вследствие крепостного права, а не в силу своего органического сожития с народом, было удалено от влияния на реформы, как сословие будто бы враждебное правительственному почину к реформам, и заменилось оно чиновниками и дешевою вседневною печатью, явился уже не действительный, а фиктивный мир русского народа и русского государства, нечто в роде субъекта для всевозможных клинических над ними опытов хирургии и медицины.

Чиновники-реформаторы, как профессора любой клиники, стали делать свои опыты, не обращая никакого внимания на мысль: что может быть, если этот усыпленный субъект был бы живой, он бы мог доказать неосновательность и несостоятельность многих из предвзятых теорий.

Будучи сам именно в состоянии сна, ибо он был невежествен, народ как раз, в минуту реформ, совершавшихся для него, лишен был, так сказать, естественного истолкователя своих нужд; за него и за этих истолкователей, взялись мыслить и говорить одни только либеральные чиновники и одна только либеральная печать?

А между тем, спрошенный в свое время, посредством своих переводчиков-дворян, народ имел бы многое что сказать по поводу духа и идей совершавшегося общественного переворота.

Он бы, вероятно, явился с полным запасом тех консервативных нужд, которые во всех государствах высказывают представители народа одновременно с нуждами прогресса и которые по тому самому столько же обязательны, сколько и последние при осуществлении реформ, имеющих целью народное благо и упрочение будущности государства.

Прежде всего, как я уже сказал, уже то было бы хорошо, что в священный сосуд великих реформ не было бы примешано ни чиновнической, ни журнальной фальши: каждая мысль, каждое понятие носили бы свое настоящее имя: свобода была бы свободою, крепостным состоянием был бы назван не весь старый строй России, а только крепостные отношения крестьян к помещикам, освобождение крестьян было бы только освобождением крестьян, а не введением в русскую жизнь нивелирующего начала для всех исторически сложившихся авторитетов русской жизни, и там, где было бы увлечение уйти слишком далеко в область свободы, то есть в чрезмерном разобщении с народом, там была бы непременно со стороны дворянства остановка этого увлечения во имя народных духовных интересов.

Но главное, тогда бы начало всей перестройки положено было бы правильное и прочное, тогда как теперь действительно псевдо-либералам есть как будто бы основание бояться, чтобы крик какого-нибудь консерватора не поколебал основ великих реформ в том смысле, в каком их поняли наши лже-либералы; ибо при всем своем желании быть передовыми, передовыми quand meme*, они все-таки чувствуют, что легло-то в основу их либеральной новой России совсем не то, что было прочно тогда и прочно теперь, а что-то шаткое — либеральные утопии чиновников-народолюбцев, тогда как должны были бы лечь те же самые основы, какими прожила Россия свои 980 лет до эпохи нынешних реформ. На поверхности либерально-настроенного в данный момент своего развития общества — могут всплывать всевозможные так называемые idees avancees**, передовые мысли, но когда эти самые случайные мысли с поверхности общества переходят в основы его строя или его реформ, тогда основы эти не только сами по себе непрочны, но они производят непрочность самого строя, самых реформ.<...>

Публикация кандидата исторических наук
ВАЛЕРИЯ СТЕПАНОВА

* Вопреки всему (*фр.*).
** Передовые идеи (*фр.*).

ПЕРВЫЕ ПОЛЕТЫ ВАСИЛИЯ СТАЛИНА

Публикуемые документы рассказывают о начале стремительной карьеры младшего сына Сталина. Начав службу в апреле 1940 года с должности младшего летчика, двадцатилетний старший лейтенант Василий Сталин в сентябре 1941 года уже являлся начальником инспекции ВВС. Тень всемогущего отца всегда стояла за ним. Отсюда поблажки по службе: от комнаты в общежитии до горячительных забав на личном самолете. Однако удивительно другое. В стране, где миллионы людей подвергались репрессиям, жили под прессом неусыпного контроля со стороны НКВД, сын инициатора этого произвола сам был объектом постоянного надзора и доносительства.

Документ № 1

Начальнику ОО НКВД МВО
Майору государственной безопасности
тов. БАЗИЛЕВИЧ

СПЕЦЗАПИСКА

В обслуживаемый Особым отделением 57-й авиабригады 16-й истребительный авиаполк для прохождения дальнейшей службы прибыл лейтенант СТАЛИН Василий Иосифович.

Учитывая авторитет отца СТАЛИНА В. И. — тов. СТАЛИНА — политкомандование 57-й авиабригады в лице комиссара авиабригады — полкового комиссара ВОЕВОДИНА и нач. политотдела авиабригады — батальонного комиссара СОЛОВЬЕВА, ставят лейтенанта СТАЛИНА в такие условия, которые могут привести к антагонизму между иим и другими военнослужащими авиаполка.

Лейтенант СТАЛИН командованием авиабригады поселен в квартире-общежитии летного состава 16-го АП в отдельной комнате нового 8-го дома гарнизона, который еще не радиофицирован. По распоряжению нач. политотдела бригады — СОЛОВЬЕВА, с занятием комнаты л-том СТАЛИНЫМ был сделан специальный ввод радиоточки в комнату л-та СТАЛИНА, даже несмотря на то, что в квартире было 4 комнаты и остальные 3 комнаты остались нерадиофицированными.

Комиссар авиабригады — полковой комиссар ВОЕВОДИН на один из последних концертов в ДКА привел с собой л-та СТАЛИНА, причем раздел его не в общей раздевалке, а в кабинете начальника ДКА, где всегда раздевается и сам, посадил вместе с собой на 1-й ряд, отведенный для руководящего состава авиабригады.

После концерта среди военнослужащих было много разговоров, сводившихся к тому, что вот достаточно л-ту СТАЛИНУ иметь отца, занимающего высокое положение в стране, так сразу же к нему совершенно другое отношение, даже со стороны комиссара авиабригады.

Сообщается на Ваше распоряжение.

Начальник ОО НКВД 57 АБ
Сержант государственной безопасности *(Титов)*
[апрель] 1940 года

Документ № 2

НКВД СССР
Особый Отдел Московского Военного Округа
3 июля 1940 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Начальнику ОО ГУГБ НКВД СССР
Комиссару госбезопасности 3 ранга
тов. БОЧКОВУ

28 июня 1940 года на Люберецком аэродроме во время тренировочных полетов командир эскадрильи 16 АП 57 Авиабригады — Герой Советского Союза старший лейтенант ПЬЯНКОВ Александр Петрович, кандидат ВКП(б), пилотируя самолет И-153 № 8209, произвел посадку самолета с невыпущенным шасси, на фюзеляж.

Герой Советского Союза — ст. лейтенант ПЬЯНКОВ невредим.

Посадка самолета с невыпущенным шасси на фюзеляж была произведена вследствие невыпуска при посадке правой ноги шасси.

(примечание на полях: «Ознакомлен Смушкевич»)

Причиной невыпуска <u>правой ноги шасси явилось заклинение задней кромки подвижного щитка</u> между лопухом и амортизационной стойкой шасси из-за изгиба задней кромки подвижного щитка в силу недостаточной его жесткости, что является производственным дефектом серии самолетов И-153.

В связи с выявленным производственным дефектом на самолетах И-153 командованием 57 АБ задержаны полеты самолетов И-153, имеющих штампованные подвижные щитки. Полеты на данном типе самолетов будут возобновлены после усиления подвижных щитков.

По справке командования 57 АБ, самолет И-153 № 8209 был специально заказан для летчика 16 АП СТАЛИНА В. И. заводу № 1 ВВС Красной Армии — начальником Главного Управления Авиационного снабжения АЛЕКСЕЕВЫМ через военинженера 2-го ранга ФРАНЦЕВА.

ФРАНЦЕВ, после получения наряда на самолет И-153, дал указание начальнику летно-испытательной станции з-да № 1 военинженеру 3-го ранга КУТИЦЫНУ, который инженеру ПЕТРОВУ, принимавшему самолеты И-153 для 57-й Авиабригады, самолет № 8209 сдал как самолет, готовившийся по спец. указанию.

При поступлении самолета И-153 № 8209 в авиабригаду, командир 57-й авиабригады — полковник СБЫТОВ приказал командиру эскадрильи 16 АП — Герою Советского Союза ПЬЯНКОВУ самолет И-153 № 8209 лейтенанту СТАЛИНУ не передавать до тех пор, пока на самолете не будет произведен общий налет не менее 10 часов с опробованием самолета как на пилотаже, так и при стрельбе и бомбометании.

<u>Приложение:</u> Материал расследования на 6 листах.

Начальник ОО НКВД МВО
Майор госбезопасности *(БАЗИЛЕВИЧ)*

Документ № 3

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Народный Комиссариат обороны Союза ССР
3 Управление
Агентурное донесение
14 июня 1941 года

Начальнику 3-го (истребительного) отдела 1 Управления ГУ ВВС полковнику тов. Гращенкову поручено выпустить на самолетах «Лаг-3» и «Як-3» сына тов. СТАЛИНА, ст. л-та тов. СТАЛИНА.

Ст. л-т т. СТАЛИН ежедневно приезжает к полковнику ГРАЩЕНКОВУ в 16—17 часов, и едут на аэродром на полеты. Перед полетами ст. л-т т. СТАЛИН много ездит на автомашине, тренируется на скаковой лошади, и уже к концу дня едет на аэродром летать уже достаточно усталым.

По рассказам полковника ГРАЩЕНКОВА (со слов ст. л-та т. СТАЛИНА), ст. л-т т. СТАЛИН почти ежедневно порядочно напивается со своими друзьями, сыном МИКОЯНА и др., пользуясь тем, что живет отдельно от отца, и утром похмеляется, чтобы чувствовать себя лучше.

9 июня с. г. ст. л-т т. СТАЛИН взял с собой сына т. МИКОЯНА, переодел его в свою форму и попросил полковника т. ГРАЩЕНКОВА провезти его на самолетах.

Полковник т. ГРАЩЕНКОВ, потворствуя весьма опасным забавам, взял его на самолет УТИ-4 и произвел полет.

Ст. л-т т. СТАЛИН просил полковника ГРАЩЕНКОВА «покрутить» т. МИКОЯНА в полете так, чтобы вызвать у него рвоту.

Т. ГРАЩЕНКОВ, правда, не разрешил себе этого, и ст. л-т т. СТАЛИН сказал: «Вот когда полечу самостоятельно, тогда я его покручу».

Ст. л-т т. СТАЛИН очень молодой, горячий, не встречал соответствующего руководства, а наоборот, поощряемый т. ГРАЩЕНКОВЫМ, может в один из дней, никого не ставя в известность, взять в полет кого-нибудь из приятелей, и думая удивить их, может позволить себе то, что приведет к катастрофе, а это вызовет непоправимые последствия в здоровье т. СТАЛИНА.

Необходимо установить надзор за поведением ст. л-та т. СТАЛИНА и исключить возможность попыток к полетам вне программы его подготовки.

Капитан госбезопасности *(подпись неразборчива)*

Документ № 4

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Народный Комиссариат Внутренних Дел Союза ССР
Управление Особых отделов
Агентурное донесение
2 отделение 2 отдел
9 сентября 1941 г.

8 сентября 1941 г. т. ВАСИЛИЙ в 15^{00} прилетел с завода № 301 с механиком т. ТАРАНОВЫМ и приказал подготовить самолет через 30 минут, в 18^{00} подъезжает на автомашине с двумя девушками, авиатехник т. ЕФИМОВ запускает мотор и выруливает на старт. Дает приказание т. ТАРАНОВУ сесть в автомашину и привезти девушек на старт, чтобы видеть, как он будет летать. Во время полета он делал резкие виражи и проходил на большой скорости бреющим полетом, делая затем горки. После полета самолет поставил в ангар и уехал. В ночь с 8 на 9 сентября 1941 года, во время воздушной тревоги т. ВАСИЛИЙ приехал на аэродром, вместе с ним приехала молодая девушка, он въехал иа своей автомашине в ангар. Приказал автомеханику т. ТАРАНОВУ запустить мотор и стал требовать, чтобы его выпустили в воздух. Время было 0^{15}, причем он был в нетрезвом состоянии. Когда его убедили, что вылет невозможен, он согласился и сказал: «Я пойду лягу спать, а когда будут бомбить, то вы меня разбудите».

Ему отвели кабинет полковника ГРАЧЕВА, и он вместе с девушкой остался там до утра.

Данный факт является серьезным и опасным, тем что он своим приказом может разрешить себе вылет.

Вылет же ночью очень опасен тем, что он ночью на этом типе самолета не летал, и кроме этого, была сильная стрельба из зенитных орудий.

<u>Мероприятия:</u> к сведению нач. 2 отдела.

Публикация **ЛЕОНИДА РЕШИНА**

ВИВАТ, ОЛИМПИЙЦЫ!

Совершенно секретно

Ст — 4342
223/19с от 12.VIII.1980 г.

Постановление
Секретариата ЦК Коммунистической партии
Советского Союза

О награждении орденами и медалями СССР военнослужащих, рабочих и служащих Министерства обороны, работников Комитета государственной безопасности СССР и Министерства внутренних дел СССР за активное участие в подготовке и проведении XXII Олимпийских игр

1. Разрешить Министерству обороны, Комитету государственной безопасности СССР и Министерству внутренних дел СССР представить к награждению орденами и медалями СССР за активное участие в подготовке и проведении XXII Олимпийских игр до 2650 человек, в том числе по Министерству обороны — до 300, Комитету государственной безопасности СССР — до 850 и Министерству внутренних дел СССР — до 1500 человек.

2. Внести на утверждение Политбюро*.

Результаты голосования:
Секретари ЦК т. Кириленко А. П. — за
т. Горбачев М. С. — за
т. Капитонов И. В. — за
т. Долгих В. И. — за
т. Зимянин М. В. — за
т. Русаков К. В. — за

* Постановление утверждено Политбюро 14.VIII.80 г.

СЛЕЖКА НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ

Сов секретно

ЦК КПСС

С разрешения ЦК КПСС органами госбезопасности в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Тбилиси, Сталинграде и Туле летом 1960 года были скомплектованы группы нештатных сотрудников, которые на общественных началах участвуют в наблюдении за иностранцами.

За истекшее время нештатные сотрудники, подобранные с помощью партийных организаций из числа коммунистов и комсомольцев — рабочих, служащих, студентов, а также неработающих пенсионеров органов госбезопасности и внутренних дел, во многих случаях положительно себя зарекомендовали в наблюдении за иностранцами.

Особенно полезным было использование нештатных сотрудников в наблюдении за иностранцами в часто посещаемых ими местах, где они имеют условия для проведения встреч с интересующими их лицами. Например, в Москве во время функционирования японской промышленной выставки нештатными сотрудниками выявлено более 30 человек, имевших подозрительные контакты с японцами.

Успешно проводилось наблюдение за иностранцами в

Фото Евгения Шелешнева

музеях, читальных залах библиотек, плавательных бассейнах и других местах.

Опыт первых месяцев работы нештатных сотрудников подтвердил целесообразность этой активной формы привлечения общественности к работе органов госбезопасности.

Учитывая это, полагаем целесообразным, чтобы нештатные сотрудники привлекались к работе не только в летнее время, но также и в другие периоды года.

Просим согласия.

Председатель Комитета
госбезопасности *(А. Шелепин)*

«ПРИЧИНЫ СМЕРТИ — ВЫМЫШЛЕННЫЕ»

Совершенно секретно
Экз. № 1

26 декабря 1962 г. № 3265-с
гор. Москва

ЦК КПСС

В 1955 году с ведома инстанций и по согласованию с Прокуратурой СССР Комитетом госбезопасности было издано указание № 108сс органам КГБ, определяющее порядок рассмотрения заявлений граждан, интересующихся судьбой лиц, расстрелянных по решениям несудебных органов (б. Коллегией ОГПУ, тройками ПП ОГПУ-НКВД-УНКВД и Комиссией НКВД СССР и Прокурора СССР). В соответствии с этим указанием органы госбезопасности сообщают членам семей осужденных, что их родственники были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах лишения свободы, а в необходимых случаях при разрешении имущественных или иных правовых вопросов регистрируют в загсах смерть расстрелянных с выдачей заявителям свидетельств, в которых даты смерти указываются в пределах 10 лет со дня ареста, а причины смерти — вымышленные.

Установление в 1955 году указанного порядка мотивировалось тем, что в период массовых репрессий было необоснованно осуждено большое количество лиц, поэтому сообщение о действительной судьбе репрессированных могло отрицательно влиять на положение их семей. Кроме того, предполагалось, что сообщение членам семей расстрелянных действительной судьбы их родственников могло быть использовано в то время отдельными враждебными элементами в ущерб интересам советского государства.

Существующий порядок сообщения вымышленных данных касается в основном невинно пострадавших советских граждан, которые были расстреляны по решениям несудебных органов в период массовых репрессий.

В результате пересмотра уголовных дел с 1954 по 1961 годы из общего количества расстрелянных в несудебном порядке около половины реабилитированы. В отношении большинства из них родственникам объявлены не соответствующие действительности сведения о смерти, якобы наступившей в местах лишения свободы.

После проделанной Центральным Комитетом КПСС работы по разоблачению беззаконий, допущенных в период культа личности Сталина, существующий порядок рассмотрения заявлений граждан с запросами о судьбе их родственников считаем необходимым отменить.

Сообщение гражданам вымышленных дат и обстоятельств смерти близких им лиц ставит органы госбезопасности в ложное положение, особенно при опубликовании в печати дат смерти лиц, имевших в прошлом заслуги перед партией и государством. Кроме того, регистрация смерти расстрелянных лиц по решениям несудебных органов с указанием в документах вымышленных сроков их пребывания в местах заключения ставит членов их семей при установлении пенсий в неравные условия с членами семей лиц, расстрелянных по суду.

Советские люди о массовых нарушениях социалистической законности осведомлены, и мотивы, в силу которых в 1955 году был установлен порядок сообщения родственникам о судьбе репрессированных членов их семей, отпали.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным впредь на запросы граждан о судьбе их родственников, осужденных в несудебном порядке к расстрелу, устно сообщать действительные обстоятельства смерти этих лиц, а регистрацию в загсах их смерти производить датой расстрела, без указания причины смерти, как это делают Военная коллегия Верховного суда СССР и военные трибуналы в отношении лиц, расстрелянных по приговорам судов.

При этом имеется в виду, что данный порядок не будет распространяться на лиц, в отношении которых ответы давались в соответствии с ранее установленными и действующими в настоящее время порядками рассмотрения заявлений.

Уведомление граждан о действительной причине смерти осужденных лиц будет давать членам их семей, имеющим право на пенсионное обеспечение по случаю потери кормильца, основание возбуждать ходатайства перед соответствующими органами о назначении пенсий на льготных основаниях как родственникам лиц, умерших от трудового увечья или погибших при исполнении служебных обязанностей.

Следует отметить, что количество заявлений о судьбе осужденных в несудебном порядке с каждым годом сокращается (в 1959 году 39225, а за 8 месяцев 1962 года 8018).

Установленный решением Президиума Совета Министров СССР от 15 декабря 1959 года (протокол № 37) порядок сообщения за границу дат смерти осужденных к расстрелу применительно к обстоятельствам каждого дела, но не ранее дат приведения приговоров в исполнение и не позднее 10 лет со дня ареста, по нашему мнению, целесообразно не изменять.

Данное предложение согласовано с Прокуратурой СССР и Верховным судом СССР.

Прошу рассмотреть.

Председатель Комитета
госбезопасности *(В. Семичастный)*

УСЛОВИЯ ОБМЕНА

4 февраля 1974 г. № 315-А
гор. Москва

Совершенно секретно

ЦК КПСС

Комитет госбезопасности располагает сведениями о том, что Иоханна РИКАРД из западногерманского города Нюрнберг, обладательница частной коллекции картин, предложила продать нам письмо В. И. Ленина к Г. А. Алексинскому от 7 февраля 1908 года (копия письма прилагается).

По ее словам, владелец этого письма В. И. Ленина, якобы один из старейших членов социал-демократической партии Германии, пожелал остаться инкогнито и хотел бы в качестве компенсации получить картину, написанную маслом, художника-абстракциониста Василия КАНДИНСКОГО из имеющихся в фондах Государственной Третьяковской галереи.

Экспертиза копии рукописи, проведенная в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, показала, что она принадлежит перу В. И. Ленина.

Считали бы целесообразным использовать имеющиеся у Комитета госбезопасности возможности для того, чтобы получить оригинал письма В. И. Ленина на предложенных условиях.

Проект постановления ЦК КПСС и заключение Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС прилагаются.

Просим рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности *Андропов*

Совершенно секретно

№ Ст-112/11с
от 5.II.1974 г.
Выписка из протокола № 112 § 11с Секретариата ЦК

О письме В. И. Ленина к Г. А. Алексинскому
от 7 февраля 1908 года

1. Министерству культуры СССР подобрать одну из картин художника-абстракциониста Кандинского, написанную маслом, и передать в распоряжение Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР.

2. Комитету госбезопасности при СМ СССР осуществить на предлагаемых условиях получение оригинала письма В. И. Ленина Г. А. Алексинскому от 7 февраля 1908 года.

Секретарь ЦК

Мы публикуем неизвестное письмо Л. Троцкого министру юстиции Франции с просьбой разрешить приезд в Мексику его внука Всеволода Волкова, родившегося в Ялте 7 мая 1926 года. В. Волков, сын дочери Троцкого от первого брака, и Платона Волкова, бывшего члена ЦК профсоюза работников просвещения, арестованного в 1928 году, приехал в Мексику за год до гибели Л. Троцкого в сопровождении активных членов французской секции IV Интернационала Альфреда Грио и его супруги. Жанна Молинье, воспитывавшая Всеволода в течение нескольких лет и очень привязанная к нему, опасаясь за его жизнь, противилась отъезду Всеволода к деду.

Койоакан, 7 февраля 1939 г.

Г. министр

Если я позволяю себе отвлечь ваше внимание по личному делу, то не только, конечно, потому, что оно крайне важно для меня — этого было бы недостаточно, но и потому, что оно в вашей компетенции. Речь идет о моем внуке Всеволоде Волкове, мальчугане 13 лет, который сейчас живет в Париже и которого я хочу взять к себе в Мексику, где живу сейчас.

Вкратце история этого мальчугана такова. В 1931 г. он уехал из Москвы со своей матерью, моей дочерью Зинаидой, по мужу Волковой, которая с разрешения советского правительства выехала за границу для лечения туберкулеза. В этот самый момент советские власти лишили меня, как и мою дочь, советского гражданства. Моя дочь вынуждена была забрать свой паспорт после визита в советское консульство в Берлине. Оторванная от других членов своей семьи, Зинаида Волкова покончила с собой в январе 1933 г. Всеволод остался в семье моего сына Льва Седова, который жил тогда в Берлине со своей подругой г. Жанной Молинье, француженкой по национальности. После прихода Гитлера к власти мой сын вынужден был эмигрировать в Париж с г. Жанной Молинье и мальчуганом. Как вы, г. министр, может быть, знаете, мой сын умер 16.II.38 г. в Париже при обстоятельствах, которые продолжают оставаться для меня таинственными. С тех пор мальчик находится в руках г. Жанны Молинье.

Юридическая ситуация Всеволода Волкова следующая. Его мать, как я сказал, умерла. Его отец, который жил в СССР, исчез бесследно почти 5 лет назад. Так как он принимал в прошлом активное участие в деятельности оппозиции, не может быть сомнения, что он погиб во время одной из «чисток». Советские власти считают, конечно, Всеволода Волкова лишенным советского гражданства, ждать от них справок или каких-либо документов было бы абсолютной иллюзией. Я остаюсь, таким образом, единственным кровным родственником Всеволода, моего законного внука. Если в настоящих условиях нелегко доказать это официальными документами, можно без труда установить это (если какие-то уточнения необходимы) свидетельством десятка французских граждан, которые хорошо знают ситуацию моей семьи. В списке, приложенном к этому письму, я даю фамилии некоторых из них.

Всеволод Волков не имеет никаких родственных связей, прямых или косвенных, во Франции или в какой-то другой стране. Г. Жанна Молинье не имеет с ним никакой родственной связи ни по крови, ни по браку. Я предложил г. Жанне Молинье, в руках которой находится сейчас мальчуган, приехать с ним в Мексику. Из-за своего характера она отказалась. Не имея возможности самому поехать во Францию, я вынужден организовать отъезд моего внука через третьих лиц. Представитель моих интересов в этом вопросе г. Жерар Розенталь, судебный адвокат, Париж, д'Эдинбург, 15.

Чтобы облегчить необходимые расследования, я позволю себе указать, что французские власти 2 раза разрешали Всеволоду Волкову проживание во Франции, первый раз в конце 1932 г. при отъезде из Константинополя, второй раз в 1934 г. при отъезде из Вены. Оба раза Всеволод Волков получал разрешение как мой внук. Переписка по этому делу должна находиться в архивах МВД и дает надежное основание для того решения, о котором я ходатайствую. Мексиканское правительство уже передало инструкции своему консульству в Париже, чтобы Всеволоду Волкову был без всяких осложнений разрешен въезд в Мексику. Остальное зависит только от французских властей.

Очень простое и абсолютно вне всяких осложнений с материальной т. зр. дело может, однако, учитывая все обстоятельства, указанные выше, показаться с юридической т. зр. крайне сложным, так как Всеволод Волков не имеет никаких бумаг, подтверждающих то, что я только что изложил. Если дело такого рода столкнется с бюрократией, оно может тянуться бесконечно. Ваше вмешательство, г. министр, может разрубить узел в течение 24 часов. Именно это вынуждает меня занять ваше внимание.

Прошу принять, г. министр, уверения в моих искренних чувствах.

Лев Троцкий.

Список нескольких лиц, могущих дать свидетельства по делу Всеволода Волкова:

Альфред Грио
Маргерит Тевене
Пьер Навиль с супругой
д-р Розенталь
Жан Ру
Алексис Барден
Виктор Серж
Иван Крепо

ЦХИДК. Ф. 1. Оп. 21а. Д. 202. Л. 16-20.

Публикация **С. ПОПОВОЙ**

УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА ГЛАЗАМИ НЕЗНАКОМКИ

1 сентября 1911 года в Киеве на торжественном спектакле в городском театре помощник присяжного поверенного Д. Г. Богров двумя выстрелами в упор смертельно ранил председателя Совета министров П. А. Столыпина. Кончина крупнейшего государственного деятеля России, в течение нескольких лет упорно пытавшегося повернуть империю на путь реформ, произвела ошеломляющее впечатление. Это убийство восприняли по-разному: одни — как трагедию страны, другие — как долгожданное избавление от «душителя» свободы и революции. Но очень многие сходились в том, что смерть Столыпина открыла новую главу в истории России.

В событиях 1 сентября до сих пор не все ясно. Продолжаются споры вокруг «загадки Богрова», являвшегося одновременно и террористом, и бывшим осведомителем местного охранного отделения. Опубликовано несколько воспоминаний очевидцев кровавой сцены в театре — Николая II, журналиста А. С. Панкратова, киевского губернатора А. Ф. Гирса, академика Г. Е. Рейна[1]. Но архивы хранят и другие, не менее важные свидетельства. Среди них — письмо без обращения и подписи, принадлежащее, судя по тексту, даме из киевского высшего общества, которой удалось получить приглашение на спектакль, хотя доступ в театр был крайне ограничен. Документ, где довольно подробно излагаются факты покушения и стихийной расправы над убийцей, позволяет уточнить некоторые обстоятельства и детали этого «преступления века».

Покушение на Столыпина было произведено в последнем антракте. Он стоял, прислонившись спиной к баррьеру[2] партера, и не то читал афишу, не то разговаривал. Самого момента выстрела я не видала; я сидела в первом ряду галереи, откинувшись на спинку стула и закрыв глаза. Я очень устала от непривычки почти не шевелясь сидеть на месте, а нам не позволяли вставать. Большинство публики было в фоэ[2] и была сравнительная тишина. Вдруг раздались, один за другим, два сухих резких звука, похожих на треск ломающагося дерева, а за ними два или три истерических женских вопля, пронесшихся с бельэтажа. Первая моя мысль была, что сломали баррьер, но услышав эти крики, я поняла, что это были выстрелы. Я нагнулась к баррьеру и стала смотреть вниз. Вся публика партера разделилась на две части, одна большая бросилась по проходам к дверям, другая набросилась на какого-то господина в штатском[3]. Театр огласился оглушительными криками «бить». Свитские офицеры, обнажив шашки и перепрыгивая через стулья партера, подбегали к кучке людей, окруживших штатского. Передо мной на мгновение мелькнуло бледное, молодое лицо с слегка выт[а]ращенными глазами и под подбородком[2] две руки в снежно-белых лайковых перчатках, душившие его. Потом все перемешалось, получился хаос мундиров, сюртуков, рук, ног, обнаженных шашек..весь этот клубок катился по проходу к дверям. У меня к горлу подступил какой-то клубок, я схватилась руками за баррьер и сознавала только одно, что здесь избивают человека. Все это продолжалось минуту или две. Через баррьер царской ложи перескочил кто-то молодой в мундире (мне почему-то кажется, что это был Борис Болгарский[4], но утверждать этаго я не могу, т. к. не знаю даже наверное, правда ли, что перескочил через царскую ложу, а не через соседнюю) и бросился к месту избиения, появилась полиция, и все скрылось в дверях. Тут только я обратила внимание на Столыпина. Он почти лежал на крайнем кресле первого ряда, и рядом с ним было только человека три-четыре. В следующий момент он был скрыт от меня явившимися офицерами, которые подняли его и понесли вон. Его несли 4 человека. Лицо Столыпина, пов[ё]рнутое вверх ко мне, было мертвенно бледно, и рот искривлен гримасой. Казалось, он был без сознания. Его правая рука вся в крови безсильно лежала на груди, левая висела в воздухе, на животе было пятно крови. Театр огласился криками «гимн». Занавесь подняли. Артисты полуодетые вышли на сцену и начали петь. Пение было покрыто неистовыми криками ура, которые еще усилились, когда в ложе появился бледный как смерть государь. Он старался держаться бодро, но почти не подымал головы и вообще казался пришибленным и смущенным. Артисты стали на колени и при последней строчке «Боже, царя храни» патетически подняли руки вверх. Все это было так неестественно, театрально и пошло, что мне стало противно, как еще никогда. Гимн повторяли раз семь-восемь, когда занавесь наконец опустилась и я с облегчением вздохнула, раздался снизу охрипший голос с трудом певший: «Спаси, Господи, люди твоя». Весь театр подхватил это, занавесь опять поднялась, и еще три раза была исполнена молитва. Когда замолкли крики ура, послышались голоса, возглашавшие здаровье[2] министра, но их никто не слушал. Началась скучная процедура выхода, продолжавщая[2] так долго, что я только через три четверти часа попала домой.

ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 199. Л. 1—2 об. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Убийство Столыпина. Свидетельства и документы. Рига, 1990. С. 145—179.
2. Так в тексте.
3. Речь идет о Богрове Дмитрии Григорьевиче (Мордко Гершовиче) (1887—1911) — помощнике присяжного поверенного, члене киевской группы анархистов-коммунистов, агенте Киевского охранного отделения, убийце П. А. Столыпина.
4. Имеется в виду наследник болгарского престола Борис (1894-1943) из династии Кобургов, впоследствии болгарский царь Борис III (1918—1943). В 1911 г. он находился в Киеве по поручению своего отца, царя Фердинанда, для возложения венка к памятнику Александру II. Во время спектакля сидел в царской ложе.

Публикация кандидата исторических наук
В. СТЕПАНОВА

9 января 1905 года: свидетельствуют жандармы

«Кровавое воскресенье» не было ни первым, ни даже самым крупным кровопролитием, учиненным по воле или с ведома российских самодержцев. Стреляли и во время объявления «воли» в 1861 году, и позднее, при усмирении крестьянских выступлений и фабричных беспорядков. Впереди были подавление декабрьского восстания, карательные экспедиции Ренненкампфа по Сибири, Ленский расстрел. И тем не менее события 9 января стоят особняком. Впервые в истории России войска разогнали силой оружия, с множеством жертв, **мирное** *шествие народа с хоругвями и иконами к своему царю.*
Последний представитель династии, поставленной на царство Земским собором 1613 года, нарушил тем самым все моральные обязательства перед своим народом, а значит, и снял все моральные обязательства подданных в свой адрес, что закончилось в конце концов расстрелом в подвале Ипатьевского дома.
В советской историографии с датой 9 января традиционно связывалось начало первой русской революции. Вокруг событий «кровавого воскресенья» существовало немало спекуляций, касавшихся прежде всего преувеличения жестокости царских войск и числа жертв. Основанием для них служили сведения, почерпнутые из нелегальных листовок, выправленных в 30-е годы воспоминаний «старых революционеров» и рабочих и т. п., поскольку многие документы долгое время находились под спудом.
Между тем для установления истины всегда требуется выслушать и другую сторону. Среди той информации, которая циркулировала в недрах правительственных учреждений столицы, важное место отводилось ежедневной сводке происшествий, которая за подписью градоначальника направлялась в Департамент полиции. Ее текстовую часть сопровождали «Ведомости» о числе пациентов 16 городских больниц «гражданского ведомства» и о «движении» арестантов, содержавшихся в городской тюрьме, доме предварительного заключения и 12 арестных домах при полицейских участках. Не составляло исключения и воскресенье 9 января.
Приводимый документ весьма краток — неполные три машинописные страницы, — но он стал довольно заметным «кирпичиком», легшим в основу официальной версии. Сводка составлена весьма квалифицированно и, на наш взгляд, дает объективную картину событий. Современному читателю будет небезынтересно познакомиться с этим документом и соотнести его с тем, что было известно ранее.

ВЕДОМОСТЬ О ПРОИСШЕСТВИЯХ ПО ГОРОДУ С.-ПЕТЕРБУРГУ

10 января 1905 года[1].

9 сего января толпы забастовавших рабочих, согласно заранее намеченному их руководителями плану[2], с утра стали направляться с окраин к центральным частям столицы, но были остановлены нарядами войск. На Шлиссельбургском проспекте[3] толпа до 15.000 человек пыталась прорвать заслон из двух казачьих сотен, но после трех залпов холостыми патронами уклонилась в сторону, разломала забор и через пролом, отойдя к Неве, перешла по льду на Выборгскую сторону. Другая толпа рабочих около 6.000 человек приближалась по Петергофскому шоссе к Нарвским воротам, неся впереди хоругви и иконы. Несмотря на предупреждения Полиции и войсковых начальников, толпа упорно шла вперед, и так как эскадрону Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка рассеять толпу не удалось и последняя продолжала напирать на заслон из двух рот 97[4] пехотного Иркутского полка, то по сигналу горном пехота произвела выстрелы боевыми зарядами, причем только после третьего залпа толпа рассеялась, подбирая убитых и раненых. При этом оказались также тяжело ранеными младший помощник пристава Петергофского участка поручик Жолткевич, сквозною раною в спину, и околоточный надзиратель Шорников, который спустя час умер в больнице.

На Петербургской стороне значительная толпа рабочих до 20.000 человек двигалась по направлению к Троицкому мосту[5], но была остановлена заслоном из трех рот Лейб-Гвардии Павловского полка и эскадроном уланского ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА[6] полка.

На 4 линии Васильевского острова и на Малом проспекте толпа около 4.000 человек[7] также оказала упорное сопротивление войсковым нарядам, причем ею порваны были телефонные проволоки, опрокинуты некоторые телеграфные столбы и в трех местах четвертой линии устроены были баррикады поперек улицы из проволоки и досок, на одном из этих заграждений укреплен был красный флаг.

У городовых толпа отнимала и ломала шашки, а на оружейной фабрике Шаффа[8] в Суворовском участке толпою выбиты окна и расхищено около 100 стальных клинков, большая часть которых, однако, была отобрана подоспевшей ротой Лейб-Гвардии Финляндского полка. При уничтожении баррикад в 4 линии Васильевского острова в солдат бросали каменьями и из окон соседних домов производили револьверные выстрелы: ввиду оказанного толпою здесь, а также и на Малом проспекте сопротивления воинские части принуждены были прибегнуть к огнестрельному оружию.

Благодаря отпору войск на окраинах города ни одна крупная партия рабочих до центральной части города допущена не была, и из заречных районов толпы рабочих не могли соединиться с остальными. Тем не менее на Невском проспекте и улицах Гороховой[9], Гоголя и соседних к трем часам дня скопились значительные толпы народа, преимущественно рабочих, стремившихся к площади Зимнего дворца.

Для рассеяния толпы, собравшейся у решетки Александровского сада[10], отказавшейся разойтись, бесчинствовавшей и насмехавшейся над войском, после неоднократного предупреждения и сигнала ротою Лейб-Гвардии Преображенского полка произведены два залпа, причем у одного из убитых оказался красный флаг с надписью «Да здравствует свобода».

То же повторилось затем и у Полицейского моста[11], после чего к 9 часам вечера Невский проспект и прилегающие улицы были очищены от толпы заслонами из пеших частей и конными разъездами.

Всего убитых при беспорядках доставлено в мертвецкие при больницах — 75 человек, а раненых находится в больницах — 230 человек[12].

Бесчинствовавшая на улицах толпа встречала наряды войск криками и свистом, разбивала уличные фонари, подожгла два газетных киоска и выбила несколько стекол в окнах арсенала Аничкова дворца[13] и во дворце Великого князя Сергея Александровича[14].

У городовых толпа вырывала шашки из ножен, причем в Кирпичном переулке[15] двое городовых вынуждены были защищаться револьверами; тем не менее один из них сильно избит. На Морской улице[16] толпа нанесла побои состоящему при Военном Министерстве генерал-майору Эльриху, находящемуся в настоящее время в дворцовом госпитале, а на улице Гоголя юнкеру Николаевского Кавалерийского училища Васильеву, которого толпа стащила с саней и переломила вынутую для защиты шашку. Васильев после перевязки дежурным врачом в здании Градоначальства[17] отправлен в карете в училище. На Гороховой улице толпа задержала следовавшего на моторе[18] с портфелем фельдъегеря; последний успел скрыться в ближайший дом, портфель с бумагами доставлен по назначению, а мотор толпою изломан.

Вечером получены сведения, что на Петербургской стороне и на Васильевском острове подверглись разграбл. чию несколько частных магазинов и две казенные винные лавки.

В Александринском театре[19] спектакль прекратился после первого акта по предложению одного частного лица из публики.

Дальнейшие меры охраны столицы принимаются по соглашению с военным начальством.

ГА РФ. Ф. 102. 3 делопроизводство.
1905. Д. 5. Т. 1. Л. 25-26. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К документу приложены «Ведомость о движении больных в больницах Гражданского ведомства» (л. 26 об.) и «Ведомость об арестантах, содержащихся в местах заключения» (л. 27), подписанные петербургским градоначальником генерал-адъютантом И. А. Фуллоном (1844-1920), генерал-лейтенантом, помощником Варшавского генерал-губернатора по полицейской части (1900-1904), петербургским градоначальником (1904-1905); он был смещен с поста 11 января 1905 г. и отправлен в Варшаву генерал-губернатором. Фуллона недолго замещал московский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов, а с 15 января — генерал-адъютант В. А. Дедюлин.
2. Начало событиям «кровавого воскресенья» положила стачка рабочих Путиловского завода, начавшаяся 3 января по причине увольнения 4 рабочих, принадлежавших к «Собранию русских фабрично-заводских рабочих» — организации, внедрявшей в рабочее движение принципы так называемого «полицейского социализма». Поддержанная рабочими большинства крупных петербургских предприятий, к исходу 7 января стачка стала практически всеобщей: бастовало около 150 предприятий и, по оценкам, от 100 до 150 тысяч человек. Ежедневно во всех районах города в помещениях «Собрания» происходили массовые собрания рабочих, в ходе которых был выработан текст петиции рабочих и жителей столицы для подачи Николаю II в воскресенье 9 января, заявляющей о бедственном и бесправном положении народа и призывающей царя «разрушить стену между ним и его народом», «сбросить ненавистный гнет чиновников» и ввести «народное представительство» путем созыва Учредительного собрания. Утром в воскресенье рабочие должны были собраться в заранее условленных пунктах (у собраний рабочих: за Нарвской заставой, на Выборгской и Петербургской сторонах и на Васильевском острове) и двинуться затем к Дворцовой площади, чтобы подать через фактического руководителя «Собрания» о. Георгия Гапона выработанную накануне петицию. Сам о. Гапон отслужил молебен и организовал шествие к Нарвской заставе, однако вскоре предпочел скрыться. Движение началось от Нарвской части в 11 час. 30 мин.
3. В советское время — проспект Обуховской обороны.
4. В документе ошибка: Иркутский пехотный полк, который не входил в состав Петербургского гарнизона и прибыл на усиление вечером 8-го из Пскова, носил порядковый номер 93.
5. В советское время — Кировский мост.
6. Лейб-гвардии Императрицы Александры Федоровны уланский полк.
7. По сведениям Петербургского охранного отделения, описываемые события начались во второй половине дня и происходили на пространстве от 4-й до 8-й линий.
8. По сведениям Петербургского охранного отделения, речь шла об оружейной лавке Шаффа на 14-й линии Васильевского острова. Число доставшихся толпе клинков варьируется в документах между 20 и 30.
9. В советское время — ул. Дзержинского.
10. Располагался между зданиями Адмиралтейства и Зимнего дворца. В советское время — сад им. М. Горького.
11. В советское время — Фонарный мост.
12. Официальные версии (Петербургского охранного отделения, Петербургского градоначальника и др.) более или менее солидарны в отношении определения числа жертв: 75-80 убитых и около 200 раненых; точное число пострадавших определить едва ли возможно: воинские начальники указывали в своих рапортах, что легко раненных толпа сразу же уводила с собой, и более того, сами воинские начальники способствовали беспрепятственному пропуску извозчиков и экипажей для пострадавших через воинские цепи и пикеты. Газетчики подсчитали и подали 13 января министру внутренних дел список 4600 убитых и раненых. В советской историографии принято говорить о приблизительно 1000 убитых и 2000 раненых. Эти цифры представляются завышенными.
13. Набережная р. Фонтанки, 31. Позднее в этом здании размещался Ленинградский Дворец пионеров.
14. Известный также как дворец князей Белосельских-Белозерских (на углу Невского проспекта и набережной р. Фонтанки).
15. На углу ул. Гоголя.
16. В советское время — ул. Герцена.
17. Адмиралтейский бульвар, 12.
18. Имеется в виду автомобиль.
19. Ныне — Академический театр драмы имени А. С. Пушкина.

Публикация СЕРГЕЯ КАЛМЫКОВА

ЧИТАТЬ — ВСЕГДА ПОЛЕЗНО

Минуло 180 лет со времени великой победы русского народа в Отечественной войне 1812 года. Журнал «Родина» предпринял благое дело, посвятив этому знаменательному событию специальный номер (6—7, 1992). В нем опубликовано много новых материалов, со вкусом подобраны и размещены иллюстрации (среди которых немало редких). Публикации представляют несомненный интерес не только для широкого читателя, но и для специалиста-историка. Тем более досадно, что на этом фоне появилась рецензия Б. С. Абалихина под претенциозным названием «О вреде чтения школьных и институтских учебников».

Предъявляя самые суровые требования к авторам по одной конкретной теме (1812 год), рецензент лихо выставляет эти учебники уже в целом как «аккумулятор просчетов», «фальсифицированную историю». Между тем большинство положений и оценок рецензии Б. С. Абалихина надлежит считать спорными и даже неверными. Укажем лишь на основные заблуждения уважаемого профессора.

По утверждению Б. С. Абалихина, у царского правительства были самые агрессивные планы. Незадача в том, что в то время не могло быть и речи ни о захвате Россией Константинополя, ни о создании на Балканах некоей мифической «Славянской империи», ни о «разделе» Германии (эта страна уже несколько веков состояла из десятков больших и малых государств, объединение которых в Германскую империю состоялось только в 1871 году). Буржуазная революция во Франции была уже «задушена» самим Наполеоном.

Неправомерен и упрек рецензента в адрес Н. С. Киняпиной, которая, по его мнению, якобы «идеализирует» положение Финляндии в составе России. Тот факт, что присоединение произошло путем завоевания (точнее, отторжения от Швеции), отнюдь не говорит об ухудшении политического и экономического статуса Финляндии. Результатом «аннексии» явилось предоставление финнам более широкой автономии, а в 1811 году даже произошло расширение финской территории за счет Выборгской губернии. Напомним Б. С. Абалихину, что финны тогда очень дорожили своим положением в составе Российской империи.

Неверно и следующее утверждение рецензента: *«По существу, между феодальной Россией и буржуазной Францией шла борьба за гегемонию в Европе»*. В исторической литературе уже давно неоспоримо доказано, что главным соперником Франции периода наполеоновских войн была Англия (что лишний раз подчеркнули участники «круглого стола» «Родины»).

Б. С. Абалихин упрекает В. А. Федорова и И. А. Федосова в том, что они приписывают Наполеону «мифический план расчленения России». Что ж, обратимся к фактам. 24 февраля и 14 марта 1812 года Наполеон заключил секретные договоры с Пруссией и Австрией, обещая им территориальные приобретения в случае их участия в походе на Россию. Тогда же он (правда, безуспешно) пытался склонить к участию в антирусской коалиции Швецию — ценой возвращения Финляндии. Французский император строил также планы расширения Польши за счет России (путем отторжения белорусских и западноукраинских земель). В мае 1812 года французский посол в Стамбуле Латур-Мобур от имени Наполеона обещал Турции Крым и Закавказье, если султан откажется вести мирные переговоры с Россией и продолжит с ней войну. Наконец, состоявший при императоре генерал Ф. Сегюр упоминал в своих мемуарах о планах Наполеона по действительному расчленению собственно русских земель (речь шла о создании «казачьего государства»). Разве все это не говорит о весьма конкретных намерениях Наполеона по разделу российской территории?

Рецензент указывает на различия в цифровых показателях соотношения сил сторон в разных учебниках. Между тем установление точных цифровых данных — дело чрезвычайно сложное, не разработана пока и методика такого учета... Вот почему не только в учебной, но и в специальной исследовательской литературе приводятся разные данные. Но при этом совершенно бесспорно, что Наполеон имел в начале кампании двукратное превосходство в силах (против него действовали только 1-я и 2-я Западные армии; Дунайская армия П. В. Чичагова была введена в действие только на заключительном этапе Отечественной войны).

Несостоятелен упрек в якобы «неверном утверждении о смертельном ранении П. И. Багратиона». Для современной медицины, быть может, эта рана и не смертельная, но в начале XIX века все было иначе. Если лечивший Багратиона врач (на его записи ссылается рецензент) думал иначе, то почему же он не спас пациента?

Неправомерен и упрек в недооценке М. Б. Барклая де Толли. На самом деле в учебниках отмечены его заслуги как полководца и военного министра. Чуть ли не главной мишенью для критики избрана мелкая деталь, не имеющая почти никакого значения, — неправильное написание фамилии военачальника. Последний вариант (без дефисов) был установлен Н. А. Троицким в 1988 году, и претензии по этому поводу к авторам, чьи книги появились раньше, неправомерны (кстати, в учебнике для педвузов (1989) фамилия полководца приводится уже без дефисов).

«Фантастическая цифра» (2 миллиона погибших) — не «изобретение» авторов учебников, она приводилась в литературе (в частности, в семитомнике «Отечественная война и русское общество. 1812-1912»). При этом имелись в виду погибшие не только на поле боя, но и от ран, болезней и т. п., в том числе и мирное население.

Таковы наши основные контрдоводы против ряда положений рецензии Б. С. Абалихина (поводов для возражений там, впрочем, значительно больше). Значит ли это, что рецензируемые учебники свободны от недостатков? Отнюдь нет, как, впрочем, и любой серьезный научный труд. Но уровень критики, культура научной дискуссии должны учитываться прежде всего. Рецензент «оставил за скобками» и то, что учебники были написаны в другое время, когда существовали и мощный идеологический пресс, и жесткая цензура, и то, что авторы опирались, как правило, на те данные, которые ко времени написания учебников содержались в исследовательской литературе. Вместо этого целая группа известных историков огульно обвинена в некомпетентности и склонности к заведомой фальсификации. В заключение приведем справедливое мнение одного известного специалиста — участника «круглого стола» в том же номере «Родины»: *«Вряд ли верно все просчеты того или иного ученого считать сознательным искажением истины: достаточно не найти в архиве какого-нибудь документа — и можно допустить неточность»* (с. 37). Это слова того же Б. С. Абалихина. Очень жаль, что в своей «заушательской» рецензии он этому правилу не последовал.

По поручению авторских коллективов учебников,
В. А. ФЕДОРОВ,
доктор исторических наук,
профессор МГУ имени М. В. Ломоносова

РОССЕЛЬХОЗБАНК

ЛИХАЧЕВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ
председатель Правления Россельхозбанка

Российский республиканский сельскохозяйственный банк, созданный в мае 1991 года, занимает одно из ведущих мест среди крупнейших коммерческих банков России. Россельхозбанк имеет свыше 1040 филиалов, а его акционерами стали 44,8 тысячи юридических и физических лиц, в их числе государственные, коммерческие и частные предприятия и организации, совместные предприятия с участием иностранного капитала, иностранные юридические лица. Россельхозбанк является акционерным коммерческим банком с оплаченным уставным капиталом 10,3 млрд. рублей.

Крупный капитал Банка позволил значительно расширить проведение активных операций и довести валюту баланса банка на 1 января 1993 года до 1,6 триллиона рублей. За 1992 год получена прибыль в сумме 46 млрд. рублей, что дало возможность выплатить акционерам дивиденды в размере 80% годовых.

Успешно развиваются все виды банковских операций и услуг, обеспечивается комплексное обслуживание клиентуры в рублях и иностранной валюте. Лизинговые, факторинговые, трастовые операции, консультационные и другие услуги могут быть оказаны нашим клиентам.

Масштабность Банка позволяет решать основные крупные государственные и международные комплексные программы. Нашему Банку под силу кредитование долгосрочных крупных проектов экономического и социального развития. Россельхозбанк содействует проведению политики государства по претворению в жизнь земельной реформы и предпринимательства в агропромышленном комплексе, осуществляет финансирование и кредитование республиканских и региональных программ развития сельского хозяйства и промышленности по переработке сельхозсырья, активно размещает кредиты в других сферах экономики.

Через систему Россельхозбанка государство осуществляет распределение бюджетных средств в форме дотаций агропромышленному комплексу, а также для финансирования капвложений всего агропромышленного комплекса России.

Более 70% кредитных вложений Банком направлено в агропромышленный комплекс. За 1992 год в 4 раза увеличились кредиты на инвестиции в агропромышленный комплекс на создание производственной и социальной материально-технической базы. В целях улучшения продовольственного обеспечения населения Россельхозбанк всесторонне поддерживает кредитом сельскохозяйственных товаропроизводителей. На льготных условиях предоставляются кредиты крестьянским (фермерским) хозяйствам, колхозам, совхозам, другим хозяйствам агропромышленного комплекса.

Россельхозбанк выполняет операции по покупке и продаже всех видов ценных бумаг, выдает поручительства, гарантии и обязательства за третьих лиц. На выгодных условиях Банк привлекает и рационально размещает денежные средства хозяйств и вклады населения.

Россельхозбанк эффективно участвует собственным капиталом в деятельности 255 предприятий и организаций и 27 коммерческих банков, что также создает нашим клиентам удобства в осуществлении расчетов со своими партнерами.

Россельхозбанк гарантирует надежность и четкость расчетов на основе автоматизации банковских процессов. По целому ряду регионов расчеты между клиентами Россельхозбанка совершаются в один день.

Пользуясь генеральной лицензией на проведение операций в иностранной валюте, Россельхозбанк открыл и ведет более 2200 счетов клиентов. Установлены прямые корреспондентские отношения с 62 банками мира, что обеспечивает благоприятные условия для опосредствования банком внешнеэкономических связей агропромышленного комплекса и государственных мероприятий по обеспечению России продовольствием.

Россельхозбанк готов сотрудничать с крупными и мелкими клиентами, окажет финансовую поддержку в реализации перспективных проектов.

Единая система Россельхозбанка, универсальная по характеру его деятельности, делает выгодным участие акционеров своим капиталом в его управлении.

АЛЕКСАНДР ЯКИМОВИЧ

РОДОНАЧАЛЬНИКИ НОВОЙ МАГИИ

В ПРИСУТСТВИИ НИЦШЕ И ФРЕЙДА

Содержание новой рубрики нашего журнала «Отражения» можно было бы определить так: исторические судьбы явлений и идей культуры на российской почве XX века, взятые в современном освещении. Почему «Отражения»? Потому что давно и точно сказано: не только мы читаем великие книги, но и эти книги читают нас. Выбор персоналий здесь, естественно, может быть весьма широким. Неизменна сверхзадача: постепенно двигаясь от прошлого к современности, постараться увидеть деятелей отечественной и мировой культуры и общественной мысли в современном российском контексте и этот контекст — в зеркале их наследия.

ОТДЕЛ ПУБЛИЦИСТИКИ

Фридрих Ницше создал своим учением очень странное положение в философии и культуре Запада, и не только Запада. Он буквально загнал всех в угол — и до сих пор все ищут выхода. Вот только один пример.

Альбер Камю сочинил в 1942 году, то есть во время второй мировой войны и оккупации Франции немецкими нацистами, свое «Письмо к немецкому другу». Это и есть одна из попыток вырваться из «тупика Ницше». В письме говорится, что Ницше был прав, когда отвергал и высмеивал заповеди и ценности христианской, морально-просвещенной и рационально ориентированной европейской цивилизации. Так ей и надо. Нет у нас «истины» и «добра», они куда-то провалились. И тем не менее, заявляет Камю, война, насилие и убийство суть преступления. Они бессмысленны и отвратительны. Отчего же? Если Ницше прав, то какие же могут быть «вечные ценности»? Казалось бы, должно остаться одно из двух: либо гуманистическое отношение к человеку, либо Ницше. Так подсказывали Камю его левые друзья, они же друзья Французской компартии и будущего еврокоммунизма. Да ну его совсем, этого опасного боша. В Москве правы, когда осуждают его за реакционность и за «служение мировому империализму». Конечно, это примитивно — так смотреть на такого сложного мыслителя. Мы-то европейцы, мы не варвары, мы понимаем, насколько он сложен и глубок; но ничего не поделаешь. Лучше от него отказаться.

Но Альбер Камю не хотел отказываться от Ницше, как не захотели отказаться ни Адорно, ни Хайдеггер, ни Деррида. Почему?

* * *

Камю замечает в своем «Письме» 1942 года, что мы, собственно, знать и не можем, что же такое «преступление», ибо критериев не имеем. Различение добра и зла более не имеет места. Это вполне по-ницшевски. Да только очень уж страшно стало говорить по-ницшевски в эпоху Освенцима и гестапо. Камю ищет выхода и полагает, что выход есть. Различение добра и зла человеку не дано, опять повторяет он; однако же человек жаждет этого различения и ищет его, и потому различение добра и зла является принципом поведения — несмотря на то, что ни в теории, ни на прак-

тике этот принцип, в сущности, недостижим. Насильники и убийцы — это «зло», а святые и человеколюбивые — «добро».

Невероятно трудно оказалось включить идеи Ницше в корпус философии и в тело культуры. Но и исключить было невозможно. Мыслители и художники Запада (и в определенной степени Востока) должны были принять ницшевскую идею стирания граней между моральными и экзистенциальными противоположностями.

Томас Манн и Хайдеггер, Бунюэль и Дали, Джойс и Хармс, да мало ли еще кто — всем оказался нужен Ницше, всем что-то подсказал, на что-то натолкнул. Он помогал думать о том, о чем художественная культура XX века не могла не думать: о магическом единстве разума и безумия, добра и зла, жизни и смерти. О крушении иерархической и рационально организованной модели мира. Он объявил «переоценку всех ценностей». Он предлагал рассматривать понятие «жизнь» как синоним понятия «перманентное убийство другого». Он определял «добро» как «тупость глаза и ограниченность ума». Освященное христианством «сочувствие» он назвал «добродетелью проститутох». И дело не только в том, что мятежность этой мысли была притягательна для молодых революционеров духа в 1910, 1930 или 1960 году. Дело еще в том, что мировоззрение Ницше было в самом деле целостно, но не было застылым.

В основе ницшевской критики культуры и морали лежит мысль о мировом хаосе. Понятие «миропорядок», характерное для немецкой философии, вызывало у Ницше отвращение и сарказм.

«Общий характер мироустройства, — писал он в «Веселой науке», — это всегда хаос, но не в смысле отсутствия необходимости, а в смысле отсутствия упорядоченности, расчленения, формы, красоты, мудрости». И далее: «Остережемся говорить, что у природы есть законы. Есть лишь необходимости. Но нет того, кто приказывает, нет и подчиняющегося, нет и преступающего закон. Если вам известно, что целей не существует, то вам известно и то, что не существует случайности; ибо лишь рядом с миром целей слово «случайность» имеет смысл. Остережемся утверждать, будто смерть противоположна жизни. Живущий есть лишь разновидность умершего, притом очень редкая разновидность».

Оборвем цитирование, иначе ему не будет конца. Перед нами и в самом деле своего рода ключ и источник мысли и искусства XX века. Прежде всего имеется в виду доброзлое, мертвоживое, всегда двусмысленное и изменчивое мироздание сюрреализма и примыкающих к нему «галактик», вроде Пикассо или Джойса. Конструктивно-рационалистические утопии России и Запада здесь, конечно, ни при чем. Но и демиурги российского авангардизма, как Малевич или Мейерхольд, не говоря уже о Филонове и Хармсе, без всего этого останутся непонятными. В то время не надо было специально штудировать Ницше, чтобы впитывать его идеи. Достаточно было читать газеты, говорить с друзьями, ходить на поэтические встречи или политические митинги. Интересно, каким был бы герой Маяковского, «горлан и главарь», без мятежного сверхчеловека Ницше?

Младший современник Ницше и Фрейда, крупнейший социальный мыслитель начала XX века Макс Вебер полагал, что в духовном развитии Нового времени преобладает тенденция, которую он метафорически назвал «разволшебствлением мира». Тотальные мифы об устройстве мироздания, говорил он, ныне исчерпаны. Так же твердо, как человек прошлого верил в чудесное, сверхразумное устройство мироздания, современный человек верит в силу науки и, соответственно, в разумно-законосообразное мироустройство.

Макс Вебер писал об этом примерно в те самые годы, когда Томас Манн, Андре Бретон, Макс Эрнст и другие погружались в Ницше и находили там подтверждение своего неверия в «законосообразность» мироустройства, своей жажды магического, хаотического, нерасчлененного, целостного мироздания. Ницше провозглашал скорое «новое оволшебствление» после не очень длительного и не вполне последовательного «разволшебствления». В этом заочном споре многие мыслители и явное большинство художников были за Ницше, а не за Вебера. Более того: в «Заратустре» они могли найти места, которые звучали прямо-таки как насмешка над рациональным, «разволшебствленным» человеком эпохи наук, Дейла Карнеги и правильного питания: «Здесь имеют свои маленькие радости днем и свои маленькие радости ночью; но здесь почитают Здоровье. «Мы изобрели счастье», — говорят последние люди и ухмыляются». Ницше именовал их «последними», поскольку после них уже людей быть не может. Могут быть либо опять животные, либо сверхлюди.

* * *

К концу XX столетия обозначился «ренессанс Ницше». Стало видно, что его философское наследие уже работает таким же образом, как вообще работают крупные философские системы: то есть каждая эпоха находит там то, что ей в первую очередь требуется. Так, декаденты и символисты рубежа XIX и XX веков предпочитали видеть в Ницше теоретика «дионисийства», силы, экстаза, сверхчеловека и трагического волюнтаризма. В 20-е и 30-е годы сюрреалисты особенно выделяли в мысли Ницше острие, направленное против разума, христианской морали и ценностей цивилизации.

Когда новые поколения интеллектуалов и художников стали обращаться к Ницше в 1970—1990-е годы, они стали обнаруживать у него новые оттенки мысли,

новые повороты, прежде не замечавшиеся. Например, стали казаться очень актуальными обвинения философа по адресу «исторического сознания» Европы. Ницше говорил об «исторической болезни», о том, что цивилизация европейцев не живет самой собой, а судорожно собирает в своих музеях и разных арсеналах культуры всяческие обломки прошлой жизни. На эти обломки она только и смотрит, потому что, в сущности, боится взглянуть себе в лицо, чтобы не увидеть пустоты.

Человек в этой дурацкой цивилизации становится прежде всего зрителем, посетителем, зевакой, изучателем и почитателем следов уже умершей жизни (мы сказали бы — туристом и искусствоведом). Вот эти соображения Ницше очень интересны для социальной философии и социопсихологии второй половины XX века. В это время одной из центральных проблем мысли становится «общество тотальной зрелищности» и так называемая «витро-культура». То есть речь идет о том, что сам способ бытия человека — это какое-то непрерывное разглядывание и усвоение законсервированных останков культуры в виде разнообразнейшей информации. По принципам витро-культуры структурируются исторические центры городов, резервации аборигенов, банки информации, библиотеки, музеи; вплоть до природных «национальных парков». Жизнь культуры — в том, чтобы демонстрировать и разглядывать жизнь ушедших типов и стадий культуры.

Если Ницше подготовил почву, то Фрейд, в известном смысле, приоткрыл дверь — в точности по календарю столетий, поскольку «Истолкование снов» впервые напечатано как раз в 1900 году. Новый век начался.

Как описать немногими словами дело жизни психолога, мыслителя и тонкого мастера слова, идеи которого стали для одних предметом почти культового почитания, а для других — камнем преткновения? Любая дефиниция огромного и многогранного, вовсе не лишенного противоречий жизненного дела мастера останется однобокой и частичной. Для начала достаточно напомнить о том, что Фрейд обратил внимание многих (и чем дальше, тем больше) на недостаточность или даже бессилие разума и морали — с их дифференциациями, иерархиями ценностей и противопоставлениями — перед субстратом бессознательных, «дочеловеческих» и уж во всяком случае доличностных сил. «Истолкование снов» — книга еще сугубо научная, лишенная смелых обобщений и предположений насчет истории и культуры человечества, которые вскоре потекут рекой с пера великого человека, когда он почувствует себя первооткрывателем Великой Истины. «Тотем и Табу» еще впереди. Но именно книга о сновидениях станет через десяток лет любимым чтением юношей, предназначенных еще через несколько лет составить костяк новых «культурпартизан» — дадаистов и сюрреалистов.

Фрейд заявил о том, что сны суть самая общераспространенная, обыденная, каждодневная (точнее, еженощная) форма прорыва бессознательного из его подпольных укрытий в сферу видимого и слышимого. Сны — реализация бессознательных желаний. Эти желания в основном сексуальны или агрессивны, что связано одно с другим. Сколь угодно добронравные и порядочные, разумные и благородные люди носят в глубинах своей психики доисторические, докультурные, дочеловеческие стремления — да еще такие, которые даже упоминать считается неприличным. Книга о снах стала рядом с «Веселой наукой» Ницше.

* * *

Фрейдова концепция духовной жизни была прямым продолжением его теории психики. Есть глубокий омут бессознательного, и есть плотины запретов, выстроенные разумом и моралью организованного общества, которые и преграждают путь наружу этим всем порывам «либидо». Сон, а также творчество — остроумие или литература, искусство или музыка — помогают решить этот конфликт. Способ разрешения всегда в принципе один и тот же. Мы соединяем вещи, которые в сфере культуры считаются несоединимыми и не имеющими отношения друг к другу. Разум и мораль противопоставляют друг другу и обосабливают друг от друга разные способы бытия: добро — зло, разум — безумие, нагота — одетость, и прочее. Одно одобряется, другое осуждается. Не каждый — художник, но почти каждому доступно остроумие; а это, по Фрейду, и есть творчество, «художество», которое состоит в перепутывании и смешении оппозиций. В сущности, подрывная деятельность. Соединяются разные смыслы, которые по законам разумно-морального цивилизованного общества должны быть обособлены. Вот эта закостеневшая структура плюсов и минусов, «да» и «нет», которая и является плотиной для стихии подсознательного, превращается во что-то текучее и двусмысленное.

Фрейд любил еврейские анекдоты. На вокзале встречаются два еврея. Один спрашивает: «Куда едешь?» Второй отвечает: «В Краков». Первый: «Я же знаю, что ты всегда врешь. Тебе и сейчас надо, чтобы я подумал, будто ты едешь в обратную сторону. А я ведь точно знаю, что ты и правда едешь в Краков. Так зачем ты сейчас-то врешь?»

Этот анекдот Фрейд считал выдающимся, и по праву. Здесь с «правдой» и «неправдой» уже происходят такие вещи, которые будут отныне происходить со всеми идеями европейской цивилизации. Иная модель мира.

Так появилась в европейской культуре идея о том, что в человеке заключено неизмеримое и рационально не освояемое пространство — колодец бессознательного, в котором все различения и понятия высокой культуры теряют смысл. Точнее, они составляют

лишь тонкий слой на поверхности этого бездонного водоема.

А потом Фрейд стал звездой, пророком, ясновидцем на разные случаи жизни, образцом новой породы — интеллектуальных «гуру», водителей человеческих душ, знающих Тайную Весть. XVIII и XIX века вроде бы должны были избавить нас от «жрецов» (впрочем, фигуры Руссо и Гете доказывают, что избавления, в сущности, не произошло). В поздних произведениях Фрейда речь идет о том бессознательном в человеке, которое, как стал думать стареющий Фрейд, находится даже по ту сторону «принципа удовольствия» и лежит глубже, и заложено глубже самого сексуального инстинкта. Под горячей лавой эротических стремлений должна находиться, по догадке Фрейда, гранитная плита инстинкта смерти, Танатоса.

Какой же там разум, какой «моральный закон в душе»? Они должны раствориться уже в жару сексуального варева, в «слое Эроса». А там и сам «слой Эроса» исчезает, преображается и оборачивается ликом инстинкта смерти, воспоминанием живой материи о своем происхождении из неживого царства не имевших психики химических соединений. Это уже, разумеется, не поддается принятым в новоевропейском научном обиходе методам проверки и доказательства; это похоже на философствование древнейшего типа, в котором речь идет, как правило, о нерасчленимых стихиях, силах, составных частях мироздания, когда еще слиты и нераздельны были ночь и день, суша и вода, живое и неживое, духовное и материальное. Еще больше, чем к Ницше, к Фрейду подходит определение, нередко даваемое искусству и литературе XX века, — «новая первобытность».

* * *

Судьба этих двух эпохальных волн мысли была в России странна и даже нелепа. На немногих знатоков, наделенных свободным умом, как Лев Шестов, Николай Бердяев или Вячеслав Иванов, приходились сотни и тысячи неудержимых людей, которым нужна была окончательная истина и последнее слово мысли. Бросающиеся в глаза тирады Ницше насчет «аристократизма духа» явно не могли устроить поклонников простого народа и пролетариата. Богоискательские тенденции наталкивались в лице Ницше на непримиримого и насмешливого противника (хотя позднее стали разрабатываться теории «скрытой религиозности» Ницше).

Трудно себе представить, чтобы российская интеллигенция, искательница истины и особенно справедливости, могла хотя бы примириться с Ницше. У него черным по белому написано, что страждущие, погибающие, угнетенные — это и есть самые потенциально опасные насильники и тупые тираны. В особенности же опасны, с его точки зрения, угнетенные недальновидными правительствами идеалисты и благородные искатели истины и справедливости, ибо если им удается взять верх, то они превращаются в самых опасных хищников, подобных стае шакалов. Они не знают великодушия и наделены самой подлой неумолимостью. Поэтому нет ничего более важного для «высших», «лучших» людей, чем обуздать чернь, воспаленную этой отравой — смесью благородных порывов и святых истин с низостью душ.

После революции 1905 года и раскола интеллигенции на «красную» и «белую» Ницше оказался вообще не у дел. В реальной общественной жизни не было для него места. Он остался кумиром немногих исключительных умов, вроде Шестова, да еще некоторые революционно настроенные интеллигенты-бунтари, вроде Горького, питали слабость к этому опасному фантазеру, но только потихоньку, чтобы не заметили Ленин с Луначарским.

Что касается Зигмунда Фрейда, то он был известен в России в основном по довоенным, до 1914 года изданным, книгам, то есть, например, его «культурологические» работы, появившиеся во второй половине 20-х годов, уже попали на тот период, когда переводить их в России стало трудно, а опираться на них или всерьез дискутировать с ними — практически невозможно.

Революционно-утопический настрой в его предельно упрощенном виде, то есть настрой на то, что надо приносить пользу «страждущему человечеству», но не отдельному человеку, и не всякому человеку, а «трудящейся массе» (притом под пользой понималось отсутствие «угнетения» и сытая жизнь), — это как раз та самая почва, на которую бесполезно сажать психологические теории Фрейда или Юнга, поскольку ни их развития, ни принципиального спора с ними в таких условиях быть не могло. Могли быть только хамоватые выходки и грубости по адресу «буржуазных» мыслителей.

Культура утопических авангардистов и идущих им на смену «кухаркиных детей» (которые хотели, чтобы было «похоже и красиво») не могла оценить возможностей, имевшихся в теориях Фрейда. Очень долго отношение к Фрейду во всем мире было буквально нелепым. Его почитали молодые ниспровергатели общества и культуры, во главе с Андре Бретоном, — его, патриархального и умеренного традиционалиста, для которого пределом смелости и новаторства был, по-видимому, Арнольд Беклин. Владимир Набоков, стоявший вполне на высоте европейской культуры и наделенный некоторым высокомерием аристократа,

отзывался о «пансексуализме» Фрейда крайне презрительно — очевидно, усматривал в психоанализе признак падения и вырождения культуры. Это все были характерные реакции того времени. Иные возможности понимания Фрейда и диалога с ним появились лишь позднее, с попытками опереться на психоанализ в новой социальной психологии второй половины XX века.

* * *

Российская культура XX века и новые тенденции в философии Запада — это, конечно, проблема непростая. То есть вроде бы положение в России было такое, что новые мыслители — от Фрейда и Ницше до Ясперса, Сартра, Маркузе — здесь не могли рассчитывать на нормальное место в общественно происходящей культурной жизни. Причем показательно, что война с Германией и Австро-Венгрией сама по себе не помешала бы общению философов, социологов, историков и людей искусства с Ницше и Фрейдом. Причина была другая. Большевистский синдром уничтожал в зародыше все попытки и возможности прямого дискурсивного освоения западной философии, психологии, социологии.

И в то же время сегодня, когда выходят наружу многие прежде скрытые пласты искусства и литературы, мы начинаем видеть, что проблема «имморализма», парадоксы «насильственного добра» и «доброго зла», интерес к бессознательным стихиям психики — все это в русской культуре достаточно заметно выражено. Не публиковавшийся в 20-е и 30-е годы Сигизмунд Кржижановский, всерьез изучавший философию в Германии, пишет свои своеобразные рассказы и повести, где речь идет о диковинах жизни — о том, как добро приносит зло, и как можно зло (ненависть, отвращение и прочее) употребить на пользу людям, и что при этом получается. Один из героев Кржижановского носит имя Савл Влоб (фамилия прямо намекает на «ницшеанца» Макса Штирнера, поскольку «штирн» — это и есть «лоб»). Российский «Штирнер» Савл Влоб разрабатывает «теорию разлуки»: поскольку разлука, разделение любящих людей содействует их активности, их эмоциональным порывам, надо возводить между людьми побольше преград, побольше их разлучать и тем или иным образом канализировать увеличивающуюся в результате общественную энергию. Эта философская насмешка над идеалами добра, взаимопонимания и гармонии была бы, конечно, немыслима, если бы не было ницшеанства.

Но дело не в отдельных оригиналах, которые имели представление о новой западной философии и желание высказаться по существу затронутых ею проблем, однако не имели, разумеется, никаких нормальных способов выйти на общественную арену и открыто делать свое дело. Дело в другом: сама магистральная линия развития искусства и литературы в России в 20-е и 30-е годы, от Малевича и Филонова до Замятина, Платонова, Маяковского и Мейерхольда, обнаруживает некую параллельность к тому миру идей, который в Европе связывается с Ницше и Фрейдом. В двух словах, пожалуй, невозможно определить, в чем эта параллельность, это особая тема. Но, в общем, проблемы «мирового хаоса» в философском смысле, как и вопрос о насилии и о дорациональных моментах душевной жизни, — это все действительно как бы русские вопросы.

И получается какая-то странная картина. Новую западную философию в Россию в этот период уже стараются не пускать, да ей и вообще трудно ужиться с ментальностью российского интеллигента, как захваченного революцией, так и питающего к ней ужас и отвращение. И в то же время в искусстве и литературе присутствует как бы напоминание об основных темах и проблемах мышления XX века. То есть самого кота нету, а его улыбка имеется — точно по Кэрроллу. Причем, повторяю, можно не сомневаться в том, что углубление наших знаний о полузадушенной, не выпущенной на волю, оттесненной в закоулки жизни культуре России еще принесет нам немало доказательств таких параллелей или отголосков в искусстве и литературе начавшегося советского периода.

Здесь есть странность, за которой кроется что-то небезынтересное.

* * *

Проблемы, связанные с преодолением рационализма, сознательной морали и культурных норм, в самом деле неотделимы от культуры России последнего досоветского и первого советского этапов истории. Но не потому, что у нас Ницше и Фрейд действительно заняли заметное место в панораме культуры. Этого как раз не было. Западные духовные импульсы скорее служили катализатором в тех процессах, где главную роль играла все-таки своя философская традиция — та самая, которая связана с великими писателями-мыслителями середины и конца XIX века, особенно с Достоевским, Толстым и Чеховым.

В реальной исторической обстановке России новые западные идеи были в значительной степени ослаблены еще до 1917 года, а в 20-е и 30-е годы им оставалось лишь все более сужавшееся пространство частной жизни. Но в культуре и искусстве специфическая мифологизация действительности, особый магический мир — или миры — Хармса, Платонова, Филонова, Мандельштама понятны и естественны именно в контексте европейского философского перелома рубежа веков.

Анархисты

Освобожденные анархисты у могилы П. А. Кропоткина на Новодевичьем кладбище. Февраль 1921 года.

«— Вот выйду на волю, так не буду больше «блатным», а прямо запишусь в архисты (анархисты. — Ред.)... Приду до «его» и за горло! — Вверх руки! Туды твою разэдак! А то крышка. А засыплюсь, приведут в «хичь» (тюрьму. — Ред.), да я уже товарищ — и табачек артельный».

Так размышлял вслух некий уголовник Задека в январе 1906 года в Одесской тюрьме, готовя себя к будущей анархистской карьере. Не правда ли, эти размышления отвечают нашим привычным представлениям об анархистах как об эдаких разудалых храбрецах с револьверами и пулеметными лентами крестнакрест. Но вот насколько это соответствует действительности?

Читателям журнала мы предлагаем беседу нашего корреспондента Татьяны Максимовой с кандидатами исторических наук Валерием Кривеньким и Владимиром Ермаковым, специалистами по истории российского анархистского движения.

— Давайте сразу уточним: «анархия» и «анархизм»... Откуда пошли эти понятия и что они означают?

В. К. — Эти понятия в ходу уже более двух тысячелетий. Они пришли к нам из Древней Греции. *«Arche»* означает власть, а *«anarchia»* — отсутствие власти, безначалие. Соответственно *«анархизм»* — это общественно-политическое учение, сторонники которого отрицают государство и всякую власть и выступают с требованиями освобождения личности от всех форм политической, экономической и духовной зависимости.

— И в то же время широко известно изречение «Анархия — мать порядка». Здесь явно какое-то противоречие. Да и само увлечение анархизмом на Руси, в стране, где изначально было преклонение перед сильной властью, как-то трудно объяснить и принять.

В. К. — Тем не менее российские идеологи анархии внесли большой вклад в развитие этого течения. Самые крупные из них — Михаил Александрович Бакунин (1814—1876) и Петр Алексеевич Кропоткин (1842—1921).

В историю анархизма Бакунин вошел как автор концепции насильственного революционного переустройства мира; Кропоткин обосновал теорию анархо-коммунизма (безгосударственного коммунизма), основанного на полном равенстве, взаимопомощи и солидарности всех представителей человеческого рода. Кстати, он же одним из первых и подметил, что со времен Великой Французской революции XVIII века сторонники анархии символом свободы стали считать полотнище черного цвета, утвердившееся со временем в качестве непременной атрибутики анархических формирований. Что же касается сути популярного лозунга, то анархисты всегда отрицали регулирование и упорядочение отношений, складывающихся в обществе, посредством власти и авторитета. Но не выступали против дисциплины, являющейся своеобразной формой общественной связи между людьми. Борьбу с какой бы то ни было властью и авторитетом хорошо поясняет лозунг М. А. Бакунина: *«Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!»*, закрепившийся в двадцатом столетии в качестве постоянного девиза анархистов и их печатных изданий.

А что касается отношения анархистов к государственности, то здесь у них позиция была четкой. Михаил Бакунин объявил себя врагом любой власти и на первое место выдвигал борьбу с государством и его институтами. Взамен предлагалось организовать вольный братский союз *«производительных ассоциаций, общин и областных федераций, обнимающих безгранично, потому что свободно, людей всех языков и народностей»*.

— А что понимал под анархией П. А. Кропоткин? Что нового внес в анархическую теорию князь-бунтовщик?

В. К. — Кропоткин четко пояснил, что анархия — не есть синоним беспорядка и хаоса (как принято считать до сих пор), а идеальный общественный строй, основанный на взаимной помощи и солидарности, вольная кооперация и отрицание всякого централизованного государства, даже социалистического, это общество равноправных во всех отношениях людей, в котором нет лишь правительства. В отличие от Бакунина Кропоткин не ставил вопрос о немедленном революционном выступлении, а полагал целесообразным создание анархистской партии для «тихой подготовительной идейной работы». Он также отрицал необходимость революционного правительства, не признавал никакой революционной диктатуры, ибо при ней «революция неизбежно вырождается в произвол и в деспотизм».

Из политнческого досье

«...Об анархистах так много говорилось, что иекоторая часть публики стала наконец знакомиться с нашими теориями, обсуждать их, иногда даже давая себе труд подумать над ними; и в настоящую минуту мы можем считать, что одержали победу по крайней мере в одном пункте: теперь уже часто признают, что у анархизма есть некий идеал — идеал, который находят даже слишком высоким и прекрасным для общества, не состоящего из одних избранных» (Кропоткин П. А. Анархия, ее философия, ее идеал. Пер. с фр. Лейпциг — С.-Петербург, 1906. С. 3—4).

— Сторонники безвластия, противники организации и революционной диктатуры... Тем не менее анархисты начинают объединяться в кружки и группы...

В. К. — Да, вероятно, это закономерный процесс, присущий различным политическим образованиям. В 1889 году в Англии П. А. Кропоткин принял активное участие в местном социалистическом движении и вместе с Вильсоном и Гибсоном основал газету «Freedom» («Свобода») и одноименную группу интернациональных анархистов. На другом конце континента, в Женеве (Швейцария), в 1900 году образовалась «Группа русских анархистов за границей», издавшая воззвание с призывом к свержению самодержавия и к социальной революции. Ее лидерами были Мендель Дайнов, Георгий и Лидия Гогелия (Л. В. Иконникова). Супруги Гогелия в 1903 году там же создали группу анархистов-коммунистов «Хлеб и Воля», принесшую известность российскому анархизму. В том же году им удалось начать издание первого российского анархического печатного органа за границей — газеты «Хлеб и Воля». В 1900—1904 годах небольшие группы анархистов-россиян возникают в Болгарии, Германии, США, Франции и других государствах.

В России первые анархистские группы появляются весной 1903 года в городе Белостоке Гродненской губернии среди еврейской интеллигенции и присоединившихся к ней ремесленных рабочих, а летом — в городе Нежине Черниговской губернии в среде учащейся молодежи. Начавшийся процесс образования анархистских групп на территории страны шел по восходящей линии, и уже к концу 1903 года функционировало 12 организаций в 11 городах.

— Удалось ли установить численность анархистов в России?

В. К. — В 1903—1910 годах деятельность анархистов проявилась в 218 населенных пунктах империи, в 51 губернии и 7 областях. В общей сложности в состав организаций по стране входило около 7 тысяч человек.

— Давайте нарисуем обобщенный портрет анархиста начала века... Каким он был: молодой или старый, образованный или с трудом умевший читать и писать...

В. К. — Основу организации составляли молодые люди 18—24 лет (что во многом объясняет безрассудность и авантюризм в их действиях), имевшие начальное образование (или без него) и, как правило, представлявшие демократические слои общества. В то же время среди анархистов было немало подростков 15—17 лет, а в Виленской группе встречались даже анархисты 13—14 лет! Мы знаем и их имена — тринадцатилетний ученик Соломон Гальперин и четырнадцатилетняя портниха Лея Рудашкеская. Касаясь национального вопроса, замечу, что в российском анарходвижении преобладали евреи (по отдельным выборкам их число достигает 50%), русские (до 41%), украинцы (до 35%). Самыми пожилыми анархистами были: его теоретик и организатор П. А. Кропоткин и его ближайшая последовательница М. И. Гольдсмит (р. 1858). Остальные крупные деятели движения — М. Э. Р. Дайнов, Н. И. Музиль (Н. Рогдаев), Я. И. Кирилловский (Д. Новомирский), А. А. Боровой, В. И. Федоров-Забрежнев — родились в середине — конце 70-х годов XIX века, и к началу революции 1905—1907 годов им было около 25—32 лет. Руководители и теоретики анарходвижения в основном имели высшее или среднее специальное образование, большие навыки агитационно-пропагандистской работы.

— Каковы были главные задачи анархистов в России в годы первой революции, каким образом они думали осуществить свои замыслы?

Из политического досье

«Целью действий анархистов объявляется социальная революция, т. е. полное уничтожение капитализма и государства и замена их анархическим коммунизмом». («Хлеб и Воля». Женева, 1905, январь, № 14. С. 1).

В. К. — Стратегические и тактические задачи анархистов в революции были определены на первом (декабрь 1904) и втором (17—18 сентября 1906) съездах анархистов-коммунистов в Лондоне. Ее движущими силами назывались рабочие и крестьяне, а формой организации анархистов в стране объявлялось «добровольное соглашение личностей в группы и групп между собою». Главными методами борьбы в России провозглашались «восстание и прямое нападение, как массовое, так и личное, на угнетателей и эксплуататоров», то есть анархисты отдавали предпочтение немедленной, разрушительной работе масс. При этом на съездах было подтверждено право сторонников анархии на совершение террористических актов в целях самозащиты, но отвергалась роль террора как средства для изменения существующего положения. «Идейные» анархисты неоднократно высказывали своим единомышленникам предостережения от излишнего увлечения личными и групповыми экспроприациями, просили «строго беречь нравственный облик, с которым русский революционер всегда являлся перед... народом». Интересно, что категорически отвергалась возможность сотрудничества и вхождения анархистов в ряды других партий в России, это считалось «неизбежной изменой анархическим принципам».

— И все же, несмотря на предостережение от увлечения «эксами», именно благодаря таковым анархисты и создали себе громкую славу...

В. К. — Действительно, в действиях анархистов наблюдался явный перекос в сторону нелегальных, и в первую очередь террористических, средств борьбы. Это стало непременной атрибутикой движения, и все известные попытки «идейных» анархистов бороться со стихией оказались безрезультатными.

Из политического досье

«...Революция всецело должна быть сдана на руки *самой рабочей массы*. А для того, чтобы сделать массу таковым участником революции, а также... и активной, — мы выдвигаем как краеугольный камень, фундамент грядущей революции — *массовый террор*!» (Ростовцев Т. Наша тактика. Б. м., 1907. С. 9).

Точное число террористических актов анархистов в годы первой революции до сих пор не установлено. Нет таких сведений и по последующим годам.

Первым терактом анархистов в России в начале XX века принято считать покушение белостокского анархиста Н. Фарбера 29 августа 1904 года на текстильного фабриканта А. Кагана в местечке Крынки Гродненской губернии. Фабрикант был тяжело ранен анархистом ударом кинжала в шею за *«неуступчивость в отношении белостокских стачечников»*, требовавших решения ряда экономических вопросов. А дальше подобные акции анархистов посыпались как из рога изобилия. Наибольшую известность получили боевые акции анархистов-«безмотивников». Уже известный Фарбер продолжил свою борьбу с режимом и 6 октября 1904 года подорвал вместе с собой полицейский участок в Белостоке. В Варшаве в октябре 1905 года И. Блюменфельд (член группы чернознаменцев «Интернационал») бросил бомбу в банковскую контору Шерешевского, а месяц спустя, выполняя задание товарищей, подорвал два разрывных снаряда в ресторане «Бристоль». А одесские «безмотивники» во главе с К. М. Эрделевским 17 декабря 1905 года для запугивания «эксплуататоров» бросили пять бомб в кофейню Либмана. Таких акций было бесчисленное множество, их результаты — мизерные, а репрессии, как правило, необыкновенно жестокие. Так, в Варшаве после второй акции Блюменфельда арестовали 16 членов группы «Интернационал». Их заключили в цитадель, подвергли жесточайшим пыткам и в январе 1906 года расстреляли. Такая же судьба постигла трех (из пяти) участников «либмановской» акции.

— При чтении учебников истории складывается впечатление, что в революции 1905—1907 годов участвовали исключительно верные ленинцы. Любопытно узнать, а что же в этот момент делали анархисты?

В. К.— До недавнего времени типичным было утверждение о том, что, когда *«революция вступила в полосу вооруженных восстаний, боевых дружин анархистов на баррикадах не оказалось»*. Оставим подобные заявления на совести их авторов, а современники событий чуть ли не по дням зафиксировали факты участия анархистов на стороне революционных сил. Интересное свидетельство, подтверждающее храбрость и стойкость анархистов, их готовность к самопожертвованию, оставил деятель партии эсеров А. О. Бонч-Осмоловский, находившийся в это время в Москве: *«Большая часть рабочих с Пресни в последние дни разбежалась, остались только дружины с.-д., с.-р. и несколько анархистских групп. В с.-д. и с.-р. дружинах жертв, кажется, не было: все они в последний день скрылись удачно. Некоторые же группы анархистов сражались до конца и сложили свои головы»*.

— Российское освободительное движение всегда поражало обилием партий, платформ и течений. Не стал исключением и анархизм. Как это произошло? Ведь до первой русской революции русские анархисты шли под единым знаменем «Хлеба и Воли».

В. К.— В 1905—1907 годах в анархизме явственно определились три основных направления: анархо-коммунизм, анархо-синдикализм и анархо-индивидуализм, с наличием у каждого из них более мелких фракций. Названные направления были достаточно обособлены друг от друга. Помимо различий программных и тактических они имели собственные печатные органы, определенные сферы социального влияния, регионы действий. Весной 1905 года в анархо-коммунизме наряду с «хлебовольцами» появились «безначальцы», которыми руководили С. М. Романов (Бидбей) и Н. В. Дивногорский (Петр Толстой). В основу своего мировоззрения они положили проповедь террора и грабежей как способов борьбы с самодержавием и нигилистическое отрицание всяких начал и устоев общества.

К концу первого года революции в анархо-коммунизме оформилось движение анархистов-коммунистов (чернознаменцев). Его организатором и идеологом стал И. С. Гроссман (Рошин). Чернознаменцы выступали за активные действия и в процессе теоретической борьбы с хлебовольцами обосновали следующую программу: *«Постоянные партизанские выступления пролетарских масс, организация безработных для экспроприации жизненных припасов, массовый антибуржуазный террор и частные экспроприации»*.

К началу 1906 года у чернознаменцев произошел раскол на две группировки: «безмотивных террористов» во главе с В. Лапидусом (Стригой) и анархистов-«коммунаров». Если основу деятельности первых составили «безмотивные» покушения на представителей буржуазии, исключительно за их принадлежность к классу «паразитов-эксплуататоров», то «коммунары», наоборот, высказывались за сочетание антибуржуазной борьбы с серией частичных восстаний, во имя провозглашения в городах и селах «временных революционных коммун».

В 1905 году в одно из самостоятельных направлений оформился анархо-синдикализм. Крупными идеологами и его организаторами в России стали Я. И. Кирилловский (Д. И. Новомирский), Б. Н. Кричевский, В. А. Поссе. Основной целью своей деятельности синдикалисты провозгласили *«полное, всестороннее освобождение труда от всех форм эксплуатации и власти»* и создание свободных профессиональных объединений трудящихся как главной и высшей формы их организации. Из всех видов борьбы они выделяли только непосредственную, прямую борьбу рабочих с капиталом, а также бойкот, стачки, саботаж и насилие над власть имущими.

В начале первой революции в анархизме проявилось такое направление, как анархо-индивидуализм (индивидуалистический анархизм), пропагандирующий абсолютную свободу личности как «исходную точку и его конечный идеал».

Его разновидностью был и «мистический анархизм». Его родоначальниками выступили петербургский прозаик Г. И. Чулков и поэт-символист В. И. Иванов, сумевшие в 1906 году объединить вокруг себя известных поэтов и писателей — А. А. Блока, В. Я. Брюсова, И. А. Бунина, С. М. Городецкого, Л. Шестова, К. Эрберга и других на заманчивой идее достижения свободы творческого процесса.

К последователям анархо-индивидуализма можно отнести махаевцев (махаевистов), высказывавших враждебное отношение к интеллигенции, власти и капиталу.

— Последующие после краха революции годы были очень непростыми для анархистов. Шел интенсивный процесс распада и самоликвидации организаций. В 1910 году их осталось только 34. Любопытно, что анархическое движение развивалось по аналогии с социал-демократическим. Возникло практически в одно время, затем революция, спад... Можно предположить, что 1910—1914 годы, известные как годы нового революционного подъема, стали временем второго рождения и для анархизма...

В. К. — Перелом в действиях анархистов наступил в 1913—1914 годах. 28 декабря 1913 года — 1 января 1914-го в Лондоне им удалось провести I Объединительную конференцию русских анархистов-коммунистов. На ней был выработан ряд конкретных установок стратегии и тактики анархистов в условиях нового революционного подъема. Участники форума приняли решение о создании Федерации анархо-коммунистических групп за границей, издании первого федеративного печатного органа — газеты «Рабочий Мир» и, главное, об образовании Анархического Интернационала и созыве будущего съезда российских анархистов-коммунистов всех течений в августе 1914 года в Лондоне. Начавшаяся мировая война оставила эти проекты нереализованными. Но само движение стало постепенно выходить из кризиса и потрясений: в 1915 году анархистские организации имелись в 8 городах, в конце 1916 года их насчитывалось уже 15 (в 7 населенных пунктах). Было заметно, что анархисты нащупывали свои пути воздействия на массы, но их общее число, вероятно, едва достигало 250—300 человек.

Первая мировая война привела к расколу в анархической среде. К оборонцам примкнул Кропоткин, призывавший к войне «до конца германского милитаризма», ибо считал, что победа Германии будет большой национальной катастрофой для России. Ему противостояли анархисты-интернационалисты, осуждавшие любые военные действия.

— Новым этапом в истории российского анархизма стал год 1917-й. Учитывая болезненные удары прошлого, анархисты различных направлений пытаются определить свое отношение к животрепещущим вопросам революции: продолжающейся войне, Советам, идее созыва Учредительного собрания, Временному правительству...

В. К. — В вопросе об отношении к Временному правительству анархисты были на редкость единодушны: нужна нóвая социальная революция, которая свергнет власть министров-капиталистов. Анархисты-коммунисты настаивали на немедленном прекращении «империалистической войны».

Что касается Советов, то здесь позиция анархистов не была единой. П. А. Кропоткин предсказал, что *«эти Советы должны объединить всех, кто на деле своим собственным трудом участвует в производстве национального богатства...»*. После столь восторженной поддержки как-то незамеченными остались его слова о том, что пассивная роль Советов в деле управления массами может привести к диктатуре одной партии. Несколько позже значительная часть анархистов выступила за вхождение в Советы и всевозможное сотрудничество с ними. В то же время некоторое число анархистов в отношении к Советам занимало выжидательные позиции, а другие открыто заявляли о своем непризнании. Весной — летом 1917 года не до конца оставался проясненным и вопрос об отношении анархистов к Учредительному собранию, но

часть анархистов уже тогда объявляла последнее «тормозом революции».

Июльский политический кризис 1917 года закончился поражением сил революции и частичным разгромом анархистских организаций. В этот период на передний край борьбы вновь выходит Кропоткин. А. Ф. Керенский делал невероятные усилия, чтобы великий ученый и мыслитель вошел во Временное правительство, предлагая ему на выбор любой пост министра. Кропоткин отказался, ответив: *«Я считаю ремесло чистильщика сапог более честным и полезным»*. Очевидно, результатом длительных размышлений стало его участие в работе Государственного совещания в Москве 15 августа 1917 года. Консервативные круги вряд ли ожидали услышать от теоретика анархизма проповедь идеи классового примирения всех сил — «и правых, и левых», — действовавших в революции. Более того, он высказал предложение объявить на совещании страну республикой. Возможно, это был умный, тактически хорошо обдуманный ход политика, считавшего, что достичь царства анархии можно будет лишь в условиях мира и демократии.

Но за такое положение дел анархистам еще предстояло бороться. Накануне Октября 1917 года они были все еще разобщены, хотя и имели на своей стороне единомышленников из 40 организаций, разбросанных по стране.

События, происходившие в это время в стране, показывали огромную вероятность того, что скоро к власти могли прийти большевики и им сочувствующие. Это вызывало определенные опасения у части анархистов. Те из них, которым по душе была воинственность и агрессивность большевиков, призывали рабочих и крестьян дать «последний решительный бой» за мир, за землю, за хлеб и волю и провести первую социалистическую революцию. У других же анархистов движение масс под лозунгом «Вся власть Советам!» восторга не вызывало.

— И все же анархисты выступают вместе с большевиками. Окунувшись в родную стихию разрушения и борьбы, участвуют в октябрьских событиях 1917 года в Петрограде, Москве и других городах. А отдельные сторонники анархии — К. В. Акашев, И. Х. Ш. Блейхман, И. П. Жук, В. С. Шатов и другие — даже вошли в Петроградский военно-революционный комитет...

В. К.— В дни Октября большевики использовали анархистов в качестве боевой и разрушительной силы против буржуазии, оказывая им всемерную помощь оружием, продовольствием и пр. Но этот союз был недолговечен.

Ведь для большевиков, утвердившихся у власти, анархизм с его лозунгами борьбы за свободу личности и против государственных институтов был хорош только до той поры, пока не мешал осуществлению собственных планов государственного строительства. Появление же анархических настроений среди деклассированных элементов городского населения и части рабочих, а также солдат и матросов бывшей царской армии представляло значительную опасность для претворения в жизнь большевистских планов. Для борьбы с анархистами и их попутчиками были использованы все методы: от обвинения их в поддержке «буржуазных контрреволюционеров», в организации «пьяных погромов» до попыток формирования собственных вооруженных отрядов («очагов анархо-бандитизма»).

В ответ на эти действия большевиков лидеры анархизма (В. М. Волин, Г. П. Максимов, братья В. Л. и А. Л. Гордины) разработали концепцию «третьей революции» в России, которая, по их представлениям, должна была привести к безвластному коммунистическому обществу.

— Обеспечив анархистов оружием, большевики, видимо, не понимали, что играют «с огнем». Анархисты же, осознав, что серьезное влияние на ход событий они смогут оказывать лишь имея собственные вооруженные формирования, развернули агитацию за создание «вольных анархических дружин».

В. К. — Такие дружины, как объясняли анархисты, были нужны им «для организованного удара... по власти, для смертельной битвы за социальную революцию».

Весной же 1918 года анархисты начали формировать постоянные боевые отряды для борьбы «за идеалы анархизма», с «контрреволюцией» в России, а также для подавления выступлений «германских белогвардейцев».

Правда, нацеленность анархистов на решение столь глобальных задач не мешала им устраивать прозаические налеты на квартиры, грабить склады и магазины, захватывать здания.

Почувствовав за собой некую силу, анархисты потребовали обеспечить их оружием и продовольствием наравне с красногвардейцами. Власти Москвы и Петрограда признали их требования недопустимыми. Приостановлено также было отправление анархистских вооруженных отрядов на фронт.

В конце марта 1918 года члены Московской федерации анархистских групп официально уведомили Моссовет о захвате помещения Купеческого собрания на Малой Дмитровке (дом № 6) и размещении там своей организации. «Дом Анархии» стал 26-м зданием, оккупированным анархистами в центре Москвы.

По городу стали усиленно распространяться слухи о готовящемся выступлении анархистов. Видимо поэтому в ночь на 12 апреля в городе силы ВЧК и латышских стрелков провели операцию по очистке зданий, занимаемых анархистами, и разоружению сторонников анархии. В ходе ее (по разным данным) было арестовано от 400 до 600 человек. Анархисты потеряли 30 человек убитыми и ранеными, чекисты — 10—12 человек ранеными.

18 апреля 1918 года вопрос о разгроме анархистских сил в Москве обсуждался на заседании ВЦИК. Большинство одобрило действия властей.

Вскоре было проведено разоружение анархистских групп в Петрограде, Вологде, подавлен анархо-максималистский мятеж в районе Бугуруслана — Самары.

Одно из последних и крупных мероприятий анар-

П. А. Кропоткин.

Князь В. Н. Черкезов (Черкезишвили).

М. И. Гольдсмит («М. Корн»).

А. М. Атабекян.

хистов, вступивших на путь подпольной борьбы с большевиками, — взрыв бомбы в помещении МК РКП(б) 25 сентября 1919 года в Леонтьевском переулке. «Анархисты подполья», объединившиеся во «Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан», оставили кровавый след в истории анархизма.

— Ясно, что в противоборстве с режимом анархисты имели мало шансов на успех. Уменьшился приток сил в организации, да и заменить умершего в 1921 году Кропоткина была некем. Как повели себя анархисты в столь критический для них момент?

В. К. — Многие заявили о кризисе движения, его перерождении, своем желании трудиться на благо большевиков и вступили в РКП(б). Другая часть выехала или была выслана за границу. Наконец, оставшиеся в стране приверженцы анархии пытались проводить какую-то работу агитационного плана, но их было ничтожно мало (в 1922 году были сведения о деятельности отдельных анархистов в 11 населенных пунктах страны).

До 1926 года еще открыто действовали отдельные части Федерации анархистов-коммунистов, Конфедерации анархистов-синдикалистов, различные ответвления анархистов-универсалистов и биокосмистов. Некоторые из этих образований умудрялись издавать литературу по истории и теории анархизма, а у синдикалистов до конца 20-х годов было собственное издательство.

Сохранить историю анархизма и его идеи анархисты пытались, сплотившись с декабря 1923 года вокруг музея П. А. Кропоткина в Москве. Но и здесь вскоре начинаются раздоры и склоки, вызванные различным пониманием места и роли анархии в обществе. В 1928—1931 годах после провокации ГПУ значительная часть анархистов, работавших в музее, была арестована и подвергнута репрессиям.

Проводившие работу в эмиграции (в основном во Франции, Германии, Америке) российские анархисты вначале пробовали издавать собственные печатные органы, пытались сплотить своих сторонников, устанавливали контакты с зарубежными соратниками. Но и в их среде к концу 20 — началу 30-х годов явственно проступает тенденция к замиранию деятельности, схода с политической арены. Многие анархисты, тяжело переживая разрыв с родиной, одиночество и усталость от бесполезной борьбы, приняли решение вернуться в СССР. Но, как правило, конец их жизни был одинаков — в лагерях Гулага.

В 1928 году ГПУ предложило ряду анархистов выступить с заявлением о банкротстве анархизма и его ликвидации в стране на специально созванном для этой цели Всероссийском съезде анархистов. Так получилось, что к моменту созыва съезда (1929) собирать уже было практически некого. Анархистские организации в стране прекратили свое существование.

— В последние годы в России возродились многие исчезнувшие ранее партии и различные политические течения. А что мы можем сказать про анархистов?

В. Е. — В 1982 году на историческом факультете Московского государственного пединститута им. В. И. Ленина возник небольшой студенческий кружок (около 10 человек), издававший рукописный журнал. Весной 1987 года эта организация студентов получила определенную известность и приняла название «Община». Спустя год лидеры «Общины» заняли ведущее положение в Федерации Социалистических Общественных Клубов (ФСОК). Наметившийся вскоре кризис в Федерации привел к образованию Альянса федералистов. В сентябре 1988 года его переименовали в Союз Независимых Социалистов (СНС).

Но и на этом движение по созданию новых организационных структур не завершилось, и 21—22 января 1989 года на базе СНС была образована Конфедерация Анархо-Синдикалистов. КАС объединила 60—70 человек, в числе которых оказалось около 30 бывших членов «Общины». Завершающим этапом в становлении КАС стал созванный 1—2 мая 1989 года в Москве Учредительный (1-й) съезд Конфедерации Анархо-Синдикалистов, на котором присутствовали делегаты 15 городов страны, представлявших около 300 членов КАС.

— Каковы, на ваш взгляд, перспективы дальнейшего развития анархистского движения в стране?

В. Е. — Анархистское движение переживает период своего становления. При этом традиции «старого» российского анархизма не нарушаются: как и в первые годы Советской власти, ни одна из анархистских организаций не превратилась в партию. Это и понятно, ведь все анархисты в резкой форме отрицают любые присущие партиям организационные структуры. По-прежнему справедливой остается старая истина, утверждающая, что существует столько анархистских групп и течений, сколько имеется идеологов этого течения. Современный анархизм раздирают разногласия, демарши отдельных лидеров движения, отсутствие какой бы то ни было дисциплины. Отсюда постоянные расколы, возникновение новых групп и организаций. Многие современные идеологи анархистского движения больше думают о своей личной популярности, чем об интересах движения.

И все же современное анархистское движение в стране — это реальная политическая сила, требующая к себе уважения и более пристального профессионального изучения. Тем более что идеалы, которые исповедуют анархисты, хоть и несколько наивны, но так привлекательны. Как писала газета «Община», ***«Так да здравствует анархизм! — великая идея свободы, взаимного уважения и солидарности людей. Пусть это мечта. Но что может быть лучше такой мечты? Почему нельзя тянуться, двигаться к ней, никому не навязывая ее, а только лишая государственную бюрократию власти мешать нашему движению? Пусть власть человека над человеком становится как можно меньше, пусть управление вытесняется самоуправлением, пусть права и свободы личности раз и навсегда будут поставлены выше государственных необходимостей, идеологических доктрин и патриотических долгов... Здравый смысл рано или поздно восторжествует над властолюбием политиков... идеалы Добра, Свободы, Солидарности не могут не победить».***

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА

Просящие Христовым именем

«Нищих масса всюду: и в городах, и в деревнях, и на больших и на проселочных дорогах; ими наполнены тюрьмы и полицейские дома, наполнены этапы и места высылок... Армия нищих вербуется решительно из всех слоев общества»[1]. Столь горестная картина была представлена докладчиком Д. А. Линевым в заседании Вольного экономического общества 16 февраля 1891 года. Иван Прыжов, один из первых русских исследователей этой проблемы, писал, что в конце X — первой половине XI века «при Владимире уже упоминается о баснословном числе нищих, а при Ярославе они получают юридическое положение в обществе, делаются людьми церковными»[2]. Неужели нищенство — непременный, даже роковой атрибут русской жизни?

Фото Геннадия Бодрова

Святое ремесло

Отправная точка при изучении нищенства как социального и культурного феномена — изначальный смысл средневекового идеала нищеты.

В народе нищих не случайно называли: краса церковная, Христова братия, богомольцы за мир. Такое отношение определялось в первую очередь религиозной моралью, призывавшей к любви и милосердию, добродетельной жизни для спасения души в жизни вечной. Именно через сострадание, добро, отзывчивость может изобразиться в нас Христос (Гал. 4, 19). Черствость же, напротив, порождает греховное себялюбие, удаляющее верующего от Бога.

В средневековом миросозерцании фигура Иисуса Христа была идеалом для верующих. И в представлении мирян ближе всех к нему стояли нищие, словно повторяя его поведением и обликом: прямая широкая рубаха ниже колен, с низким воротом, оголявшим шею, была часто их единственной одеждой[3].

Соприкоснуться с этим своеобразным образцом христианской жизни мог любой человек через подаяние, которое для подающего было религиозным актом, обязательно сопровождалось молитвою или крестным знамением. Являясь наряду с молитвой и постом состав-

«В Петербурге нищие задерживаются специальными полицейскими обходами... В течение 1912 г. ...поступило: а) задержанных полицией за прошение милостыни — 9020; б) доставленных по неимению пристанища — 86; в) обратившихся по собственному желанию — 628... В массе поступающих... коренных обывателей, приписанных к Петербургу и его губернии — весьма незначительная часть — 20,7%, тогда как наибольшую составляет пришлый элемент, главным образом из соседних губерний... первое место в этой группе занимает Тверская губерния, давшая 19,4%, затем идет Ярославская (10,7%), Новгородская (9,7%), Псковская (6,6%)».

«Трудовая помощь». 1913. № 4. С. 442.

В России «число нуждающихся в помощи равняется 8 млн. человек».

«Трудовая помощь». 1915. № 9. С. 311.

ной частью покаяния, милостыня «получила чрезвычайную важность в средневековой жизни»[4]. Она — средство *«загладить перед Господом грехи свои, снискать его милости и войти в Царство Небесное»*[5].

Средневековый религиозный дух возвел нищенство в своего рода святое ремесло — ремесло замаливания общих грехов. Не случайно сами бродячие богомольцы пели:

А мы нищая братья,
Мы убогие люди
Должны Бога молити,
У Христа милости просити
За поящих, за кормящих,
Кто нас поит и кормит,
Обувает-одевает,
Христу славу отсылает[6].

«Домострой», возникший не позднее XVI века, наставлял: *«И нищих, и маломощных, и бедных, и страдающих, и странников приглашай в дом свой и как можешь накорми, напои и согрей, и милостыню давай от праведных своих трудов, ибо и в дому, и на рынке, и в пути очищаются тем все грехи: ведь они заступники перед Богом за наши грехи»*[7].

Милостыня давалась без разбора, нуждался в ней просящий или нет — ведь нищий просил во имя Христово. Тому, кто оказывает акт человеколюбия, не стоит расследовать жизнь, но надо просто помогать бедности и заботиться о нуждающемся, — разъяснял Иоанн Златоуст.

Подобный взгляд на милостыню и нищету жил в народе долго, вплоть до начала XX века.

Московская голь

Однако добрый христианский обычай милостыни привел к скоплению неимоверного числа нищих в городах, и особенно в Москве.

Согласно исследованиям, в период с XI до начала XVII века нищенство порождалось почти исключительно голодом, а тот — неурожаями (в среднем на столетие приходилось по восемь крупных неурожаев) и гораздо реже занятием неприятелем хлебородных местностей[8]. В отдельные годы голод был настолько жестоким (не зря Жак Ле Гофф, выдающийся современный медиевист, назвал средневековый мир «универсумом голода»), что неоднократно отмечались случаи людоедства. Злодеев казнили, но преступления не уменьшались.

Но и в относительно спокойное время нищие в Москве встречались повсюду. *«Московская немощеная улица XVII века была очень неопрятна,* — отмечал В. О. Ключевский, — *среди грязи несчастие, праздность и порок сидели, ползали и лежали рядом; нищие и калеки вопили к прохожим о подаянии, пьяные валялись на земле»*[9]. Иностранцы, посещавшие Россию, удивлялись тому, что *«бродяг и нищенствующих у них* (русских. — *Г. У.*) *неисчетное число»*[10].

В Москве XVII века были нищие царские, богадельные, кладбищенские, патриаршие, соборные, монастырские, церковные, гулящие и леженки. Царские нищие (также прозванные верховыми богомольцами) жили в верхних хоромах Кремлевского дворца. По описаниям придворного врача, англичанина Коллинза, это были старики по сто лет от роду. Царь Алексей Михайлович любил слушать их рассказы о старине[11]. Живший в прошлом веке историк И. М. Снегирев дал определение — «нищие и убогие в роде штатных».

Соборные нищие жили при главных московских соборах и звались: успенские, архангельские, васильевские (при храме Василия Блаженного), чудовские. Успенские, пользуясь преимуществами перед прочими, *«составляли товарищество или братство под начальством своего старшины»*[12].

Нищие-леженки (то есть лежащие) облюбовали себе постоянные места для сбора подаяния: Троицкое подворье в Кремле, Варварский крестец в Китай-городе и мосты — старый Каменный, Спасский, Никольский, Всесвятский, Берсеневский и другие.

Кроме ежедневной милостыни особенно щедрое подаяние по традиции следовало раздавать в радостные дни (праздники Рождества и Пасхи, в честь свадьбы и рождения детей) и в дни горя (по случаю погребения, поминок — третин, девятин, сороковин). До нашего времени дошли интересные свидетельства о крупных милостынях московских государей. В 1664 году Алексеем Михайловичем и по его поручениям было роздано более 1100 рублей на Тюремном и Английском дворах, у Лобного места, на Земском дворе и на Красной площади. На Страстной неделе в 1665 году — более 1800 рублей[13]. Поминая свою умершую жену Марью Ильиничну в 1669 году, Алексей Михайлович щедро одаривал нищих деньгами, калачами, рыбой и мясом, чтобы молились за упокой души усопшей. Первые сорок дней милостыня и кормление повторялись каждые два-три дня. В день именин покойницы, 1 апреля, было роздано более 2400 рублей[14].

От репрессий к призрению

Сострадание к нуждающимся покоилось на господстве личного чувства милосердия, неразрывного с глубоким религиозным чувством. Однако с течением времени инстинкт самосохранения общественного организма несомненно стал ощущать угрозу в виде толп нищих и бродяг своему спокойному существованию и развитию. В 1551 году Стоглавый собор постановил выявлять истинно нуждающихся, прокаженных и состарившихся и призревать их по богадельням. Правда, богадельни содержались не столько на деньги казны, сколько на ту же милостыню, но передаваемую через монастыри и церкви.

«Интернациональная статистика... обходит молчанием нищету. Нет ничего легче, как знать для каждой страны протяжение железных дорог в километрах или число неграмотных и воров, но число нищих, которое представляет не меньший интерес, остается тайной. Лишь одно государство представляет исключение из этого правила, это — Англия. Тщательность, с которой поставлена статистика неимущих в Англии, объясняется еще и тем соображением, что вопрос пауперизма есть также вопрос финансовый, потому что размер налога, налагаемого на платящих подати, прямо пропорционален числу записанных неимущих».

Граф Д'Оссонвиль. Нищета и средства борьбы с ней. Социальные этюды. Пер. с фр. СПб., 1898. С. 23-24

Это осознанное движение государства навстречу нуждам обездоленных не могло быть эффективным, причем не столько из-за мизерности средств на призрение, сколько из-за того, что большинство нищих в больших городах стали составлять праздношатающиеся, воры, пьяницы и прочие изгои общества. Поэтому во второй половине XVII века в России (и здесь она повторила опыт европейских стран) главной мерой борьбы с нищенством становится репрессия. Противостояние государства и нищенства продлилось более двух веков.

В 1682 году появился указ царя Федора Алексеевича, где впервые была высказана идея репрессивных мер против нищих, прежде всего профессиональных. Указ предполагал наказание взрослых и исправление детей через школы, но не был воплощен в жизнь из-за скорой смерти царя. Последующее российское законодательство четко разделяло нищенство на истинное и ложное и предусматривало призрение для истинных нищих в специальных заведениях и наказание для нищих-профессионалов.

Уловки и хитрости тунеядцев, выдающих себя за «сирых и убогих», во многом провоцировали репрессии государства против нищих вообще. Указ 30 ноября 1691 года гласил: *«Известно им, Великим Государям* (Иоанну и Петру Алексеевичам. — *Г. У.*), *что на Москве гулящие люди, подвязав руки, также и ноги, а иные глаза завеся и зажмуря, будто слепы и хромы, притворным лукавством просят на Христово имя милостыню, а по осмотру они все здоровы, и тех людей имать... ссылать, откуда пришли»*. Пойманных вторично велено бить кнутом и ссылать в далекие сибирские города. Таким образом, с конца XVII века нищий перестает быть для государства неприкосновенной особой.

«Безобразное это явление есть особенность русской жизни... Несомненно только, что оно коренится в целом строе мировоззрения русского человека. Русский человек по природе своей щедр и великодушен, он отзывчив на голос, взывающий к его братской любви... Всегда готовый сам помочь, он не считает предосудительным попросить помощи и для себя. Поэтому во всех тех сферах русского народного быта, где житейские понятия еще не захвачены потоком новой цивилизации, налаживаемой под европейский тон, прошение пособия Христовым именем не считается позорным, хотя, конечно, и не особенно почетным; во всяком случае не настолько унизительным, чтоб предпочитать ему даже и малое лишение».

А. Краевский. Вопрос о нищенстве и об организации благотворительности в Москве. Вып. 1. М., 1869. С. 21.

«Среди страшных врагов русского бедняка... заставляющих его искать спасения в суме и вечно протянутой руке» на первом месте стоит пьянство. «По отчету департамента неокладных сборов за 1889 г. в России было более 150 тыс. законных кабаков, из которых 102 тыс. спаивали крестьянское население. Церквей было в 4 раза, а школ в 6 раз меньше». Однако, по официальному мнению, кабак «представляет собою такой доминирующий источник дохода, от которого обремененное огромными расходами государственное казначейство отказаться никак не может».

Д. А. Линев. Причины русского нищенства и необходимые против них меры. СПб., 1891. С. 4-5, 22-23.

Особенно ожесточенная, непримиримая борьба с нищенством велась в правление Петра Великого. Законоположения этого времени определяли: всех задержанных нищих следует прежде всего приводить в Монастырский приказ, а уже оттуда расселять по богадельням. Законодательство постепенно ужесточалось: нищих даже попробовали лишить доходнейшей и освященной традицией статьи сбора — вышло запрещение просить по церквам. Вскоре взыскания за нищенство сравнялись с наказаниями за тяжкие преступления: пойманных во второй раз били кнутом на площади и ссылали в каторжные работы, а баб и детей отправляли принудительно трудиться на мануфактурах.

Принимались меры и против подающих милостыню — они подвергались штрафу в 5 рублей (указы 1720 и 1722 годов). Такой же штраф ждал помещика, допустившего нищенствовать своего крепостного[15]. В 1734 году, желая очистить улицы Петербурга, правительство запретило пускать убогих через заставы в город. Указ 1736 года предписывал нищих-мужчин отдавать в солдаты, на мануфактуры и фабрики. Однако эти государственные меры не уменьшили числа просящих Христа ради.

В царствование Екатерины II помощь обездоленным впервые была осознана в России как обязанность государства. Екатерининское законодательство продолжало борьбу с профессиональным нищенством, но суровость репрессий заметно снизилась по сравнению с прежним временем, в частности было отменено «нещадное битье» нищих.

Начало организации общественного призрения положило «Учреждение о губерниях» 1775 года, по которому, в числе других новшеств государственного устройства, были созданы сиротские дома, госпитали и больницы, богадельни, дома для неизлечимо больных, «кои пропитания не имеют», дома для сумасшедших, работные и смирительные дома для людей «непотребного и невоздержного житья». Надо сказать, что «Учреждение о губерниях» чуть ли не впервые обязало власть повернуться к населению с выражением лица не только строгого надсмотрщика, но и милосердного попечителя.

Павел I повелел содержать городских нищих за счет городов, помещичьих — за счет помещиков, казенных — за счет своих селений, чтоб только «нигде и никуда не шлялись». Нетрудно предположить, что у городов и селений не было средств, да и сами нищие предпочитали всегда бродячую жизнь.

Император Александр I решил бороться с нищенством с другой стороны, предусмотрев в указе 1809 года строгие кары не против нищих, а против виновных в несмотрении за ними. Самих же бродяг следовало препровождать на место постоянного жительства, причем (юридические формулировки были в духе модной в то время сентиментальности) «без всякого их стеснения и огорчения».

Примерно та же система действовала и в последующее николаевское царствование.

Пасынки индустриального общества

Крестьянская реформа 1861 года ускорила изменения в социальной и экономической жизни России. И если приблизительно до конца 1870-х годов большинство «погорельцев», «разорившихся», «переселенцев» были мнимыми, а фактически деклассированными элементами, то аграрный кризис 80—90-х годов XIX столетия, трагически сказавшийся на судьбах русского крестьянства, качественно трансформировал структуру нищенского «сословия».

Известно, что в русской деревне были распространены «помочи», то есть соседская безвозмездная помощь односельчанам, оказавшимся в трудном положении. Причем, как отметила известный этнограф М. М. Громыко, *«нравственные принципы помощи бедствующему и соседской взаимопомощи и соответствующие этические нормы, сформировавшиеся вокруг обычая, регулировались общественным мнением»*[16]. Помочь погорельцу, вдове, сироте, больному, соседу, у которого пала лошадь, было нормальным явлением. Журнал «Русское богатство» в 1879 году писал: в Новгородской губернии не найдется ни одного, просящего милостыню, так как *«даже погорельцы не ходят за подаянием, а ждут и уверены, что каждый сам придет к ним с помощью по силе и возможности»*. По сведениям из Крестецкого уезда этой же губернии, *«в случае постигшего домохозяина несчастья, например, пожара, мир (община) дает бесплатно лес для постройки; если кто заболеет, то мир бесплатно исправляет его хозяйственные работы: убирает хлеб, сено и т. п.; на работу должны идти все; не желающего может принудить староста»*[17].

С появлением же капиталистических черт в сельском хозяйстве общинные обычаи, в том числе помочи (окончательное угасание которых последовало с началом коллективизации), перестают срабатывать и обеспечивать равновесие общинного организма. Многим пришлось пойти по миру. В Москве, по переписи 1897 года, было 661623 выходца из крестьян, или 63,7% жителей города[18].

«Каждый большой город, как центр промышленной жизни, привлекает массу людей, надеющихся найти здесь хороший заработок. Многим из них, однако, не удается найти занятий... Невольным исходом из такого тяжелого положения чаще всего является нищенство — эта язва больших городов. Воздействовать против нищенства можно двумя способами, учреждая или рабочие дома для профессиональных нищих, ленивцев или бродяг, или дома трудолюбия, где бы всякий готовый трудиться бедняк нашел хоть маленький заработок».

«Вестник благотворительности». 1897. № 2. С. 23-33.

Фото Геннадия Бодрова

Кроме бросивших деревню были так называемые «отходники». Но и «отходничество» крестьян на заработки с осени по весну не всегда приносило работу и прибыток, поскольку в городах безработица стала постоянным явлением. *«Официальными исследованиями установлено, что значительно более 2 миллионов работников Европейской России не находит себе работы. Число это постоянно растет, как от естественного прироста населения, так и от увеличения вследствие неурожаев и других причин числа бесхозяйственных* (лишившихся хозяйств. — *Г. У.*) *работников, ищущих труда на рынках его»*[19], — констатировал в 1898 году «Вестник благотворительности».

Часть этих безработных не возвращалась в деревню, а вновь и вновь испытывала судьбу в поисках рабочего места, пока не пополняла ряды нищих. Например, среди обитателей Хитрова рынка совсем расстались с трудовой жизнью до 11%. Перебивались случайной работой еще 70 человек из каждых 100[20]. По миру выходили весной их деревенские домочадцы, запасы хлеба у которых истощились, а купить было не на что.

Нищие-профессионалы

Популярный автор конца прошлого века А. Свирский поставил перед собой задачу изучить жизнь «дна» изнутри. Для этого он, подобно французу Луи Полиану, прославившемуся книгой «Нищенствующий Париж», облачался в тряпье и время от времени посещал злачные места Петербурга, Ростова и других городов России.

Итогом этих наблюдений явилась следующая классификация: «Вся нищая братия делится у нас на два класса — *«христарадники»* (попрошайки) и *«охотники»* (нищие высшего полета). «Христарадники» в свою очередь распадаются на девять видов: а) *«бо-*

гомолы» (просящие милостыню на церковной паперти), б) *«могильщики»* (просящие на кладбищах), в) *«горбачи»* (побирающиеся с сумою), г) *«иерусалимцы»* (мнимые странники), д) *«железнодорожники»* (просящие в вагонах железной дороги), е) *«севастопольцы»* (отставные солдаты, утверждающие, что они были ранены при Севастопольской обороне), ж) *«барабанщики»* (стучащие под окнами), з) *«безродники»* (нищие-бродяги), и) *«складчики»* (берущие милостыню не только деньгами, но и хлебом, яйцами, овощами и старым платьем). Второй класс нищих — «охотники» — разделяется на четыре вида: а) *«сочинители»* (вместо слов подают благотворителям просительные письма), б) *«протекционисты»* (являющиеся к вам в дом якобы по рекомендации вашего близкого знакомого), в) *«погорельцы»* (утверждающие, что были очень богаты, но пожар, дескать, все их добро уничтожил) и г) *«переселенцы»* (крестьяне, никогда не видевшие деревни)»[21].

В конце XIX века 70—80% нищих составляли так называемые профессионалы, для которых попрошайничество было более легким, чем работа, способом заработать на пропитание. Существовали даже «школы нищих». Свирский в 1900 году опубликовал в газете «Россия» ряд статей, озаглавленных «Московская голь». Он описал обнаруженную им в Москве в 1892 году и действующую не один год такую «школу». Ее содержал под видом постоялого двора некий человек по кличке Осип Черный. Заведение находилось за Серпуховской заставой: в «чайной без крепких напитков» тайно торговали водкой, тут же были «харчевня» и «клоповник» (ночлежный дом). Осип Черный являлся как бы антрепренером громадного нищенского предприятия — укрывая убогих от полиции, он изымал у постояльцев значительную часть выручки и богател с каждым днем.

И. Г. Прыжов живо описал виденные им в московских торговых рядах типы нищих. *«Это какая-то саранча, вылетающая ежедневно из разных дальних и ближних закоулков столицы и облипающая всякого встречного»*[22]. Среди них были: отставной блюститель порядка в огромной папахе, выдающий себя за кавказского полковника и не принимающий иначе как серебром, и офицер с ленточкой в петлице и кулаком на отвесе, говоривший, что у него шестнадцать ран. Они с похмелья придумывали что угодно, лишь бы получить подаяние. Бабы с настоящими младенцами и с поленьями в детском одеяльце, мнимые «погорельцы» и «выписавшиеся из больниц», опустившиеся отставные чиновники и военные, старухи с гробами и гробовыми крышками, собирающие «на похороны». Попрошайничали мужики «на павшую лошадь» и солдаты «на разбитое стекло в фонаре». Монахи и монахини с кружками, тарелками, книгами, завернутыми в пелены, просили на обители и построение церквей. Странники и странницы по нескольку лет маячили перед глазами с просьбой дать на дорогу к Гробу Господню, к Соловецким, к Тихону Преподобному.

«По данным московских городских попечительств о бедных, нищенки Москвы собирают в день около 70 коп. А так как в Москве уже в 1889 г. было свыше 3500 лиц, живущих пособием, то с полной вероятностью можно допустить, что только на одних нищих москвичи расходуют много больше миллиона рублей... (В сельской местности) каждый сколько-нибудь зажиточный крестьянин подает просящим Христовым именем не менее 3—4 пудов хлеба в год, то есть от 3 до 4 руб. Если уменьшить этот расчет даже вчетверо, то и тогда выйдет, что сельское население Европейской России уделяет на помощь бедным по крайней мере 10 млн. руб.»

«Трудовая помощь». 1898. № 1. С. 210-211.

Вся эта бурлящая толпа профессиональных нищих, как воронка, затягивала в себя и молодых девушек, вынося их на путь разврата. Прыжов писал: *«Несколько лет тому назад ходила хорошенькая нищенка Феклуша, которая с помощью старух скоро сделалась известной городской камелией»*[23].

Но одним из самых возмутительных зол было приобщение к мерзкому промыслу детей, взятых нищим напрокат, детей ворованных, искалеченных, гибнущих сотнями от голода, холода и болезней. Организатор московских городских попечительств о бедных профессор В. И. Герье рассказывал, например, о женщине с двумя малыми детьми — жительнице Пречистенской части, которая предпочитала просить милостыню, вместо того чтобы трудиться. Никакие уговоры благотворителей не смогли заставить ее бросить позорное занятие, хотя за небольшую помощь с ее стороны попечительство обещало оплачивать жилье, присматривать за детьми в дневном приюте и помогать денежным пособием[24].

В сельской местности существовали «нищенские гнезда» — деревни, все жители которых жили за счет профессионального нищенства. Обычно бабы с детьми оставались дома, а мужики, составив артель, с котомками за спиной и клюками в руках уходили на несколько месяцев на промысел. На «заработанные» деньги вся деревня жила до следующей весны. «Вестник благотворительности» писал: *«Недалеко от Москвы село Архангельско-Голицыно, деревни Синовка, Шандая и Дурасовка держат целые организованные артели нищих, определяющих направление, которое каждый нищий должен принять в своих путешествиях по России; дополняются эти партии и наемными нищими, находящимися под строгим контролем, за плату по 2 руб. в месяц. Доходы опытного нищего определяются в 15—20 руб. в месяц, часть которых отсылается домой для уплаты податей»*[25].

Логическим венцом стало сращивание круга нищих и убогих с преступным миром городских трущоб. Но это было уже не благословляемое христианством средневековое нищенство, о котором крупнейший русский историк В. О. Ключевский отзывался так: *«Как в клинике необходим больной, чтобы научиться лечить болезнь, так в древнерусском обществе необходим был сирый и убогий, чтоб воспитать уменье и навык любить человека»*[26].

Нищие нового времени стали «дном» общества, а нищенство — «социальной язвой».

«Нищие за наем взятых ими детей платили по 80 коп. асс. и по рублю в день, а за уродливых и по 2 рубля».

«Чтения в Обществе истории и древностей российских». 1861. Т. I.

ПРИМЕЧАНИЯ

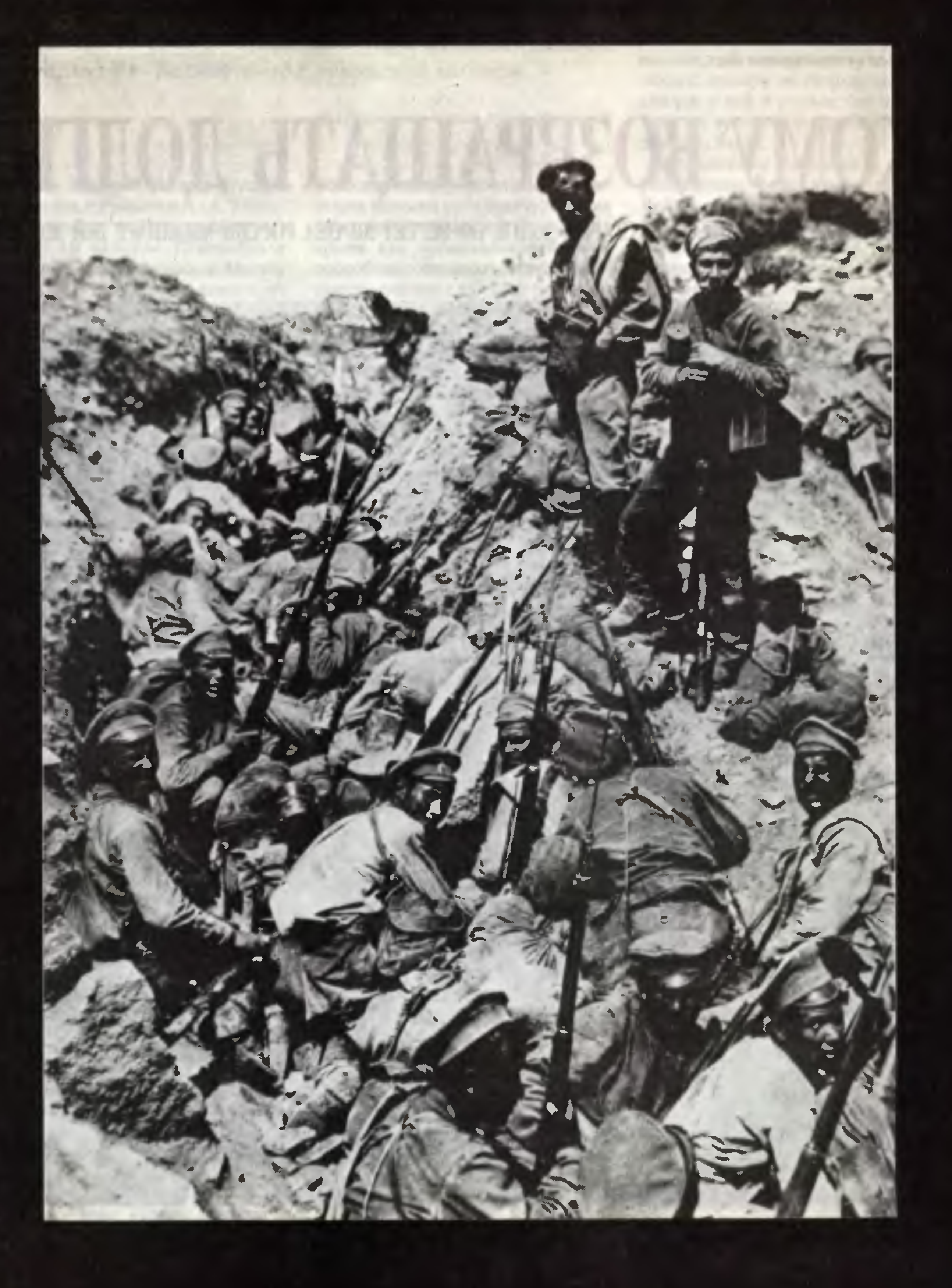
1. Линев Д. А. Причины русского нищенства и необходимые против них меры. СПб., 1891. С. 1.
2. Прыжов И. Нищие иа Святой Руси. М., 1862. С. 71.
3. См.: Рабинович М. Г. Очерки материальиой культуры русского феодальиого города. М., 1988. С. 140, 188.
4. Эйкен Г. История и система средиевекового миросозерцания. СПб., 1907. С. 448.
5. Сперанский С. К истории нищенства в России//Вестник благотворительности. 1897. № 1. С. 36.
6. Безсонов П. А. Калики перехожие. М., 1861. Ч. 1. Вып. 1. С. 34—35.
7. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 161, 163.
8. См.: Щепкин В. Голода в России. Исторический очерк//Исторический вестник. 1886. Т. XXIV, июнь. С. 489—521.
9. Ключевский В. О. Добрые люди Древней Руси. Сергиев Посад, 1892. С. 16.
10. Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1905. С. 128.
11. Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне//Чтеиия в Обществе истории и древностей российских. 1846. Ки. 1. Отд. 3. С. 37.
12. Снегирев И. М. Московские нищие в XVII веке. М., 1852. С. 10.
13. См.: Забелии И. Е. Домашиий быт русских царей. М., 1895. Ч. 1. С. 386—418.
14. См.: Забелин И. Е. Домашиий быт русских цариц в XVI и XVII ст. М., 1869. С. 333—339.
15. См.: Краевский А. Вопрос о нищенстве и об организации благотворительиости в Москве. Вып. 1. М., 1889. С. 4—5.
16. Громыко М. М. Традициоиные иормы поведения и формы обшения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 63.
17. Там же. С. 59.
18. Нифоитов А. С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половииы XIX в. (по материалам переписей нвселения г. Москвы в 70—90-х гг. XIX в.)//Исторические записки. М., 1957. Т. 54. С. 239—250.
19. Вестиик благотворительности. 1898. № 9. С. 67.
20. Дриль Дм. Бродяжество и иищенство и меры борьбы с ними. СПб., 1899. С. 18.
21. Свирский А. Погибшие люди. Т. 3. Мир иищих и пропойц. СПб., 1898. С. 2—3.
22. Прыжов И. Указ. соч. С. 94.
23. Там же. См. также: Максимов С. Бродячая Русь Христа ради. СПб., 1877.
24. Герье В. И. Второй год городских попечительств в Москве//Вестник Европы. 1897, октябрь. С. 61.
25. Современиое обозреиие//Вестник благотворительности. 1900. № 11. С. 106.
26. Ключевский В. О. Указ. соч. С. 3.

ВОСЬМОЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «РОДИНА» ПРОДОЛЖИТ СЕРИЮ «НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ РОССИИ». ОН ПОСВЯЩЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ.

В этом номере будут опубликованы:
РОССИЙСКИЙ НОСТРАДАМУС: текст записки П. Дурново, предсказавшего основные последствия вступления России в мировую войну;
ДЕЛА И ДНИ ГЛАВКОВЕРХА: воспоминания дочери о своем знаменитом отце генерале Алексееве;
НЕВОЛЬНИКИ КЛЕМАНСО: судьба русского экспедиционного корпуса во Франции;
ДУХ И СИЛА: развитие генералом Головиным толстовских идей о приоритете морального фактора на войне;
ИЗ АРХИВА КГБ/НКВД: откровения руководителя кайзеровской разведки;
ВОЙНА В КОРИЧНЕВЫХ ТОНАХ: взгляд на нее одного немецкого ефрейтора;
ФЕДОР СТЕПУН: из «Писем прапорщика-артиллериста»;
ЖЕНЩИНЫ НА ВОЙНЕ: великие княжны в госпиталях; рассказ о героинях германской войны, оказавшихся по разные стороны фронта в гражданскую;
НА ЛИНИИ ОГНЯ И СМЕРТИ: в рубрике «Город Эн» — Двинск (Даугавпилс);
ПЛЕН: Пасха русских за колючей проволокой;
ЭСТЕТИКА ВОЙНЫ: фольклор, поэзия, кинематограф военного времени;
РАССУЖДЕНИЯ: историки отечественные и зарубежные о величайшей катастрофе начала века;
А ТАКЖЕ: униформа, боевая техника, знамена; марки, фотографии, статистика... и многое другое!

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ

(НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ)

ВЛАДИЛЕН ВИНОГРАДОВ,
доктор исторических наук

КОМУ ВОЗВРАЩАТЬ ДОЛГИ?

РУМЫНИЯ ТРЕБУЕТ ЗАПЛАТИТЬ СТАРЫЕ ДОЛГИ, НО ВЕРНЕТ ЛИ ОНА РОССИИ МИЛЛИАРД ЛЕЙ ЗОЛОТОМ

«В четверг 15 декабря в три часа утра отошел в Москву через Одессу — Бахмач поезд с румынским золотом...»

(Из телеграммы посланника А. Мосолова)

15 (28) декабря 1916 года русский посланник в Румынии А. А. Мосолов отправил в Петроград телеграмму: *«В четверг 15 декабря в три часа утра отошел в Москву через Одессу — Бахмач поезд с румынским золотом»*. На следующий день последовало разъяснение: *«Всего отправлено 1738 ящиков золота четырех пудов каждый и два ящика драгоценностей»*[1].

26 марта 1917 года по прямому проводу из Ясс российская миссия сообщила: *«Десять вагонов ценностей румынского королевского двора могут быть направлены Москву (для) размещения их Румянцевском, Александра III музеях»*[2]. Затем поступила информация о пересылке ценностей Национального и частных банков Румынии[3], картин, коллекции монет, серебряных и золотых изделий из музеев и галерей, архивных фондов*.

Так началась история с «румынским золотом», оживить которую стремятся и сегодня: во время приезда в Москву президента Иона Илиеску в апреле 1991 года, по сведениям румынской печати, вопрос поднимался в ходе его бесед с М. С. Горбачевым[4].

Что же предшествовало такому чрезвычайному шагу, как отправка золотого запаса страны за рубеж?

Румыния вступила в первую мировую войну после долгих и трудных переговоров, выговорив себе чрезвычайно выгодные условия, лишь в августе 1916 года. Быстрое поражение румынской армии явилось неприятным сюрпризом для ее союзников: Великобритании, Франции и в первую очередь России, поскольку последней пришлось взять на себя задачу латания развалившегося фронта. Румынская армия как организованная сила, способная оказывать сопротивление вторгшимся в страну немецко-австрийским войскам, перестала существовать — в строю на декабрь осталось 70 тысяч человек, чуть больше десятой доли мобилизованных под знамена за три месяца до того[5]. Большая часть территории была потеряна, Бухарест сдан. Спешно перебрасывавшиеся русские дивизии в осеннюю непогоду, в зимнюю слякоть и стужу, прямо «с колес» бросались в бой. Но и немцы, и их союзники были измотаны до последней степени. На рубеже 1916 и 1917 годов наступающие остановились и зарылись в землю.

Королевский двор, правительство, парламент перебрались в Яссы. Но поскольку положение все еще казалось неустойчивым, решено было отправить национальные ценности в безопасное место. Таковым тогда представлялась Россия.

Действительно, казалось, черные дни для российской армии миновали. Военная промышленность мощным рывком восполнила запасы снаряжения. Нехватка вооружения, бич 1915 года, отошла в прошлое (разве что тяжелой артиллерии все еще недоставало до комплекта). Наступление генерала А. А. Брусилова летом 1916 года едва не поставило Австро-Венгрию на грань катастрофы и продемонстрировало высокую боеспособность российских войск. По замыслу стратегов Антанты, 1917 год должен был «увенчаться решающей победой над противником». Объявление Германией беспощадной подводной войны являлось и с военной, и с политической точек зрения шагом отчаяния. Николай II, взваливший на себя должность Верховного главнокомандующего, в приказе от 2 декабря 1916 года призвал наращивать удары по врагу для достижения победы[6]. О том, что над его головой сгущаются тучи революции, монарх не подозревал. Не думали о ней и румынские правители во временной столице государства, Яссах.

А революция принесла с собой разложение российской армии. Войска бурлили, солдаты митинговали, дисциплина падала. Эсеры, меньшевики, большевики, кадеты, националисты спорили друг с другом; но в чем большинство сходилось — так это в нежелании дольше воевать. К лету армия в значительной мере потеряла боеспособность, а после Октябрьской революции с фронта двинулась дивизиями и корпусами. Румынская печать тех дней изобиловала сообщениями о происходивших при этом актах произвола.

И все же это были эксцессы вышедших из подчинения, недисциплинированных элементов, а не планомерные и направленные к ущербу для Румынии действия. Солдатские комитеты пытались навести порядок и просили об одном — свободном пропуске в Россию и снятии преград с доставки предназначавшегося войскам продовольствия. Так, армейский комитет IX армии сопровождал свой «Ультиматум» румынским властям заверением, что в этом случае он гарантирует *«спокойное поведение русских войск, не имеющих никаких враждебных намерений»*[7].

Союзный договор между Россией и Румынией денонсирован не был, поэтому нельзя оправдать действия румынского командования, приступившего, по распоряжению своего правительства, к разоружению русских частей. Был прерван подвоз продовольствия отступавшим россиянам. В случае отказа сдавать оружие румыны прибегали к силе, проводили аресты по политическим мотивам, причем за колючей проволокой оказывались не грабители, а солдатские вожаки, которым наклеивали ярлык «большевиков», хотя последних среди солдат насчитывалось не так уж много. Вскоре стало очевидно, что нападение на войска союзника явилось необходимой прелюдией к вторжению в Бессарабию. Действительно, в начале 1918 года на-

* В 1935 г., после установления дипломатических отношений между СССР и Румынией, последней было возвращено 1443 ящика с документами архнвов и Румынской академии. В 1956-м — около 40 тысяч предметов из музеев (в основном монет), 1350 картин и рисунков, 2500 единиц ювелирных изделий, икон, предметов одежды и дорогих ткаией (см. «Жизнь в Румынии». 1991. № 2. С. 27).

чалась переправа через реку Прут и занятие этой входившей в состав России области.

Совнарком после двух протестов, составленных в решительных тонах, пошел на беспрецедентную меру: в 9 часов вечера 31 декабря 1917 года группа солдат явилась в здание румынской миссии в Петрограде и препроводила посланника К. Диаманди и четырех его сотрудников в Петропавловскую крепость, в 59-ю камеру Трубецкого бастиона.

В среде дипломатов арест произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Поздно ночью дипломатический корпус, до того не признававший советской власти и не имевший с нею никаких сношений, в полном составе, во главе с дуайеном — американским послом Д. Фрэнсисом, прибыл на прием к В. И. Ленину. Итогом явилось предписание за № 1 от 1 января 1918 года, в котором говорилось: *«Арестованных румынского посланника и всех членов румынского посольства освободить, заявив им, что они должны принять все меры для освобождения окруженных и арестованных русских войск на фронте»*[8]. В темнице они пробыли около полутора суток.

В 10 часов утра 2 января усталых и голодных дипломатов (к пище они не притронулись) пригласили в канцелярию Трубецкого бастиона, где вручили упомянутое предписание. Отсюда же К. Диаманди позвонил во французское посольство. Посол Нуланс лично на машине прибыл в крепость и увез Диаманди на его квартиру. По дороге румын пожаловался на условия заключения (но не на обращение с ним): в полутемном каземате — ледяной холод, постель без простыни, на обед принесли какую-то бурду в эмалированной миске и с обшарпанной деревянной ложкой. Эти мрачные подробности радио разнесло по миру[9].

Ни протесты, ни экстраординарная мера в виде взятия под стражу дипломатов эффекта не возымели: ввод в Бессарабию румынских войск продолжался. 13 (27) января Совнарком принял постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией. *«Покрытая преступлениями румынская олигархия,* — говорилось в документе, — *открыла военные действия против Российской республики»*[10]. Хотя Бессарабия и была занята армией Румынии, **состояние войны** не было объявлено ни той, ни другой стороной. Премьер-министр А. Авереску в телеграмме, отправленной в Москву 8 декабря 1920 года, свидетельствовал: *«...с нашей точки зрения, настоящего состояния войны с Россией не существовало ни фактически, ни юридически»*[11].

Вопрос о румынском золоте — не шар для игры только в российские ворота. С ним тесно связан другой сюжет, который условно можно озаглавить — о российском военном имуществе; условно, ибо на самом деле он шире.

В мае 1919 года, пока еще в общей форме, были выражены контрпретензии совнаркомов России и Украины: *«С момента упразднения русского фронта в Румынии румынское правительство наложило руку на громадное военное, железнодорожное и краснокрестское имущество, которое находилось там для обслуживания русской армии. После разбойничьего захвата Бессарабии румынское правительство так же поступило с военными продовольственными базисными складами Бессарабии»*. В связи с этим, указывалось в ноте, *«рабоче-крестьянские правительства России и Украины снимают с себя всякую ответственность за дальнейшую судьбу различных ценностей, перевезенных во время царского правительства в Россию и принадлежащих румынскому правительству, Румынскому национальному банку, другим румынским банкам, а также румынским помещикам и капиталистам»*[12].

Начиная с лета 1918 года ведомства иностранных и внутренних дел и внешней торговли вели подсчет ущерба, связанного с отторжением Бессарабии. Из чего же он слагался?

Не были оплачены поставки союзников в Румынию, следовавшие до апреля 1917 года регулярно, а затем, вследствие расстройства в России всей хозяйственной жизни, с перебоями. Эксперты определили сумму этой задолженности в 300 млн. рублей[13].

Остались в Румынии и Бессарабии, после того как их покинули русские войска, склады военного имущества, содержавшие солидные запасы оружия, снаряжения, боеприпасов, обмундирования и продовольствия. Командование русских войск во главе с генералом Д. Г. Щербачевым советской власти не признало и хотело достичь согласия с румынским генштабом о совместной их охране, а затем сдать их на сохранение по описям. Соответствующая договоренность была достигнута, но позже...

Вот что свидетельствует генерал Н. Монкевич, возглавлявший демобилизационную комиссию русских армий Румынского фронта: в сотрудничестве с румынским командованием была произведена инвентаризация имевшегося снаряжения. Он и его сотрудники *«были преисполнены благодарности за подобную любезность... К сожалению, доброе согласие продолжалось недолго»*. Они получили извещение, в котором, *«не отрицая право собственности России, министерство объявило, что берет эти материалы как залог, гарантирующий возвращение убытков, понесенных Румынией, ибо большевики захватили в Москве румынский золотой запас и румынские склады на юге России»*[14].

Итак, стороны как бы негласно и независимо друг от друга пришли к сходному решению — считать находившееся в их руках имущество залогом за понесенные ими потери. А от залога — один шаг до компенсации, тем более что обе стороны фактически ее осуществили. «Залогом» румыны распоряжались по своему усмотрению. Так, в протесте офицеров — членов демобилизационной комиссии 4-й армии, направленном иностранным миссиям в Яссах, говорилось: *«В средствах «союзники» не стесняются, отбирают насильственно, под угрозами, ключи от складов, местные агенты, ответственные за целость имущества, разоружаются, отстраняется организованная с большим трудом русская охрана, арестовываются без причин целые команды...»*[15].

Генерал Н. Монкевич определял стоимость конфискованного армейского имущества в 3—4 миллиарда франков[16], сопровождая эту цифру замечанием: *«по самым скромным подсчетам»*[17]. Дело не ограничилось утратой военного снаряжения. Были захвачены и опустошены прифронтовые склады Всероссийского союза городов, Красного Креста в Измаиле, продано с молотка 200 пароходов, буксиров, барж иа Дунае, в румынские руки попало 500 паровозов и более 7 тыс. вагонов[18], исчезли без следа личные сбережения солдат и офицеров, хранившиеся в полевых сберегательных кассах.

Еще в апреле 1918 года главное управление по заграничиому снабжению Наркомата внутреииих дел рекомендовало *«впредь до выяснения финансовых отношений между Россией и Румынией во всей их полноте в старое время Советской республике не следует снимать запрета, наложенного на золотой фонд румынского правительства в видах обеспечения этим способом уплаты нам Румынией своего долга»*[19].

Были задействованы десятки экспертов, в течение трех лет велась кропотливая работа по выявлению и определению понесенного Россией ущерба. В Архиве внешней политики Российской Федерации хранятся пухлые папки с перечнем конкретных потерь. Списки часто сопровождаются оговоркой, что полных данных собрать не удалось.

Сводные данные были обобщены заведующим ликвидационным подотделом Наркомвнешторга инженером Горшковым и направлены М. М. Литвинову 28 января 1922 года в записке за подписью замнаркома Лежавы[20]. Общая задолженность Румынии определялась, в пересчете на рубли, суммой в 1 005 501 601 руб. 61 коп. золотом по ценам 1916—1918 годов. Тут же оговаривалось: указанные сведения *«хотя и охватывают все материалы, находящиеся в распоряжении ликвидационного подотдела, а также материалы, переданные в НКПС, тем не менее ни в коем случае не могут считаться окончательными, т. к. значительная часть материалов погибла как при демобилизации в 1918 году, так и при перевозке архивов Румынского фронта в Крым в 1919 году. Благодаря этому много имущества как отдельных складов, так и частей армии осталось неучтенным»*. К делу приложен список 119 объектов IV, VI, IX и отчасти VIII армий, выпавших из проверки[21].

В записке комиссии по выявлению претензий РСФСР к Румынии, подготовленной в апреле 1922 года, общая сумма ущерба определена в 1 млрд. 352 млн. рублей[22].

По мнению советских экспертов, при сравнении взаимных потерь сальдо складывалось в пользу России и Украины, которым надлежало получить 1 млрд. лей золотом[23], на чем, впрочем, две страны не настаивали.

Оговариваемся, что цифры мы приводим исключительно для информации о производившихся подсчетах. К сожалению, в материалах о румынском золоте, публикуемых в печати Румынии, в том числе в русскоязычных изданиях*, насчет контрпретензий российско-украинской стороны хранится мертвое молчание. Между тем сепаратный подход к вопросу о румынском золоте не выдерживает критики. Он иераздельно связан с другим — с судьбой российского имущества, «исчезнувшего» в 1918 году.

* Золотой запас—315 млн. лей (франков), драгоценности королевы Марии—7 млн. плюс на десятки миллионов других ценностей (см. «Жизнь в Румынии». 1991. № 2. С. 27).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив виешией политики Российской империи (АВП РИ). Ф. Политархив. 1916—1917. Д. 5365. Л. 37.
2. Там же. Л. 52.
3. Там же. Л. 57.
4. Жизнь в Румынии. 1991. № 9. С. 7.
5. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Румынский фронт. М., 1922. С. 108.
6. Васюков В. С. Виешияя политика России накануне Февральской революции. М., 1989. С. 272, 271, 278.
7. Известия армейского комитета IX армии, 12.XII 1917.
8. Протокол по поводу освобождения из-под ареста чиновников румынского посольства. — Российский центр хранения современный документации. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1807.
9. US National Archives. Microfilm Publications, microcopy 316, roll 11.
10. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 1. М., 1957. № 52. С. 89.
11. Известия, 15.X 1920.
12. ДВП СССР. Т. 1. № 113. С. 171—172.
13. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0125. Оп. 1. Д. 1, папка 2. Л. 57.
14. Monkevitz N. La decomposition de l'armee russe. Paris, 1919. P. 191—192.
15. АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 1. Д. 1, папка 2. Л. 54.
16. Monkevitz N. La decomposition.., p. 18.
17. Ibid., p. 180.
18. Частично об этих потерях говорилось в «Претензиях советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду». — ДВП СССР. Т. 5. М., 1961. С. 342, 345.
19. АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. 1918—1921. Д. 8, папка 101. Л. 34.
20. АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 6. 1918—1921. Д. 2, папка 101. Л. 243.
21. Там же. Л. 247.
22. АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 5. 1918—1921. Д. 8, папка 101. Л. 40.
23. ДВП СССР. Т. 7. № 95. С. 179.

1916 г. Солдаты-пехотинцы демонстрируют нехитрые средства борьбы с газами, используемыми противником.

Первая мировая война. Матросы вытаскивают гидросамолет после разведывательного полета.

Тяжелая 9,6-дюймовая гаубица на позиции. Волынь. Сентябрь 1916 г.

НЕМЕЦКИЙ ШПИОНАЖ В РОССИИ

Очерк о немецком шпионаже, в котором основное внимание уделялось периоду первой мировой войны, был написан НКВД в 1942 году и предназначался сугубо для служебного пользования. Публикуя сокращенный вариант этого очерка, мы понимаем, что не со всеми оценками и трактовками фактов можно согласиться, но содержательная часть текста представляет несомненный интерес для современного читателя. Подчеркиваем, что это будет знакомство с документом, еще недавно проходившим под грифом «Секретно».

В общей системе германского шпионажа в России на первом плане стоял шпионаж с помощью различных иемецких торгово-промышленных фирм, добровольиых обществ и т. п.

Перед войной 1914 года немцам принадлежали в России все химические заводы, около 90% предприятий электротехнической промышленности, более половины металлургических и металлообрабатывающих заводов, почти половина текстильных предприятий...

Оказывая всевозможную поддержку немецким промышленникам, германское правительство требовало от них выполнения всех указаний своей разведки. Прежде всего само размещение фирм и предприятий проводилось согласно строго продуманному плану. Германские предприятия в основном были размещены в городах, расположенных вдоль западной русской границы, а также в важнейших военных центрах, таких, как Петроград, Москва, Одесса, Архангельск, Севастополь и т. д. Торговые фирмы также находились в важных стратегических пунктах России. На Сахалине их было 9, во Владивостоке — 6, в Баку — 9, иа Черном и Азовском морях — 12 и т. д.

Основными задачами, которые поставил генеральный штаб перед немецкой промышленностью, проникшей в Россию, являлись осведомление о развитии производительных сил страны, противодействие этому развитию и агентурная разведывательная служба.

В России на поприще шпионажа громкую известность приобрело акционерное общество «Зингер».

Официально это общество числилось американским. В Америке действительно существовало правление фирмы «Зингер», ио никакого влияния на дела в России оно не имело. Все руководство деятельностью фирмы на территории русского государства исходило из Берлина.

Компания «Зингер» имела строго продуманную систему построения, обеспечивающую сбор шпионских сведений почти по всей стране. Все области России, обслуживаемые фирмой, были разбиты на 4 района, во главе которых стояли так называемые вице-директора. Районы, в свою очередь, подразделялись на «депо», в распоряжении которых находились отдельные агенты на местах.

Особенно тщательно изучали агенты частичные и всеобщую мобилизации, выясняя общее число и годы призывников, а также как проходили мобилизации и как отиосилось к ним население.

Другая крупнейшая шпионская организация прикрывалась вывеской фирмы «Кунст и Альберс», монополизировавшей в своих руках почти всю торговлю на Дальнем Востоке. Один из владельцев этой фирмы немец Даттан принял русское подданство и дослужился до чина действительного статского советника. Жертвуя большие суммы на военные нужды России, он в то же время передавал немецкой разведке массу ценнейших военных сведений. Во время одной из бесед со своими служащими, кстати сказать в большинстве своем немецкими офицерами, Даттаи следующим образом объясиил свою «благотворительность» к русским: «Вы думаете, что я все это делаю с удовольствием? Нет, это все не то... Мало ли что приходится делать, чего не хочешь, чтобы иметь возможность потом делать то, что хочешь. Это та же взятка, но только под другим «соусом».

Собранные со всех концов России шпионские сообщения передавались германскому консулу во Владивосток, а после начала войны — немецкому посольству в Китае.

Фирма «Кунст и Альберс» держала тесную связь со многими шпионскими группами и отдельными крупными шпионами. В сентябре 1914 года во Владивосток прибыл директор Путиловского завода Курст Орбановский, доставивший Даттану желтый кожаный чемодан и портфель с секретными материалами, собранными в Петрограде. Во время обыска у Орбановского полиция успела захватить: судостроительную программу, технические условия на поставку предметов из никелевой стали, выдержки технических условий русского морского министерства за 1913 год, перечень материалов, необходимых для Ижевского завода, и технические условия для поставки металлического антимона на Петроградский патронный завод. Остальные, по-видимому, не менее важные документальные материалы, обнаружить не удалось, так как они заранее были спрятаны служащими фирмы.

Мощный аппарат германского шпионажа представляли из себя добровольные немецкие общества. Германский генеральный штаб еще в 1882 году разработал обстоятельный проект разведки при помощи различных немецких обществ, организуемых в соседних странах. В России их было настолько много, что нет никакой возможности перечислить даже с приблизительной точностью. Достаточно сказать, что в одном Петрограде насчитывалось 19 таких обществ. «Всенемецкий Союз» (Альдейчшер Фербанд) имел свои отделения в 24 городах страны. Курляндское контрольное общество скотоводства имело 29 групп, которые охватывали всю Прибалтику. Разумеется, что «животноводы» больше занимались наблюдением за военными объектами, чем за скотоводством. Об этом наглядно свидетельствует руководящий состав общества, состоявший сплошь из офицеров германского генерального штаба. Но особенную активность на поприще шпионажа проявило германское флотское общество «Флот-Ферейн». С помощью своих агентов общество составило точные навигационные карты Либавского и Рижского рейдов, Белого моря и Дальневосточного побережья.

Не менее энергично действовали и страховые общества. Страхуя то или иное предприятие, немецкие агенты требовали представления самых подробных планов, чертежей, описей имущества, а также спецификаций земельных участков, построек, оборудования фабрик, заводов, пароходов и т. д.

Полученные данные страховое учреждение размножало в двух копиях, одну из которых иаправляло в германский генеральный штаб, а другую — в центральное военно-статистическое бюро, где существовал специальный «стол сведений от страховых обществ» во главе с доцентом Круллем.

* * *

Помимо шпионажа посредством торгово-промышленных фирм и немецких колонистов, германская разведка имела в России десятки других шпионских центров, тесно связанных с германским посольством. В Петрограде орудовала группа во главе с офицером германского генштаба Зигфридом Геем, проживавшим в России под видом представителя одного из немецких телеграфных агентств. В районе Варшавского военного округа действовала группа под руководством немецкого консула графа Лерхенфельда. Матерый шпион К. Г. Вальтер занимался организацией шпионажа на Дальнем Востоке и в Сибири. Австрийский консул Геринг, державший тесную связь с германской разведкой, возглавлял шпионский центр на юге России. Подобную же миссию на Кавказе выполнял немецкий консул в Тифлисе граф Шуленбург. В районе Киевского военного округа активную шпионскую деятельность развернул крупный коммерсант и промышленник Александр Альтшиллер. Наряду с военным шпионажем, он проводил вербовку новых агентов, обращая особое внимание на военных. Характерным с этой точки зрения является вовлечение в шпионскую организацию генерала Сухомлинова, командующего Киевским военным округом, а впоследствии военного министра.

Опытный немецкий шпион Альтшиллер тщательно изучил личную жизнь генерала и нашел слабое место, которое позволило ему наметить правильный путь к осуществлению своей цели. Шестидесятилетний генерал находился в интимных отношениях с женой киевского помещика Екатериной Бутович. Молодая легкомысленная женщина, любительница разгульной жизни и роскошных нарядов, без особых затруднений была опутана шпионской сетью и стала деятельной помощницей Альтшиллера. Вскоре она познакомила Сухомлинова с Альтшиллером и другими немецкими шпионами. Неожиданно для себя Сухомлинов оказался в окружении германских шпионов. День за днем Альтшиллер ловко входил в доверие генерала, а после того, как он успешно провел бракоразводный процесс Ека-

терины Бутович с ее старым мужем и дал возможность дряхлому старику жениться на двадцатидвухлетней красивой авантюристке, он стал своим человеком в семье Сухомлинова. Екатерина Бутович (теперь уже в качестве жены Сухомлинова) тратила бешеные деньги на наряды и любовников. Только за три года (1912—1915) она истратила 76462 рубля на платья и безделушки. Сухомлинов, разумеется, не имел возможности оплатить все расходы расточительной жены, и здесь на помощь охотно приходил Альтшиллер. Постепенно Сухомлинов оказался целиком в руках германской разведки. При его содействии немецкие шпионы получали важнейшие документы военного министерства.

Подобную же роль выполнял и другой шпион — инженер Николай Гошкевич, двоюродный брат жены Сухомлинова. Германская разведка использовала Гошкевича и его жену, красивую и распутную женщину, для пересылки за границу шпионских донесений. Супруги Гошкевичи представляют собой яркий пример морального падения. О их нравственном лице можно судить хотя бы по тому, что любвеобильная Анна Андреевна с согласия мужа делила свою постель с другим германским шпионом — Максимом Веллером. Именно такие люди, как Гошкевичи, не имевшие никаких моральных устоев, и составляли основной кадр немецкой разведки.

Крупного шпиона в России имела германская разведка в лице известного Мясоедова. Шпионская карьера этого авантюриста началась примерно в 1903 году и продолжалась вплоть до 1914 года. Исполняя должность заместителя, а потом и начальника Вержболовского отделения Петербургского железнодорожного жандармского управления, Мясоедов имел широкие возможности для своей подрывной деятельности. Частые поездки за границу «на лечение» давали ему возможность беспрепятственно провозить в Германию ценнейшие сведения и документы. В тех случаях, когда ему не удавалось самому побывать в Берлине, он передавал собранные материалы Анне Гошкевич, которая регулярно навещала его во время поездок за границу.

Немецкая разведка весьма высоко оценивала услуги Мясоедова. В сентябре 1905 года сам Вильгельм пригласил его в имение Роминген, где дал в его честь роскошный обед. Тесная связь Мясоедова с германскими властями уже в 1905 году вызывала подозрение, но только спустя два года, под давлением общественного мнения, он был уволен в отставку. Эта мера нисколько не помешала Мясоедову продолжать шпионаж в пользу Германии.

В 1909 году Мясоедов познакомился с военным министром Сухомлиновым, и с этого периода начинается их совместная деятельность на поприще шпионажа. Они вместе выезжают «лечиться» на немецкие курорты, устраивают пышные банкеты, обсуждают секретные военные мероприятия русского правительства. После каждой беседы с царем Сухомлинов делился своими впечатлениями с Мясоедовым, Гошкевичем и Альтшиллером, а спустя несколько дней в германском генеральном штабе уже знали все подробности аудиенции у царя, вплоть до подлинных выражений Николая.

За несколько лет до войны немецкая разведка потребовала от Мясоедова возвращения его на военную службу. Предыдущие скандальные истории делали этот шаг трудным даже для такого проходимца, как Мясоедов. Тем не менее он обратился к царю с просьбой о зачислении его в корпус жандармов. Сухомлинов горячо поддержал своего друга, и в 1911 году Николай II через голову министра внутренних дел приказал восстановить Мясоедова на службе в отдельном корпусе жандармов. А через несколько месяцев матерый шпион был переведен в военное министерство. При этом ему было поручено заведовать как раз тем отделом, который должен был бороться с иностранным шпионажем. Таким образом, немецкому шпиону доверялась защита интересов государства от немецкой разведки. Разумеется, что при таких условиях о серьезной борьбе с германским шпионажем не могло быть и речи. Более того, в результате назначения Мясоедова ставилась под угрозу работа русской заграничной разведки.

* * *

Во время войны немецкий шпионаж возрос во много раз. Теперь наряду с кадровыми шпионами-профессионалами, годами занимавшимися своим тайным ремеслом, к шпионажу привлекались сотни и тысячи людей самых различных профессий. Помимо генерального штаба, ведавшего шпионажем в глубоком тылу и руководившего наиболее крупными шпионами в действующих армиях, существовала шпионская сеть под руководством разведывательных отделений штабов армий, корпусов, дивизий.

«Приемы неприятельской разведки в тылу и профессии, которыми занимаются шпионы, — говорится в одном из документов русской контрразведки, — поражают своим разнообразием. Тут встречаются артисты и артистки кафе-шантанов, проститутки, уголовники, мальчишки-подростки, нищие-калеки, фабричные и заводские рабочие, железнодорожные агенты и т. д. и т. д. Особенно охотно пользуются наши враги для разведки кафе-шантанными артистками и проститутками. Для этой цели выбираются женщины красивые, изящные и интересные».

Одним из крупнейших мероприятий группы Мясоедова в первый год войны являлась передача генеральному штабу «Перечня важнейших мероприятий военного ведомства с 1909 г. по 20 февраля 1914 г.».

Этот «Перечень», составленный накануне войны, представлял собой развернутый отчет о военных мероприятиях России за пятилетний период. О его содержании были информированы только царь, военный министр, председатель Совета министров и начальник главного управления генерального штаба.

В апреле 1915 года некий Думбадзе подал на имя Сухомлинова докладную записку с просьбой разрешить ему выехать в Германию в качестве русского разведчика. Свое решение он мотивировал тем, что близко знаком с германским послом в Швеции Люциусом и многими лицами из правительства и военного министерства. Стоило ему, писал Думбадзе, только прикинуться грузинским националистом и врагом России, как он завоюет доверие германского генерального штаба и перед ним откроются все секреты.

Военный министр, прекрасно осведомленный об истинных целях этой поездки, поспешил представить докладную записку царю, а тот с готовностью дал согласие на выезд Думбадзе за границу. Следует отметить, что разведывательное отделение генерального штаба протестовало против этой поездки, но Николай не счел нужным прислушаться к предложениям разведывательного отделения.

Летом 1915 года В. Думбадзе выехал через Швецию в Германию, предварительно получив через Гошкевича копию «Перечня». В Берлине Думбадзе устроили пышную встречу. В день приезда он имел беседу с заместителем министра иностранных дел Циммерманом, бывшим послом в России графом Пурталесом и др. видными сановниками. На следующий день он был принят начальником генерального штаба, которому и передал секретный документ военного ведомства. Вернувшись через 2 недели в Россию, Думбадзе представил отчет о своей поездке. На 19 машинописных страницах немецкий шпион излагал под видом важнейших агентурных данных давно известные сведения. Царь остался доволен поездкой Думбадзе в Берлин. Еще более был доволен германский генеральный штаб...

Сам Мясоедов, в связи с началом войны, решил перенести свою шпионскую деятельность в действующую армию. При содействии военного министра он был назначен руководителем агентурной разведки X армии, оперирующей на Западном фронте. Это перемещение было на руку германской разведке, так как давало ей возможность получать данные об оперативных планах русских армий. Мясоедов старался полностью использовать все выгоды, вытекающие из его нового назначения. Через своих доверенных лиц он имел точнейшие данные не только о X армии, в которой он служил, но также и о I и II армиях.

18 августа 1914 года по приказу главного командования армия генерала Самсонова перешла в наступление в Восточной Пруссии и после двухдневного ожесточенного боя отбросила 20-й германский корпус на запад. Потерпев поражение, немецкий генерал Притвиц принял решение оставить Восточную Пруссию. Но начальник генерального штаба фон Мольтке, племянник знаменитого немецкого стратега, отменил приказ Притвица. Это распоряжение было вызвано вовсе не тем, что немецкое командование нашло талантливое решение создавшейся стратегической обстановки (Мольтке-младший был бездарным генералом, имеющим лишь одно достоинство — популярную фамилию), а тем, что в его руках оказались подробные планы наступающих русских армий. Мольтке знал, что Самсонов вырвался вперед и что между его армией и армией Ренненкампфа образовался разрыв более чем в 100 километров. Разобщенность русских армий давала возможность бить их поодиночке. Заранее предупрежденный о наступлении, фон Мольтке перебросил на Восточный фронт 5 дивизий, с помощью которых Гинденбург, сменивший Притвица, окружил армию Самсонова и почти полностью ее уничтожил. Вслед за этим удар был перенесен на Ренненкампфа, который был вынужден отступить, понеся при этом большие потери.

Когда немцы получили от Мясоедова сведения о переброске 22-го корпуса из Восточной Пруссии на Юго-Западный фронт, они с огромной силой обрушились на ослабевший фланг X армии и заставили отступить русские войска. Предатель Мясоедов не только обеспечил успех немецких войск в этой операции, но и деятельно подготовлял сдачу врагам крепости Осовец со всеми ее орудиями. Но здесь немцам пришлось иметь дело с героическими русскими солдатами. В тяжелых условиях они отбили атаки противника, сохранив крепостную артиллерию.

Только на второй год войны, когда стали открыто говорить о грандиозном предательстве, царское правительство приняло меры к ликвидации отдельных шпионских групп. В феврале 1915 года были арестованы шпионы Мясоедов, Иванов, Гошкевич, Максим Веллер и др. В мае того же года был издан закон о ликвидации существовавших в России немецких фирм. Наконец, в июне 1915 года был снят с поста военного министра Сухомлинов. Эти меры несколько оздоровили обстановку, но они, несомненно, не ликвидировали и не могли ликвидировать всей шпионской сети. В прогнившем теле царизма продолжали копошиться шпионские черви...

Публикация
СЕРГЕЯ КУДРЯШОВА

ВЯЧЕСЛАВ КОШЕЛЕВ,
доктор филологических наук (Череповец)

СТРАСТИ ИЗ-ЗА БОРОДЫ

Когда Петр Великий резал бороды своим боярам, это было, понятно, «варварское средство борьбы против варварства». Подобное же деяние «царя-освободителя», явление через полтора столетия, представало событием совершенно иного культурологического рода.

И откуда, собственно, явились «бородатые» в «безбородом» обществе?

«Один славянофил, то есть человек, видящий национальность в охабнях, мурмоляках, лаптях и редьке и думающий, что, одеваясь в европейскую одежду, нельзя в то же время остаться русским, нарядился в красную шелковую рубаху с косым воротом, в сапоги с кисточками, в терлик и мурмолку и пошел в таком наряде показывать себя по городу. На повороте из одной улицы в другую обогнал он двух баб и услышал следующий разговор: «Вона! вона! гляди-ко, матка! — сказала одна из них, осмотрев его с диким любопытством, — глядь-ка, как нарядился! должно быть, настранец какой-нибудь!».

Эта маленькая реплика-фельетон появилась в начале 1846 года в альманахе «Первое апреля»: вероятным автором ее считается Некрасов. В ней пересказывается распространенный в ту пору анекдот, героем которого был «передовой боец славянофильства» Константин Сергеевич Аксаков. В ином варианте этот анекдот передал Герцен в «Былом и думах»: *«Во всей России, кроме славянофилов, никто не носит мурмолок, а К. Аксаков оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персианина...»*

Эффект появления К. Аксакова при бороде и в сапогах посреди изысканных московских салонов был воспринят современниками (и соответственно потомками) едва ли не как самое шумное представление собственно славянофильской пропаганды. Между тем, обратившись к документам, увидим, что почти все деятели, которых мы привыкли «числить» в славянофилах и им сочувствующих, отнеслись к этой «демонстрации» весьма настороженно.

Безбородые почему-то хотят непременно обрить бородатых, связывая с этим деянием благопроцветание обоих обществ. Полковник Кошкарев из второго тома «Мертвых душ» Гоголя «ручался головой, что если только одеть половину русских мужиков в немецкие штаны, — науки возвысятся, торговля подымется и золотой век настанет в России». И ежели разобраться, то в основе своей это упование «сумасшедшего» полковника вовсе не так уж фантастично...

Периодически подобные фантастические упования едва не переходили в реальность. Вот начало любопытной «прокламации», составленной в 1856 году: «Х...ва пригласили к полицмейстеру З...ну и обязали подпискою выбрить бороду и не носить в публике национального платья...»[1]. Зашифрованные имена были вполне ясны для современников: Алексей Степанович Хомяков, лидер русских славянофилов, прославившийся не только своими статьями и стихами, но и пристрастием к бороде и «русской одежде», и Дмитрий Николаевич Замятин, будущий министр юстиции. При этом, как подчеркивает автор «прокламации», «полиция потребовала подписку о неношении бороды и русского платья, основываясь на Высочайшем повелении», то есть на распоряжении «высокообразованного, благодушного императора Александра II...»

Младший брат Константина Иван, служивший в Петербурге, слал язвительные письма: *«Итак, Константин снял с себя дагерротип в русском костюме: истый москвич с татарскою фамилиею и нормандского происхождения, в костюме XVII столетия, сшитом французским портным, изобретением западным XIX века передал черты лица и святославской шеи медной доске...»*

Ближайший друг и единомышленник Юрий Самарин восклицал: «...Ради Бога, перемените образ жизни, образ действия, бросьте мурмолки...»

Гоголь из Италии: *«Борода, зипун и проч. Он просто дурачится... Этот человек болен избытком сил физических и нравственных; те и другие в нем накоплялись, не имея проходов извергаться...»*

Зимой 1844/45 года Константин Аксаков оказался перед нелегким испытанием. Незадолго перед этим явились первые славянофильские статьи, в которых едва обозначились контуры нового учения; успели определиться его противники и союзники. Только успели — и вот «передовой боец славянофильства» оказывается предметом общих насмешек.

Аксаков между тем знал, на что идет, решившись на свой «маскарад». Сохранилось его черновое письмо к Д. Н. Свербееву:

«Я надел, наконец, русское платье, с тем, чтоб никогда не скидывать его. Я сделал это не в порыве живого увлечения с легкою радостию и весельем, очень понятными в этом случае, даже не в чувстве энтузиазма, когда душа непременно напряжена и не совсем естественны ее напряженные силы.

Нет, я сделал это спокойно, свободно и серьезно; но чем серьезнее, тем тверже»[2].

Прервем цитату. Гоголь точно подметил «избыток сил» в этом могучем тридцатилетнем здоровяке, привыкшем все проявления жизни доводить до крайних пределов. Но статьи в журналах — почти не печатают, высказывать сокровенные идеи — немыслимо при существующей цензуре. А медленного, постепенного «просветительства» — не принимает кипучая душа. Нужно что-то яркое, броское, необычное. При этом (в отличие, например, от позднейших «маскарадов» русских футуристов) нарушение Константином Аксаковым привычных установок общественного поведения имело для него глубочайший внутренний смысл. Человек, нравственно сознающий себя русским, должен и одеваться по-русски.

Детали русского наряда появлялись в московских салонах и раньше. Так, еще в конце 30-х годов отпустил бороду старший его «соратник» — А. С. Хомяков, а русский «полукафтан» предпочитал на домашних приемах С. Т. Аксаков-отец. В начале сороковых годов братья Языковы, Николай и Александр Михайловичи, завели полушутливую моду на шапки-мурмолки, точнее «мурмонки» (от Мурмана), красивые северорусские меховые шапки, выдернутые из седой старины, да еще и с экзотическим названием: не то «мурло», не то «ермолка»... Константин прибавил к тому зипун, расшитый кафтан (как при Алексее Михайловиче носили!).

В 1844 году Юрий Самарин предостерегал Аксакова и Хомякова: *«Появились несчастные мурмолки и святославки. Согласитесь сами, что их нельзя было не принять за условный знак соединения и что должна была пробежать мысль о политической партии, а всякую партию, всякое оппозиционное направление против правительства общественное мнение у нас осуждает...»*

Самарин как в воду глядел: вскоре это «общественное мнение» выразилось в рапорте попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова на имя управляющего III Отделением Л. В. Дубельта. Строганов сообщал о «непозволительной» статье К. Аксакова

«Семисотлетие Москвы», напечатанной в «Московских ведомостях»: *«Корифей в кругу незначительного общества, этот молодой человек отличается разными странностями: он носит старинную русскую одежду, не раз уже отпускал себе бороду и разными причудами старается обратить на себя общее внимание»*[3]. Прямой «крамолы» здесь нету, но ведь «общественное мнение» зря не осудит...

«Одежда русская, — продолжает Константин в письме к Свербееву, — *не безделица, и ее принять вновь, по моему твердому убеждению, и естественно, и необходимо. Почему не надеть русскому человеку русского платья? Во-первых, почему всякому не ходить, как он вздумает? — Но если на то найдутся возражения, то, во-2-х, как запретить русскому надеть русское платье? В-3-х, к платью присое [диняется] непременно историческая мысль, и оно тесно связано с образом жизни, с положением сословий в России. В-4-х... но я думаю написать статью собственно об одежде, в коей надеюсь изложить достаточно все доказательства. Во всяком случае, по твердому убеждению мысли, по влечению чувства, я надел русское платье — с тем, чтоб его никогда не скидывать!»*

Николаевская Россия такого не допускала: ежели все к «историческим мыслям» потянутся, то какой же порядок в государстве?..

Миновал 1848 «холерный год». Отошла эпидемия холеры, поразившая Петербург и Москву; отхлынула волна европейских революций, зачинщиками которых, по мнению обывателя, были как раз тамошние «длинноволосые» и «долгобородые». «Зачинщиков» стали искать и дома.

В апреле 1849 года Степан Васильевич Перфильев, видный чин московской полиции (добрый знакомый Аксаковых и Хомякова), известил «бородатых» москвичей, что они, по Высочайшему повелению, тотчас же должны бороды свои обрить. Циркуляр министра внутренних дел гласил: «Государю не угодно, чтоб русские дворяне носили бороды: ибо с некоторого времени из всех губерний получаются известия, что число бород очень умножилось...»

Далее следовало теоретическое

обоснование: «На Западе бороды — знак, вывеска известного образа мыслей; у нас этого нет, но Государь считает, что борода будет мешать дворянину служить по выборам...»

С. Т. Аксаков, получивший это распоряжение, с грустью думал о сыне: «*Мне это ничего, я уже прожил мой век, а тяжело смотреть на Константина, у которого отнята всякая общественная деятельность, даже хоть своим наружным видом*».

Константин думал об отце: «...*в его лета вдруг изменить свою наружность, согласную с его возрастом, образом жизни и мыслями, оскорбительнее как-то, чем в мои средние годы*».

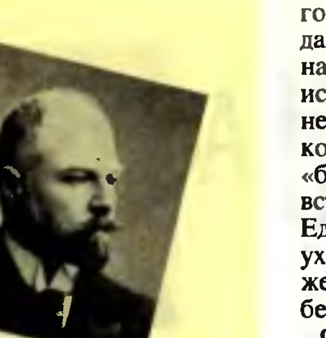
А Хомяков рассмеялся и привел мудрые слова своего управляющего Василия Александровича Трубникова:

— Велено бриться — что ж? И бриться станем, коли в том общая польза!

К. Аксаков, судя по его письмам этой поры, был даже доволен таким оборотом дела: он наконец-таки обрел *противника* своей «демонстрации», ибо «борода есть часть русской одежды; с воспрещением бороды воспрещается и русское платье». *Противник* в данном случае был серьезным приобретением: усмешки и ухмылки можно лишь молча переносить — открытое противодействие толкает на обличения:

«*Как хорошо, если б представить в историческом очерке роли, которые разыгрывали в течение полутораста лет с Петра в России, — платье немецкое, иностранное — и платье русское. Здесь был бы виден тон и строй той и другой жизни. Много гнусных попыток и измен пятнают платье иностранное! О, сколько зла, сколько зла принес нам Запад! И сколько еще зла может принести он, если не прекратится его влияние, которого один из главных проводников — мода!*»

Противник, правда, оказался не тот, о каком мечталось: не западники, не либералы-петербуржцы, а «Государь наш, в котором так часто выказывается русское чувство»... И дело даже не в том, что этот противник опасен. «Государь» — такая же неотъемлемая часть славянофильской системы «народности», как и русское платье. Вопрос о том,

подчиняться или не подчиняться государю, перед Константином даже не стоит: «Как скоро объявят нам циркуляр, мы, я и Отесенька, исполним немедля объявленное в нем приказание». Но как свести концы с концами, ежели русская «борода» и российский «Государь» вступают в реальную антиномию? Единственное, что остается, это уходить, используя любимое выражение К. Аксакова, «в чистую, хотя бессильную оппозицию».

Фарс между тем разворачивался.

С. Т. Аксаков пишет убеждающее послание к шефу жандармов графу А. Ф. Орлову: «...*Я и старший сын мой носим бороды вместе с русским платьем. Борода составляет необходимую принадлежность русской одежды: сбрить бороды — значит скинуть русскую одежду. Мы оба, я уже по старости и болезненности, а сын мой по расположению духа и ради ученых занятий, надев русское платье вследствие задушевного убеждения, тем самым отказались от светского общества и проводим жизнь уединенно, в тишине семейного круга. Считаю ненужным распространяться о том, что в поступке нашем нет ничего неблагонамеренного, никакой посторонней мысли*».

Жандармские чины вполне сочувствуют «бородатым», но есть циркуляр...

Сергей Тимофеевич предлагает иной выход: «...*Если, по каким бы то ни было причинам, пребывание в Москве русского дворянина в русском платье, даже исключительно в собственном доме, появление его на улице и во храме Божием может показаться предосудительным, то мы с сыном немедленно переедем в деревню и не будем выезжать в Москву до тех пор, пока местное начальство того не позволит... Путем целой жизни дойдя до убеждения, что неслужащему русскому человеку нужно ходить в русском платье и с бородой, — вдруг торжественно от него отказаться, обриться и переодеться — тяжелее, чем доживать свой век в деревенском уединении*».

Аксаковых вежливо остановили: государю вовсе не угодна ссылка в деревню — московские «бороды» так уже нашумели по России, что их ни в какой деревне не спрячешь!

После обрития бород и соответ-

ствующей «расписки» в полиции (к Сергею Тимофеевичу, по болезни его, пришли взять подписку на дом) Аксаковы в мае 1849 года уехали в Абрамцево.

Хомяков обрился, не дожидаясь «расписки». В письме к своей петербургской знакомой графине А. Д. Блудовой, он заметил: «...*наконец, в Питере нашлись люди, которые хотели всех нас перебить. Что за строгое, боевое время! Боюсь, право, как бы оно не подействовало на нас. Каково будет это? Беспечный, веселый Хомяков, который от роду никакой претензии не имел, кроме неудачной претензии на бороду, вдруг сделается хмурым и сериозным Безбородкою. Я и так замечаю, что каждые два дня я сержусь по целому получасу (когда бреюсь). Ну, как эта лихорадка испортит мне характер! И так на днях я как-то горячился случайно в разговоре с приятелем, и приятель мне объявил очень важно: «mon cher, vous souffrez d'une barbe rentree»*».

Все встало на места. Николаевская бюрократия, ошалевшая от безграничной власти, не могла позволить никакого нарушения высочайше установленного шаблона. Шаблона во всем — даже в бороде, которая не была «пропущена», как не пропускались к печати славянофильские статьи. И в этом случае борьба за право на бороду утверждалась как общественно значимое деяние.

...Константин Аксаков больше никогда не надевал ни зипуна, ни мурмолки: он предпочел являться в обществе в кургузом немецком сюртуке (который, как свидетельствует современник, «как-то неловко сидел на его коренастой фигуре») и, соответственно, выглядеть «гонимым». Только лет через десять, уже к концу жизни, он вновь отпустил окладистую бороду.

С. Т. Аксаков, болезненный и почти никуда не выезжавший, недолго ходил безбородым. В нашем, потомков, сознании он запечатлелся, как на портрете И. Н. Крамского или картине К. А. Трутовского, — этаким «дедушкой» с длинной седой бородой и в широком домашнем архалуке.

Хомяков тоже уехал на лето в деревню, а к зиме вернулся в Москву в прежнем виде, в полукафтане, зипуне собственного покроя, мехом отороченном, и пресловутой шапке-мурмолке (таким он изображен на известном рисунке Э. А. Дмитриева-Мамонова). И, соответственно, при бороде: густая и черная, она у Алексея Степановича очень быстро отрастала.

Жандармские власти предпочли не заметить этого «возврата»: не устраивать же из-за одного московского чудака новую «историю» с высочайшим «циркуляром»?.. Тем более что скоро всем стало не до «бороды». За это время над головами славянофилов не раз сгущались тучи посерьезнее: арестовывались И. Аксаков и Ю. Самарин, неоднократно запрещались славянофильские статьи, а в 1852 году, после скандала с изданием «Московского сборника», Аксаковым, Хомякову, Киреевскому и князю Черкасскому было сделано «наистрожайшее внушение за желание распространять нелепые и вредные понятия» и воспрещено «даже и представлять к напечатанию свои сочинения».

18 февраля 1855 года умер Николай I. Славянофилы решили действовать в обыкновенном своем духе: издавать журнал. В конце того же года Хомяков отправился в Петербург: добиваться разрешения об отмене запретов. Обстоятельства этой поездки опять-таки оказались связаны с «бородой» и «русским платьем». Вот как о них вспоминает его сын Дмитрий Алексеевич:

«*В эту поездку Хомякова в Петербург императрица Мария Александровна пожелала его видеть. Он, как известно, ходил в русском платье, в то время опальном и для многих представителей высшего общества отвратительном. В тогдашней французской газете «Le Nord» была даже статья из Петербурга, в которой описывался Хомяков, показавшийся в поддевке в петербургских гостиных. Приехать в таком наряде образованному человеку во дворец считалось невозможным, и Хомяков на этот случай заказал себе фрак. Кажется, даже и день представления государыне был предназначен; но случилось вот какое обстоятельство. У графа Блудова встретил его граф Киселев, и, разумеется, за словом Алексей Степанович в карман не лез. Потом граф Киселев был у Государя и мимоходом выразил удивление, каких людей принимает у себя старик Блудов; причем комически описал, в каком платье и какого гостя он встретил. Немедленно выражена была воля, вследствие которой представление не состоялось. Надо вспомнить, что в это время покойная государыня, ко благу России, еще имела большее влияние на государственные дела, и потому нельзя не пожалеть, что она не беседовала с Хомяковым*».

Но нет худа без добра: Александр II, отказывая Хомякову в высочайшей аудиенции, поинтересовался, чего этот странный гость хочет в Петербурге. А узнав, приказал эти злосчастные запреты отменить, после чего и начал выходить славянофильский журнал «Русская беседа»...

В марте 1856 года, сразу после заключения позорного для России Парижского мира, Александр II появился в Москве. Тогда-то и воспоследовало новое запрещение бороды и русского платья и та «прокламация», начальные строки которой приведены в первых абзацах этой статьи.

«Костюм — великое дело», — заметил русский философ А. Ф. Лосев в своей «Диалектике мифа». Но костюм — это и мифология, предстающая как *история*. Ибо история проявляется в людях. И не переменился ли тот же И. С. Тургенев, активно боровшийся в 40-е годы с «бородой» К. С. Аксакова, когда сам отпустил-таки окладистую бороду?

И почему вдруг, лет через десять после описанных событий, начали обрастать своими «знаменитыми» бородами Салтыков-Щедрин, Достоевский, Лев Толстой, а в конце концов и сам император Александр II?

ПРИМЕЧАНИЯ

Приведенные в статье цитаты взяты из следующих изданий: Венгеров С. А. Передовой боец славянофильства Константин Аксаков. СПб., 1912; И. С. Аксаков в его письмах. Т. I. М., СПб., 1888; Самарин Ю. Ф. Соч. Т. 12. М., 1911; Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1900; Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988; Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. М.—Л., 1960—1968. Т. 1, 4; Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. М., 1949; Русский архив. 1890. № 12.

1. ИРЛИ. Ф. 250. Оп. 5. Ед. хр. 92 (архив А. Н. Пыпина). Далее цитируется по этому же источнику.

2. РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 48.

3. ОПИ ГИМ. Ф. 404. Ед. хр. 26. Л. 44 (архив Д. П. Голохвастова).

НАТАЛЬЯ ПИРУМОВА,
доктор исторических наук

ЗЕМСТВА И ПОЛИТИКА

Появление на Руси земского самоуправления стало важнейшим фактом политического развития страны вопреки первоначальным ожиданиям правительства. В недрах земских учреждений вызревали идеи и политические деятели либерального направления, бесповоротно отвергаемого как пригревшимися подле власти «охранителями», так и их неистовыми противниками из революционного лагеря. Сегодня мы попытаемся детально разобраться в том, какое место занимали земства в политической структуре пореформенной России.

В условиях самодержавно-бюрократической системы политическое значение земских учреждений было определено самим фактом их возникновения.

Уже в материалах комиссии, работавшей над земской реформой, высказывались мысли о том, что заведование делами уездов и губерний должно быть вверено самому населению, земским учреждениям должна быть предоставлена действительная и самостоятельная власть, а правительственной власти «нет надобности... в прямом ее вмешательстве и влиянии на ход дел».

Приспособить прежние порядки на местах к новым условиям, которые должны были сложиться после освобождения крестьян, было невозможно. По справедливому замечанию Н. В. Шелгунова, «земство явилось не в виде уступки каким-то мечтательным либеральным требованиям, а как следствие сознанной правительством необходимости»[1].

Однако сразу же после обнародования «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» (1864) стало ясно, что мирное сосуществование самодержавия с земствами невозможно.

С. Ю. Витте отмечал, что «противоположение местного самоуправления правительству или верховной власти неизбежно в том смысле, что здесь означенная власть основана на одном принципе — единой и нераздельной воле монарха, а местное самоуправление на другом принципе — самостоятельной деятельности выбранных населением представителей»[2].

«Выбранные представители» (иными словами, гласные земств) стали серьезной силой общественной жизни. Либеральное движение, развивавшееся с 40-х годов, нашло себе опору и поддержку среди левого крыла гласных. Земское либеральное движение стало играть главную роль в процессе консолидации оппозиционных самодержавию сил вплоть до создания в начале XX века политических партий.

Политическая борьба вокруг земства не прекращалась все годы его существования. В ней участвовали в основном три силы: правительственный лагерь, либералы разных направлений и революционеры.

Стремлению либералов к мирному прогрессу, реформам, к расширению прав местного самоуправления противостояли, с одной стороны, консервативная

бюрократическая система власти, а с другой — натиск революционных сил, отрицающих реформы, призывающих к классовым битвам. «...Будить ненависть и возмущение, разжигать готовность и страсть к борьбе»[3] — таков был в начале XX века призыв Ленина.

Конституция как средство против террора

Конкретные политические действия земцев начались в 1878 году на фоне революционного террора народовольцев, охватившего южные губернии России. В Киеве и Одессе в это время действовали члены «Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии». Они совершали террористические акты, выпускали прокламации. Свидетель этих событий Л. Г. Дейч писал, что «заявления, тогда казавшегося неуловимым тайного комитета, производили на общество и на само правительство не поддающийся описанию неимоверный трепет»[4]. В такой обстановке либералам, ищущим цивилизованные пути ограничения самодержавия, казалось, делать было нечего. Однако небольшая группа либеральных земцев попыталась принять меры и предотвратить террор, мирно разрешить конфликт власти и общества.

Во главе этой группы встал черниговский гласный Иван Ильич Петрункевич. Он обладал аналитическим умом, твердой волей и верил в возможность создания в России правового государства путем углубления реформ и принятия конституции. Петрункевич вместе с другим гласным — А. Ф. Линдфорсом решили встретиться с террористами лично. Надежды на успех переговоров были небезосновательны, поскольку идея конституции имела определенный успех среди революционеров.

Организовать встречу было трудно. Киев был на военном положении. Везде искали террористов. Помог близкий к революционным кругам казначей «Старой Громады» Вильям Людвигович Беренштам. На его квартире 3 декабря 1878 года состоялось свидание земцев с южными террористами. Там же с ведома Беренштама (при неведении всех остальных) присутствовала замечательная деятельница русского освободительного движения графиня Анастасия Сергеевна Панина. Обладая большим состоянием и не зная, какой из сторон следует помогать, она хотела услышать аргументы как революционеров, так и либералов. В итоге она приняла полностью точку зрения Петрункевича и впоследствии стала его верной помощницей.

Петрункевич говорил о необходимости конституции для всех политических сил страны, не исключая и социалистов; предлагал соединиться всем направлениям и группам, но выдвигал одно условие: прекращение террора. Это предложение было отвергнуто революционерами. Тогда Петрункевич попробовал установить действенный контакт с демократическими силами страны. Он обратился к властителю дум того времени Николаю Константиновичу Михайловскому, но и тот не поддержал стремлений земского либерала.

«Народу нужна не конституция, а земля, тем более не конституция, добытая дворянством с дворянскими интересами на первом месте... Обеспеченный землею народ в свое время создаст политические формы, отвечающие его действительным интересам»[5], — так ответил Михайловский, не подозревавший о тех политических формах и той земле, которые достанутся в итоге российскому народу.

Адреса и съезды

Революционный террор продолжался. В августе 1878 года правительство впервые обратилось к обществу с просьбой о помощи в борьбе с разрушительными идеями. Земства, имеющие права ходатайств, обращенных к верховной власти, воспользовались этим случаем. Свои адреса направили 14 губернских и 12 уездных земств. 5 губернских собраний (Харьковское, Полтавское, Самарское, Тверское и Черниговское) в той или иной форме высказались за необходимость конституционных преобразований. Наиболее достойно звучал Черниговский адрес: «Борьба с разрушительными идеями была бы возможна лишь в том случае, когда бы общество располагало соответствующими орудиями... слово, печать, свобода мнений, и свобода науки...

Не обладая чувством, заставляющим подчиниться закону, не имея гарантий в законе, не имея общественного мнения... лишенное свободы критики... русское общество представляет разобщенную инертную массу, способную поглощать все, но не способную к борьбе. Потому земство Черниговской губернии с невыразимым огорчением констатирует свое полное бессилие принять какие-либо политические меры в борьбе со злом и считает своим гражданским долгом довести об этом до сведения правительства»[6].

Не менее критичным был и Тверской адрес. В нем утверждалось, что террор революционеров не более как внешний признак «общих глубоких недугов... общественного организма». Перечисляя эти недуги, земцы, в частности, писали, что «суд и закон перестают охранять личность, вполне подчиненную произволу администрации». Для поддержки обществом прави-

тельства нужны другие условия, другой путь развития, основанный на силе права и закона.

Таковы были официальные декларации земцев. Но наряду с ними предпринимались и действия нелегальные.

В 1879 году состоялся первый земский съезд, постановивший организовать на местах распространение конституционных идей и содействие всяким попыткам предъявления конституционных требований. В брошюре Петрункевича «Очередные задачи земства» эти требования были изложены достаточно четко: «Земским силам желательно: свобода слова и печати, неприкосновенность личности, уничтожение административной ссылки и произвола администрации, независимость крестьянского сословия от полиции, изменение системы налогов... исполнение правительственных законов, им же издаваемых».

Автор брошюры понимал, что «никакое правительство не даст само таких учреждений, которые бы надевали действительную узду на его произвол... Люди, готовые служить народу, должны взять на себя почин в исполнении великой задачи».

Люди эти, по мнению Петрункевича, служат народу в земствах, земство же «роковым путем идет к своей политической миссии... Вопрос лишь в том, сумеет ли оно встать на высоту своей роли. Если эта задача окажется не по силам земству, если оно откажется от исполнения ее, все что есть живого и мыслящего в обществе примкнет к революционному движению, а земство, как учреждение умрет вместе со смертью старого строя».

Задача, поставленная лидером движения перед земством, была поистине великой. Институту местного самоуправления, созданному еще не многим более десяти лет назад, надлежало решать проблемы политической перестройки государственной власти.

Однако земство не было готово к таким действиям. Радикальность политических построений Петрункевича не опиралась на реальные силы земских учреждений. Позицию, высказанную в брошюре «Очередные задачи земства», разделяло лишь меньшинство гласных нескольких земств. Но в политической борьбе решительно действующее меньшинство значит гораздо больше аморфного большинства. К тому же сам факт вступления земств на политическую арену начал содействовать объединению либеральных сил, с одной стороны, и определенной либерализации правительственного курса — с другой.

Выразителем этого курса с начала 1880 года стал граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Именно к нему с «Запиской о внутреннем состоянии России» обратилась группа либерально настроенных московских деятелей, требующих создания «особого самостоятельного собрания представителей земств» для участия в государственном управлении «с прочным обеспечением прав личности на свободу мысли, слова и убеждений»[7]. Эти же идеи высказывала газета «Земство»[8].

В июне 1881 года Тверское губернское земское собрание решило ходатайствовать о созыве народных представителей «в особое совещательное учреждение, при содействии которого только и могут быть успешно выработаны и проведены в жизнь необходимые законодательные меры»[9]. В постановлении подчеркивалось, что никакие реформы, «поставленные властью», не смогут достигнуть цели без предварительного рассмотрения их представителями всей русской земли.

Земский собор

Политическая обстановка в стране накалялась. Все больше людей требовало представительного правления. Так, новгородский гласный Н. Н. Нечаев полагал, что «наэлектризованная общественная атмосфера должна разрядиться кровавой катастрофой... Громоотводом могут служить не частные меры, но коренное преобразование всего общественного строя...

Оглядываясь кругом себя, мы, кроме земства, не видим ни одной общественной силы, которая могла бы принять деятельное участие в деле нашего спасения». В письме к известному публицисту и земскому деятелю В. Ю. Скалону Нечаев указывал, что, несмотря на разные идейные течения как в земской среде, так и в целом в обществе, люди могли бы сойтись на созыве Земского собора.

Идея Земского собора периодически возникала в российской истории. Каждое направление (демократы, либералы, консерваторы) вкладывало в эту идею свои представления, свою программу.

Консервативно-либеральный вариант земского движения наиболее полно обосновывал Дмитрий Николаевич Шипов. Идея Земского собора была естественным развитием его взглядов на верховную власть в России: «Самодержавие не поддается точному юридическому определению. Это самобытная русская форма правления, имеющая нравственное начало... В конституционном государстве существует договор власти с народом. У нас договора нет, а есть союз на нравственном основании. Самодержец должен следить за развитием общественного самосознания, и для этого ему надо знать потребности общества, откуда вытекает необходимость участия общества в государственной жизни страны». Формой такого участия и должен был стать Земский собор. Добиваться восстановления в России этого учреждения следовало коллективным общеземским воздействием на царя. «Нам, земским людям... нужно выступать с громогласными и откровенными словами, но не в форме борьбы, а путем заявлений — всеподданнейших адресов, в которых выяснять царю, что земская идея не составляет противоречия идее самодержавия»[10].

Искренняя вера в возможность подобного сочетания состояла в формуле Шипова: «самоуправляемая местно земля с самодержавным царем во главе». Добиваться подобного идеала Шипов предлагал миролюбивым разрешением всех разногласий с властью. «Задор и некорректность с нашей стороны, — говорил он, — будут эксплуатироваться бюрократией во вред общественным интересам... спокойствие же и достоинство, соединенные с твердостью и последовательностью, при солидарности земств между собой, представляют из себя такую силу... не считаться с которой правительству невозможно. Если правительство в настоящее время чуждо нравственному сознанию, то... обществу следует в своих действиях соблюдать всегда требования этики. Предоставление свободы чувствам возмущения и негодования может привести... к путям насилия и к революции, но путь этот опасный и не может привести к торжеству общественной правды»[11].

Шипова поддерживали его единомышленники (Н. А. Хомяков, Д. А. Самарин, С. Д. Квашнин-Самарин, братья М. А. и Д. А. Олсуфьевы, М. А. Стахович и др.).

Свобода, народность, федерация

Однако к концу XIX — началу XX века наибольшее влияние как в земском, так и во всем либеральном движении приобрели либералы-конституционалисты. Среди них особенно выделялась группа тверских земцев. Здесь были братья Иван и Михаил Петрункевичи, Александр и Николай Бакунины, Федор и Дмитрий Родичевы, В. Н. Линд, высланный в Тверь известный конституционалист В. А. Гольцев.

Еще в конце 80-х годов в Твери начал свою земскую деятельность внук декабриста и один из самых замечательных представителей либеральной России князь Дмитрий Иванович Шаховской. Земство он понимал как путь к осуществлению двух самых дорогих «начал в общественной жизни: свободы и народности».

Внук другого декабриста — Вячеслав Евгеньевич Якушкин (гласный Курского земства) защищал идею сохранения крестьянской общины и вместе с тем считал идеалом национализацию земли. Дожить до осуществления этого идеала ему, к счастью, не пришлось (он умер в 1912 году). Шаховской же на 78-м году жизни был расстрелян в Москве, на Лубянке.

В либеральном лагере наиболее серьезно обоснованной, как мне представляется, была позиция И. И. Петрункевича. Ориентируясь на земства как на силу, способную организовать общественное мнение в пользу конституционных преобразований в масштабах страны, он исходил из необходимости реформировать экономическую и политическую действительность России, поскольку централизация экономики и самодержавного режима была, по его убеждению, причиной «бедствий и тягости условий... местной жизни».

Федерация по областям, «объединенным по экономическим принципам, а не по признаку национальностей»[12], представлялась Петрункевичу наиболее целесообразной формой организации Российского государства. Местное самоуправление в этом случае могло и должно было стать основой власти.

Из иных посылок исходил Федор Измайлович Родичев. Еще в 70-х годах он писал Огареву, что идет в земство потому, что видит в нем деятельность, практически полезную для народа. «Только там мы, люди, родившиеся в привилегированной Руси, можем приобрести доверие народа, можем добиться понимания наших стремлений. Если бы лучшие люди земства сплотились в тесную организацию и в тиши теперешнего царствования подготовили союз со столичной интеллигенцией, с пропагандистами, идущими в народ, это была бы такая сила, которая подорвала бы всякий деспотизм»[13].

Тишь царствования Александра II взорвалась бомбами революционеров, убийством царя-реформатора и новым приступом реакции.

«Бессмысленные мечтания»

Со вступлением на престол Николая II противостояние самодержавия и земства не прекратилось, а, напротив, усложнилось.

Земства приветствовали нового государя адресами. Автором Тверского адреса был Ф. И. Родичев. Он писал: «Мы горячо верим, что права отдельных лиц и права общественных учреждений будут незыблемо охраняемы. Мы ждем, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам, их касающихся; дабы до высоты Престола могло достигать выражение потребностей и мысли не только представителей администрации, но и народа русского»[14].

Адрес не понравился царю. Высочайшей резолюцией Родичеву было воспрещено участвовать в выбо-

рах и общественных собраниях. Всему Тверскому собранию было объявлено, что царь «крайне удивлен и недоволен неуместной выходкой 35-ти гласных».

Вскоре, 17 января 1895 года, на собрании представителей всех сословий, приветствующих Государя, царь выступил с известной речью о «бессмысленных мечтаниях». «Мне известно, — сказал он, — что последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтаниями. Пусть все знают, что я... буду сохранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный, покойный родитель».

Речь эта была одной из роковых ошибок Николая II. Он отталкивал от себя силу, влияние которой простиралось почти на всю страну.

«Тяжелое и грустное недоумение — вот впечатление от слов Государя, сказанных 17 января, — писал Родичев, — ...он назвал бессмысленными мечтания об участии Земства через своих представителей во внутреннем управлении... Кто же мечтает о том, что давно существует? Ведь Земство уже 30 лет участвует через своих представителей во внутреннем управлении. Что же мечтать об этом? Это было бы в самом деле бессмыслицей... Но нельзя же говорить об этом»[15].

В конце XIX — начале XX века общественно-политическая активность либералов значительно возросла. В 90-х годах собрались два земских съезда, посвященных в основном экономическим проблемам (съезды, как и другие формы объединения земцев, были нелегальными). В это время гласные вышли за пределы земской среды: поддерживали постоянные контакты с обществом, выступали совместно с третьим элементом (служащими земств), искали пути к созданию общего журнала, издаваемого за границей.

Наиболее оперативной формой общения земцев различных губерний с 80-х годов стали постоянные «беседы» или «земские обеды», которые собирались в Москве, реже в Петербурге, иногда на Нижегородской ярмарке. Краткое изложение этих собраний публиковалось К. К. Арсеньевым в несколько законспирированной форме в разделе «Внутреннее обозрение» «Вестника Европы». Заседания проходили на квартирах И. И. Петрункевича, В. И. Вернадского, С. В. Лепешкина, К. К. Арсеньева (или в ресторанах). На этих собраниях вырабатывались формы и тактика либерального движения, обсуждалась та или иная «адресная кампания», устанавливались связи с различными общественными организациями.

Полулегальным и весьма политически значительным был кружок «Беседа», с 1902 года объединивший как земцев, так и тех, кто сочувствовал земскому делу.

Итогом многолетних усилий либералов (как земских, так и неземских) явилось создание нелегального журнала «Освобождение», печатавшегося за границей. Во втором номере журнала появилось письмо «От земских гласных»: «Мы вовсе не желаем порвать с той мирной и легальной деятельностью, на почве которой... работали до сих пор. Как раньше, так и теперь мы остались противниками всякого насилия, откуда бы оно не исходило, сверху или снизу. Поэтому мы намерены в земстве и через земство действовать путем распространения и уяснения наших идей и организации сплоченной партии, стремящейся к осуществлению этих идей; будучи убеждены, что ясное сознание и твердо выраженное требование общественного мнения есть такая сила, с которой принуждено будет считаться правительство»[16]. Журнал проложил дорогу дальнейшей деятельности либеральных земцев совместно с интеллигенцией.

В 1903 году был создан «Союз Освобождения», ставивший целью создание конституционной монархии с всеобщим избирательным правом, демократическими свободами, социальными гарантиями для трудящихся, а также признанием права на самоопределение народов России.

В 1905 году из Союза выделились Конституционно-демократическая партия (кадеты) и «Союз земцев-конституционалистов». «Союз Освобождения» прекратил свою деятельность, земцы же продолжали ее в рамках новых партий.

На фундаменте земского движения развивался и рос российский либерализм, который мог привести страну к правовому государству.

Но в 1917 году победили «ненависть и возмущение». Под обломками империи погибли и первые ростки подлинного местного самоуправления как основы конституционного строя России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Веселовский Б. Б. История земства. Т. III. СПб., 1911. С. 1—2.
2. Витте С. Ю. Самодержавие и земство. СПб., 1908. С. 72—73.
3. Ленин В. И. ПСС. Т. 5. С. 61.
4. Волк С. С. «Народная Воля». М.—Л., 1966. С. 67.
5. Память В. А. Гольцева. М., 1910. С. 107—108.
6. Сватиков С. Г. Общественное движение в России. Ростов-на-Дону, 1905. С. 90.
7. Авторы записки С. А. Муромцев, В. Ю. Скалон, А. И. Чупров.
8. Газета издавалась в 1880—1882 годах.
9. Веселовский Б. Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии. Тверь, 1914. С. 567.
10. Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. М., 1977. С. 99.
11. Там же. С. 100.
12. Память В. А. Гольцева... С. 175.
13. Литературное наследство. Т. 62. Ч. II. М., 1955. С. 512.
14. Rodichev F. I. Vospominania i ocherki o russkom liberalizme. Newtonvill. Mass., 1983. P. 85.
15. Ibid. P. 180.
16. «Освобождение». Штутгарт, 1902. № 2. С. 30.

Кому ты опасен, историк?

Славная история советской исторической науки еще ждет своего вдумчивого исследователя. Немалый материал для будущих капитальных работ содержит смелая и честная книга безвременно ушедшего из жизни профессора В. Б. Кобрина. Автор профессионально и притягательно повествует о профессии историка, о ее светлых и мрачных сторонах. Первые две части книги — «По избам за книгами» и «Гробница в Московском Кремле» — посвящены «кухне» исторического исследования: поиску и анализу источников. Перед нашими глазами предстает многолетняя кропотливая работа ученого — от романтических экспедиций за старопечатными книгами до конечной стадии — выработки и тщательного обоснования новой точки зрения.

Кобрин подвергает углубленному анализу существующие версии смерти царевича Дмитрия и приходит к выводу, что ни одна из трех основных точек зрения (убили не Дмитрия, царевич «покололся сам», умышленное убийство) не может быть принята. Историк выдвигает собственную, «четвертую версию»: по его мнению, Борис Годунов был слишком умным и осторожным человеком, чтобы подсылать к Дмитрию наемных убийц (но в смерти мальчика он, без сомнения, был заинтересован). Поступили проще: используя болезнь царевича, устроили все так, чтобы при учащении припадков у него в руках почаще оказывались нож или свайка. Непосредственной исполнительницей приказа Годунова автор считает мамку Василису Волохову, которой был поручен надзор за ребенком. Остальное произошло как бы «само собой». Понятно, что и это прочтение угличской трагедии не лишено недостатков, однако отныне и эта точка зрения имеет право на существование наравне с традиционными.

В последнем разделе книги Кобрин касается деликатной, «запретной» темы — нравов и порядков внутри советской исторической науки — и приходит к закономерному выводу: профессия историка чрезвычайно опасна. Так повелось едва ли не сразу после октября 17-го. М. Н. Покровский, «академик в буденовке», по сути монополизировавший историческую науку 20-х — первой половины 30-х годов и посмертно охаянный за «антимарксистские извращения и вульгаризаторство», проторил дорогу. Несогласных (академиков и проч.) уже в тридцатом году переубедили в лагерях, так что эпохальные замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова легли на подготовленную почву: те немногие ученые старой школы, уцелевшие к концу 30-х годов, уже прекрасно знали, как и о чем писать. И умирали профессорами, академиками и депутатами. Под прессом замаскированной под марксизм идеологии сложилась мощная система объединенных мафиозных кланов, именуемая советской историографией. Б. Д. Греков и Е. В. Тарле, С. В. Бахрушин и К. В. Базилевич — этот список серьезных ученых, подневольно подгонявших историческую истину под жесткие требования «методологической дисциплины мысли», можно существенно дополнить.

В книге Кобрина приведен богатейший материал о том, как шельмовали неугодных уже в «спокойные» хрущевско-брежневские времена. Свежая мысль, попытка самостоятельного анализа, расхождения в выводах с «неприкасаемыми» — академиками И. И. Минцем, М. В. Нечкиной, Б. А. Рыбаковым — карались отлучением от науки, запрещением книг. В итоге идеальной моделью советского историка стал ни на что не претендующий, не утруждающий себя анализом источников историк партии или «эпохи социализма».

Самое печальное, что и сейчас трудно надеяться на ощутимые перемены к лучшему. Кобрин четко обрисовал сегодняшнюю ситуацию в исторической науке: «По отношению к своему прошлому наше время представляется мне эпохой перевернутых стереотипов. Мы никак не хотим отрешиться от стереотипного мышления как такового, от схематизма и простоты оценок. Но сохраняем само безоговорочное деление на «своих» и «чужих». Такой вот «детский уровень мышления» в сочетании с грузом старых авторитетов способен законсервировать прежние «правила игры» на несколько десятилетий. Книги Кобрина, как и его учителя А. А. Зимина, — яркая попытка преодолеть косность и зашоренность, пример неутомимого научного поиска. Надо надеяться, что приверженцев подобной линии в ближайшее время станет гораздо больше.

ФЕДОР АСПИДОВ

КОБРИН В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992. 224 с. Тир. 4000.

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА

«Хулиган мальчишка я...»

СВЯТОЧНЫЕ БЕСЧИНСТВА

В село Нижние Таволги близ Невьянска приехала я на зимние святки. Начинаются они в рождественский сочельник, в канун 25 декабря (старого стиля), и длятся до Крещения. Знаменуются обычаем «славить», т. е. ходить «артелью» — иногда огромной толпой ряженых — по домам соседей и знакомых и петь «колядки».

В старинном селе обычай этот не утрачен, и посчастливилось мне вместе с деревенскими и пославить, и погулять, и попеть частушки. Потому что святки — это еще и гульбище, веселье, игрища в специально нанятой избе, а ныне в сельском клубе. Это, по давним поверьям, разгул нечистой силы, а отсюда — ей назло и наперекор — традиционные святочные бесчинства, которые творятся не как попало, а по древнему языческому сценарию.

Весело окунуться в зимние святки! Белоснежные поля по-за селом, легкий морозец, гармоника на улицах, море разливанное спиртного (но не до безобразия), пироги, пельмени, уральские шаньги, варенья и печенья. «У нас всего навалом!» Слава Богу! Не оскудела Россия.

Главное — не оскудела весельем, песнями до утра, шутками и прибаутками. Тут и перлы лирической классики, и душещипательный романс с розами, «ядинком» (ядом) и кинжалом в белой груди, но еще больше — «солененького». Без него никак нельзя — положение обязывает.

Хулиган мальчишка я,
не любят девушки меня,
только любят вдовушки —
отчаянны головушки!

Какие же святки без масок, без игр, без частушек «с картинками»! Как и встарь, наряжаются в жениха и невесту, в попа и солдата, в медведя и коня, в покойника. Ходят в сумерках, раскатывают поленницу дров, а то приморозят ворота, так что хозяевам не сразу и выйти поутру. Ворота примораживают — намекают на любовь, на будущее сватовство, ведь зимние святки — время присматривать невест. После святок начинается мясоед с его веселыми свадьбами.

Знатоки обычаев рассказывают: на Урале собирали на святках целые выставки невест. В Нижнем Тагиле, например, девок наряжали в самолучшие наряды, возили в коробка́х по улицам, где у ворот стояли парни, и, останавливаясь против жениха, дерзко спрашивали: «Не надобно ли надолбу»? Она надобна — она же и надолба. Двойной смысл, звуком навеки сшитый!

Эротическая символика святочной стихии корнями уходит в глубокую древность, магические обряды и символы, связанные с плодородием земли, смертью и воскрешением природы. Не случайно во всем мире «маскировались» в покойников. В уральских деревнях надевали на парня белую простыню, мазали лицо белой глиной или мелом и водили по улицам. Потом заводили в специально отведенную избу, клали на лавку или даже в гроб под окно и «прощались» — с шутками и прибаутками, круто их присаливая. От таких-то «прощаний» идут частушки типа:

Мы сегодня хоронили
дивного покойника:
посмотрели — хрен стоит
аж до подоконника!

Шутовские диалоги «вдовы» и «попа», отпевающего «покойника», и сейчас еще живут на селе; в Таволгах исполняется целая шутовская баллада на эту тему.

Глумились над смертью, над тем, что в обычное, не бесчинное, не «карнавальное», по теории Бахтина, время — страшно, запретно, непонятно и неразрешимо. Смехом как бы побеждали смерть — хоть на день, хоть на час! — очищались от страха и плена пред высшими темными силами. Смерть вытесняли эротикой, верх брали творческие, воспроизводящие, жизнелюбивые силы. А уж мужские достоинства из соломы — это у всех практически народов идет от магии плодородия. Когда-то, в незапамятные времена, играло это роль «производственную», помогая земле-матери родить и скоту давать приплод. Но те времена помнят только ученые, а веселье и шалости остались.

Сохранились в уральских деревнях эротические игры с поцелуями и даже ритуальное изображение самого срамного действия — принародно, с хохотом и свистом. При этом «девку» на лавке изображает, конечно, тоже ряженый парень, оно-то и утешает несчастную «сиротинушку». Шутовское изображение акта — разумеется, символическое, в одежде, как на театре,— довелось мне увидеть и на этот раз в Таволгах. Это и был своеобразный театр, где «актеры» не хотели пропустить ни одного обязательного элемента, какой они видели с детства в своей деревне, и хотели теперь все отыграть по полной программе, на совесть.

Фотографии Анатолия Череп

Удивительна эта живучесть стереотипов, забота об исполнении обряда! Тут, мне кажется, большое поле деятельности для психологов. Многое в психологии таких игрищ остается таинственным. Ну представьте: пожилая женщина, не очень здоровая, изображает разные бесчинства — и не от разнузданного воображения или желания острых ощущений («я четыре раза резаная, я ведь нарошнишная»), но от своеобразного чувства долга, настоятельной потребности исполнить все, что положено, что она еще помнит, а другие уже забыли или не знают, не умеют. Тут, если хотите, желание передать свое искусство, а не унести с собою в могилу. Это примерно как деревенский колдун не может умереть, пока не передаст свое умение другому.

В святки разгуливается нечистая сила, злясь на то, что родился Спаситель; этих «нечистиков» и изображают во время сатанинских неистовств, их как бы передразнивают, от них же тем и оберегаясь. Как ни истребляли святочные бесчинства христианскими запретами, штрафами и гонениями, а выжили они и дошли до наших дней. Но только в строго определенное время (зимой это от Рождества до Крещения) текущие будни с их повседневными запретами сменяются не просто бурным весельем, а «перевертышами», когда все обыденные нормы как бы перевернуты с ног на голову, когда смеются над тем, что в обычной жизни уважают или боятся, и, наоборот, шутовски возвеличивают ничтожное. Со дна души выплескивается все накопившееся там темное, потаенное, выходит смехом и грехом; это своеобразная гигиена души.

Святочные неистовства связаны прежде всего с мотивами любви и смерти — самыми главными в мифологии: в человеческой жизни вообще ведь ничего и нет, кроме любви и смерти!

Нечистая сила и эротика тесно связаны в русской деревне с баней. Там, как известно, водятся черти. В бане ворожат девки крещенским вечерком: на кольцо в воде, на зеркало и по-всякому иному; в баню идут парни в полночь на спор, и чего-чего только там с ними не случается... В бане же ведется и запретная, скрытная любовь. Большой цикл частушек начинается словами: «Мы с матаней спали в бане...»

Запретные слова выкликаются часто громко и принародно: не любо — не слушай!

Ты играй, играчок,
вот те куночки кусок,
хорошо будешь играть —
могу целую отдать!

Кунка, куночка — ласковоеназваньице, одушевление «ее», подружки — от кунак, т. е. друг. «Что мужику надо? Рюмочку да куночку...» Намекает это слово и на куницу, которая часто используется в свадебной символике.

Бежит куна́
вокруг гумна,
ищет куна
чёрна со́боля, —

поется в подблюдной (от гадания на блюде) святочной песне.

Однако очень часто в разгар шутовских неистовств выкликают срамные слова и прямо, ничем их не заменяя.

Можно выражаться — и выражаться. Можно грязно, грубо и глупо — только чтобы кого-то оскорбить и унизить в себе же образ Божий, а можно остроумно, исполняя положенный не нами обряд — талантливо и к месту. Вот именно так пели при мне срамные частушки «таволоцки жители», при этом бабы давали, пожалуй, сто очков вперед по части частушек с перцем. Мужья-то только покрякивали, слушая лихих исполнительниц, поеживались — а не одергивали, крепились. Не принято. Жанр требует.

Исполнительница ведь играет роль (нередко и поют срамные частушки в масках), она лицо собирательное. Не зря и в самих частушках редко называется конкретный человек, а дается типаж, образ, коллективное лицо: «таволоцкие робята», или «вдовушки — отчаянны головушки», или «ягодины вертоголовые» и т. п. Какие бы слова при этом ни произносились — нелепо и неуместно показывать, что стыдишься текста, ибо тем самым исполнение переводилось бы в иной план, в план личных отношений, нарушая цель — «искусство ради искусства». Представьте, что артистка в роли Анны Карениной взаправду страстно целует актера в роли Вронского. Это была бы подмена, профанация искусства. Так и тут: идет игра в слова и в сюжеты, состязание в остроумии.

...Вот уж, правда, не удержался муж Александры Александровны Пачиной, одной из самых знающих песенниц села Таволги, да и заметил ей с укором: «В Москве, поди, тебя пропечатают, что ты поешь?!» С ней всегда немного настороже надо быть, с Москвой-то, по засевающему там начальству.

Через речку две дощечки —
обе перегнулися.
Кунка в ботах — хрен в лаптях
из Москвы вернулися!

Вот как с ней, с Москвой. Раздевает она, разувает...

Да, бойкие в Таволгах старушки!

Я не Алла Пугачева
и не Ольга Воронец,
а запою — так зашевелится
у дедушка конец!

Ну вот, разошлись, и не стыдно ничего, все так прямо и выпевается:

В огороде, в лебеде,
нашла бабушка муде,
причесала — привязала
к своей старенькой узде.

(Понятно, что вместо последнего слова говорится другое, созвучное.)

А вот и того хлеще и чудней:

Шел по ёлочкам-кустам,
нашел корзиночку с уздам,
никому не говорил —
ходил поезживал один!

(Последний глагол в оригинале тоже, конечно, куда забористей.)

В этих старинных частушках отголоски дремучей мистики, которая здесь комически снижена самим предметом изображения. Обычно находят заколдованный клад — а тут вожделенное сокровище, да еще целую корзиночку. Ну и воображение! Фантастический сюжет, впору сказке.

В этот мой приезд в село поразил впервые мною услышанный цикл припевок, тоже явно старинных, которые поминали разных зверей, стерегущих объект желаний. Вообще-то частушка на Руси живет только с XVIII века, но образы в ней идут порой еще от языческой магии. Как и в этом помянутом цикле, где то «в ней» собака залаяла, то «медведь и сорок восемь медвежат поперек «ее» лежат»! А то комическое: «ух-ух-ух-ух, у нее-то в «ней» петух!» Все это сопрягается с целым сонмом различных животных из подблюдных песен — в старину они как раз и исполнялись на святках во время гаданий на блюде. В песнях, предвещающих свадьбу, целые выводки животных пар. «Бежит бобёр за куницею! Слава!», «Курочка ряба по проулочку брела, кочет слеп за ней вослед!», «Сидит волчище да на пунчище. Откинул хвост на двенадцать верст» (пуня, пунчище — сеновал, хлев). Здесь то же самое преувеличение, гипербола, что встречается в припевке такого рода: «медведь и сорок восемь медвежат» улеглись в потаенном бабьем месте! А вот и медведь в свадебной символике подблюдных песен:

Медведь пыхтун,
Слава!
По реке плывет,
Слава!
Кому пыхнет во двор,
Слава!
Тому зять в терем,
Слава!

Эротическая припевка, тесно связанная со свадебной символикой, обращается, кроме того, к древним мотивам оберегов, охраны кладов и других. «Шел я лесом-бориком — нашел «ее» с топориком»...

Сани — парность полозьев — тоже издревле связаны с мотивом

супружества, любовной пары. А нынче записала я такую смешную и веселую частушку:

Я матаню через сани —
сани покатилися.
У матани через год
двойнички родилися!

...Огромный цикл песен, припевок, прибауток основан на двусмысленностях, недоговоренностях, остроумных паузах и перестановках.

Я на горку шла,
я Егорке дала...
Не подумайте плохого —
я махорку дала!

Словцо «давала» частенько фигурирует в современных частушках. Оно не особенно выразительное. В «Заветных сказках» Афанасьева, которые недавно впервые опубликованы в России, можно насчитать до сотни глаголов для обозначения одного-единственного действия. По сути, чуть не все широко употребляемые в языке глаголы в определенном контексте могут обозначать это самое действие, причем во множестве оттенков. «Он ее жарит», «он ее давай солить», «он ее уработал», «он ее удоволил» — и все ведь разные смыслы слова, в зависимости от того, кто, с кем, как и когда. Поистине виртуоз народ в понимании оттенков родного языка, да и сути самого дела!

Но это все «мужские» глаголы, а для женщины чаще безличное, невыразительное — дала, давала.

Было дело — я давала
по четыре раза в день,
а теперь моя давалка
запросила бюллетень.

И то сказать:

Что вы, девки, не даете,
когда просят мужики?
Все равно «ее» источат
колорадские жуки!

Народ стал разнузданнее и поет похабные частушки не только по масленкам да по святкам, а чуть не каждый день (и все-то коту масленица!). Стали встречаться частушки откровенно грубые и злые.

Но пока еще «умеет любить хулиган и умеет он быть покорным». И поражает здесь же, рядом с соленой частушкой, вдруг, без перехода — не знаю уж, смешение ли это жанров или просто рядом все живет в душе, — но поразит вдруг нежная частушечка:

Ох, милка моя,
вересовый кустик,
неужели ты меня
ночевать не пустишь?

Ни в одной настоящей, исстари пришедшей «соленой» припевке нет ни злобы, ни жестокости, ни презрения к человеку — ни к старухе с ее немощью и все-таки желанием жить, ни к отчаянной сорвиголове, ни к парню, у которого ничего в постели не выходит. Все с добром да с юмором — к себе и к соседям.

В старинных куплетах «Невьянская башня» вышучиваются девушки окрестных деревень. Начинается почти эпически о знаменитой Невьянской наклонной башне, что, говорят, двоюродная сестра Пизанской:

Невьянская башня на боку,
Невьянска навалилась на реку,
я со миленьким расстаться
не могу.

Дальше рассказывается про красных девиц:

На базар они повадились,
стали брать по себе прибирать
самых маленьких-бассеньких ребят:
Голышова Иванушка,
Чернопупова Захарушка...

В конце частушки — прозвища:

городски девки — калашницы,
а пышминские — табашницы,
шалапайские — лапотницы,
отнимать ребят охотницы,
таволоцкие — осиночки,
прокутузили ботиночки,
черемисские девки нагольно,
у их ево все в болото увело!

Заветные, «срамные» тексты — малоизученный пласт народного творчества. Сказки, басни, частушки, прибаутки, пословицы и поговорки. И еще — загадки; в следующей публикации — разговор о них.

Екатеринбург

Есть в нашей истории «вечные» проблемы, разрешить которые однозначно сегодня вряд ли представляется возможным. Четыре века не утихает спор о том, при каких обстоятельствах скончался в Угличе малолетний царевич Дмитрий Иванович. Смерть ребенка стала роковой для династии Рюриковичей: через семь лет, в 1598 году, с кончиной бездетного царя Федора она пресечется. Каковы же современные научные представления об этой трагедии? Что это было — расчетливо спланированное убийство или нелепая случайность?

ДМИТРИЙ ГУТНОВ

СМЕРТЬ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ

Царевич Дмитрий был младшим и последним сыном Ивана Грозного от восьмой (и пятой «венчанной») жены Марии Нагой.

После убийства Иваном Грозным в 1581 году в припадке необузданного гнева своего сына Ивана на престол реально могли претендовать двое — второй сын царя от первой законной жены Анастасии Романовой Федор и малолетний Дмитрий. Династический спор возник сразу же после смерти Грозного (1584). Оба претендента в одинаковой степени оказались не способны возглавить государство.

Федор Иоаннович достиг совершеннолетия (ему было 27 лет), но был человеком слабохарактерным, неразвитым, набожным, нуждающимся в постоянной поддержке и опеке. Грозный назначил ему в помощь регентский совет для управления страной, где ведущая роль принадлежала шурину царя Борису Годунову.

Чуть ли не на следующий день после смерти Грозного малолетний Дмитрий с матерью и дядьями был отправлен в Углич, выделенный в удел царевичу. Возникший было династический спор был замят, по меньшей мере до совершеннолетия младшего претендента.

По слухам того времени, Дмитрий уже в шесть лет весьма напоминал отца в том же возрасте. Рассказывали, что он любил смотреть, как режут домашнюю скотину, и сам иногда ради потехи до смерти забивал палкой бродячих собак. Как-то царевич слепил из снега несколько человекообразных фигур, назвав их именами Годунова и ближайших его соратников. Затем он бил их палками и кричал на весь княжеский двор: «Вот что будет, когда я стану царствовать!» Ни для кого не было секретом, что царевич страдал падучей.

В целях безопасности Борис Годунов послал к угличскому двору своих доверенных людей: дьяка Михаила Битяговского с сыном Даниилом и племянником Никитой Качаловым. Волею случая (или заговора?) именно они оказались в центре событий, развернувшихся на великокняжеском дворе 15 мая 1591 года.

Дошедшие до нас документы сообщают следующее. 15 мая в 6 часов пополудни царица с сыном возвратилась из церкви и готовилась обедать. Слуги готовили трапезу и накрывали на стол. В это время мамка царевича боярыня Василиса Волохова позвала Дмитрия гулять, благо во дворе дети играли в «тычку» (отда-

ленный аналог современной детской игры в «ножички»). Однако кормилица Арина Колобова не хотела пускать ребенка во двор (по Н. М. Карамзину, «сама не зная для чего»). Но Волохова взяла Дмитрия за руку и вывела во двор. Что происходило далее — доподлинно не известно.

Вышедшая из сеней царица увидела уже труп мальчика. Она схватила полено и стала избивать Волохову. Ударили в набат. Бьющаяся в истерике Нагая указала народу иа Качалова, Битяговского и Осипа Волохова как на убийц царевича. Последние попытались скрыться бегством. Битяговский намеревался укрыться во дворце, но его отыскали и тут же убили. Никита Качалов заперся в Разрядной избе, но это его не спасло. Выломав дверь, рассвирепевший народ порешил его тут же. Третий подозреваемый — Осип Волохов — был пойман в доме Битяговского. Его связали и привели в церковь Спаса, где уже стоял гроб с телом царевича. В храме на глазах царицы его и умертвили.

Вскоре скорбная весть достигла Москвы. В Углич была спешно направлена следственная комиссия во главе с боярином Василием Ивановичем Шуйским (будущим царем). Вместе с ним приехали в Углич окольничий Андрей Клешнин, дьяк Вылузгин и митрополит Крутицкий Иов. Следствие началось 19 мая, сразу же по приезде комиссии.

Сохранился единственный экземпляр следственного дела.

Это скорее материалы следствия, нежели протоколы расследоваиия. Большинство допросных речей дается в пересказе от третьего лица, совершенно отсутствует начало документа (по мнению некоторых историков, отсутствует и конец). По некоторым данным, сами протоколы дознания, сделанные в Угличе, равно как и неугодные места самого документа были уничтожены.

Следственная комиссия в основном сосредоточилась на версии о самоубийстве. Вариант насильственной смерти поддерживал лишь один свидетель — брат царицы Михаил Нагой. Все остальные очевидцы утверждали обратное: старший из ребят («жильцов»), с которыми царевич собирался играть в «тычку», — Петрушка Колобов, его жена Мария, ключник дворца Ортимен Ларионов, подключник Яков Гиндин, Юрий Иванов, мамка Василиса Волохова и кормилица Арина Колобова.

Нагой в своих показаниях утверждал, что убийцами царевича были уже известные нам Битяговский, Качалов и Волохов. Главарями заговора, по его словам, являлись некие Тихон Быков, Степан Полуектов и Тит Сапожник. Однако к моменту начала следствия все трое исполнителей оказались мертвы; мало того, следствие по непонятным причинам не допросило ни Полуектова, ни Быкова, ни Тита Сапожника. Впрочем, по мнению некоторых историков, имел место прямой наговор Нагих на людей Годунова. В частности, Н. М. Карамзин, наверняка располагавший утраченными впоследствии документами, прямо писал: «Царица и пьяный брат ее Михайло Нагой велели умертвить их (Битяговского и др.) безвинно, единственно за то, что сей усердный дьяк не удовлетворял корыстолюбию Нагих и не давал им денег сверх указа государева. Сведав, что сановники царские едут в Углич, Михайло Нагой велел принести несколько самопалов, ножей, железную палицу, — вымазать оные кровью и положить на тела убитых в обличение их мнимого злодеяния»[1].

Теперь обратимся к альтернативной версии. Как показал главный свидетель по делу, непосредственно участвовавший в игре в «тычку» в момент совершения трагедии, Петрушка Колобов: «...играл-де царевич в тычку ножиком на заднем дворе и пришла на него болезнь падучей недуг и набросился на нож». Ему с поразительным единодушием вторят и другие очевидцы события. Так, Василиса Волохова говорила следователям, что «...царевич сам себя ножом поколол в горло и било его долго, да тут его и не стало». Арина Колобова повторяла: «...пришла иа царевича болезнь черная, а у него в те поры был ножик в руках и он тем ножиком сам покололся». Наконец, постельница Самойлова, также проходившая по делу, утверждала: «...пришла на него болезнь, черный недуг и его бросило о землю, а у него был ножик в руках и он тем ножиком и покололся».

Как следует из материалов дела, именно эти четверо, не считая более маленьких жильцов дворца (от их имени выступал Колобов), являлись непосредственными очевидцами событий. Но все их показания почему-то приводятся в документе в пересказе. Совершенно очевидна стереотипность вопросов и ответов в расспросных речах свидетелей, что говорит по крайней мере о том, что показания подвергались редакции. Это обстоятельство и поныне служит одним из основных аргументов для сторонников версии об убийстве. Они считают, что следственное дело сфальсифицировано. Иные аргументы приводит известный историк Р. Г. Скрынников: «...Появление штампов в следственном деле все же можно объяснить. Допрос основных свидетелей позволил нарисовать достаточно полную картину происшествия... Перед комиссией предстали в основном дворовые люди, неграмотные и косноязычные... Чтобы получить от них толковые ответы, надо было потратить массу времени. Но временем следователи как раз-то и не располагали, и потому комиссия фиксировала ответы свидетелей с помощью стереотипа, заключенного в самом вопросе»[2]. Даже если мы согласимся с этой позицией, стоит признать, что следствие намеренно уклонялось от рассмотрения многих важнейших аспектов дела.

Так, следователи не удосужились даже осмотреть место преступления. Поэтому сегодня мы не знаем точно, где произошла сама трагедия, кроме общего сообщения, что дело было на великокняжеском дворе. Никто до сих пор толком не знает, что за нож был в руках царевича и куда он делся после совершения

преступления. Не надо быть большим знатоком жизни, чтобы предположить, что в «тычку» царевич играл ножом небольших размеров и уж тем более не кинжалом, чтобы так просто перерезать самому себе горло.

Следственное дело ставит гораздо больше вопросов, чем проясняет обстоятельства трагедии. Недобросовестность следствия, нежелание следователей вникать в обстоятельства преступления подчеркивается всеми. В русской историографии еще с XVIII века сложилось два господствующих направления исследования угличского дела. Первое, наиболее полно представленное Н. М. Карамзиным, целиком взваливает вину за совершение преступления на Битяговского, Качалова и Волохова и расценивает произошедшее как тщательно спланированное политическое убийство. В различных вариациях эту версию поддерживали такие известные исследователи, как М. П. Погодин, К. С. Аксаков, Н. И. Костомаров. Отрицательное отношение к следственной деятельности Шуйского и его комиссии высказывал и В. О. Ключевский[3].

Иную точку зрения представлял, например, А. И. Тюменев, пытавшийся отвести от Шуйского и других членов комиссии обвинение в недобросовестности[4].

В наше время на фоне осторожного отношения исследователей к этой проблеме выделяется своей определенностью концепция Р. Г. Скрынникова, который полагает, что 15 мая 1591 года произошла трагическая случайность.

При всем различии подходов и мнений в аргументах историков всегда преобладали рассуждения общего характера. Конкретный вопрос, требующий не менее конкретного ответа, тонет в рассуждениях типа — выгодно ли Годунову убирать наследника, был ли Василий Шуйский замешан в заговоре, подлинны ли сами материалы следствия и т. д.

К сожалению, Василий Шуйский был, пожалуй, последним следователем, причем непрофессиональным, который вплотную занимался этим делом. Позже угличское дело полностью отдали на откуп представителям исторической науки. Тем важнее и интереснее попытка рассмотреть убийство царевича с точки зрения криминалистической экспертизы, предпринятой И. Ф. Крыловым.

После детальнейшего анализа дела и обработки материалов следствия в духе современных приемов криминалистики исследователь поставил несколько вопросов перед одним из ведущих современных детских психиатров профессором Р. А. Харитоновым, который выступил в качестве эксперта:

«1. Можно ли, основываясь на свидетельских показаниях, имеющихся в следственном деле, прийти к выводу о том, что царевич Дмитрий страдал падучей болезнью (эпилепсией)?

2. Если царевич Дмитрий действительно страдал эпилепсией, соответствует ли описываемая свидетелями картина припадка действительности?

3. Какие внешние признаки сопутствуют припадку и не могут ли они остаться не замеченными свидетелями?

4. При игре в «тычку» играющий стоит в кругу и бросает ножик за черту впереди себя; свидетели показывают, что ножик находился в руках царевича, т. е. это был либо момент, предшествующий броску, или бросок в это время делали другие играющие, либо игра была вообще прекращена. Если при начавшемся припадке эпилепсии нож действительно находился в руках царевича, мог ли он во время припадка нанести себе смертельное ранение горла, повлекшее за собой чуть ли не моментальную смерть?

1. Несомненно, что царевич Дмитрий страдал эпилепсией с психомоторными и генерализованными судорожными припадками.

2. Описываемые картины припадков соответствуют действительности, но а) царевич не мог сам зарезать себя ножом ни во время припадка, ни во время психомоторного припадка; б) вероятность того, что он во время припадка мог «напружиться» на нож, настолько мала, что она не может приниматься во внимание. Таких случаев в мировой литературе со времени его смерти не было.

3. Все внешние признаки припадка могут быть замечены окружающими. Потому они и внешние.

4. Не мог, так как во время большого судорожного припадка больной всегда выпускает из рук предметы, находящиеся у него в руках»[5].

Таким образом, утверждения большинства свидетелей о том, что царевич Дмитрий в припадке падучей «поколόлся иожом сам» и оттого умер, идут вразрез со всеми имеющимися наблюдениями из истории изучения и лечения этой болезни. И. Ф. Крылов и Р. А. Харитонов склоняются к выводу, что следственное дело сфальсифицировано, а царевич Дмитрий стал жертвой преднамеренного или непреднамеренного убийства.

Простой анализ имеющихся в исторической литературе аргументов за и против царевича Дмитрия делает версию об убийстве несомненно предпочтительней. Но ставить окончательную точку в этом «вечном» вопросе все же рано. Всегда есть надежда, что в недрах архивов еще лежит не найденное пока никем свидетельство, проливающее свет на эту мрачную страницу отечественной истории.

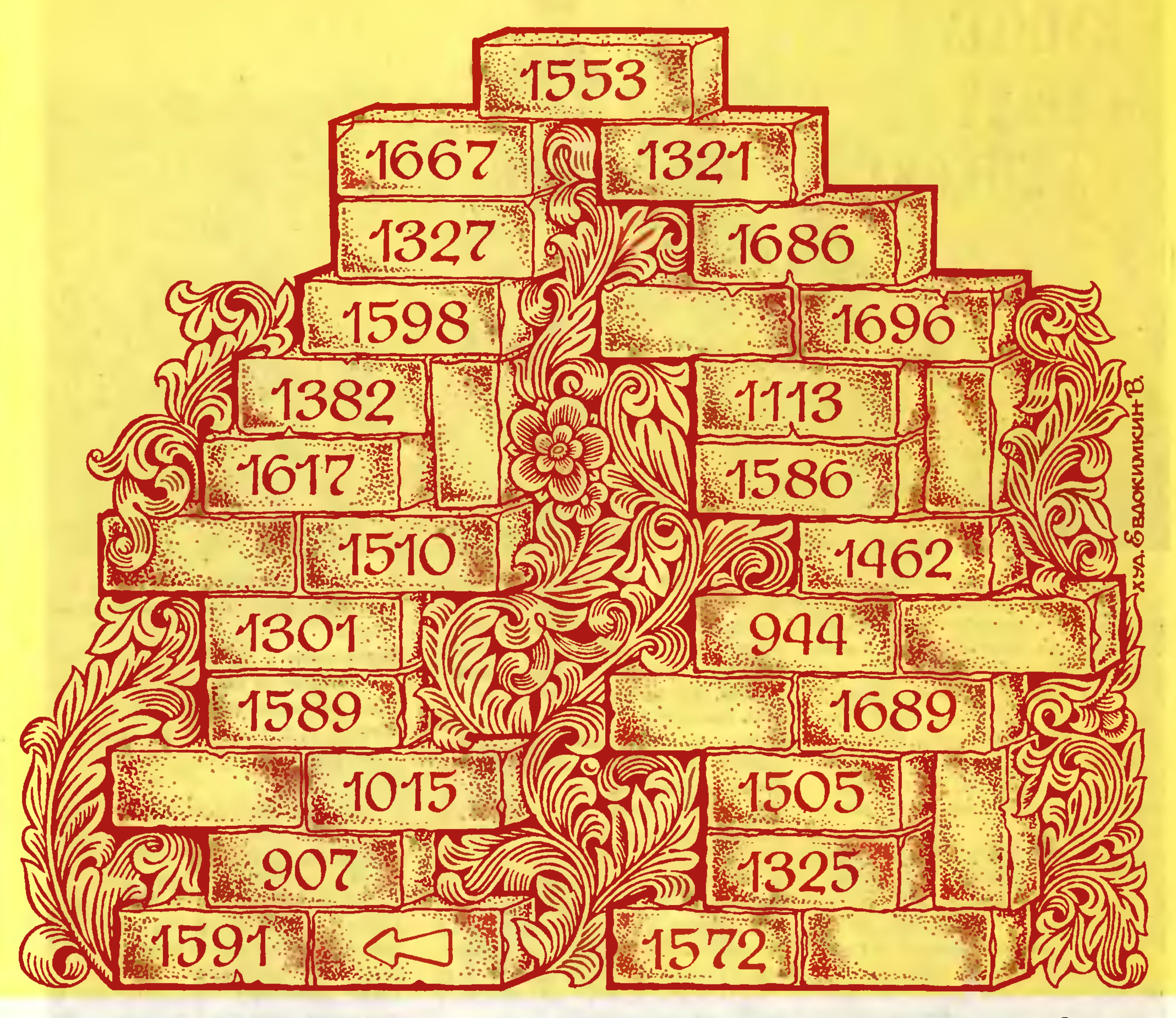
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. III. Т. X. СПб., 1842—1844. Стб. 81.
2. Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983. С. 78.
3. Карамзин Н. М. Указ. соч. Стб. 80.
4. Тюменев А. И. Пересмотр известий о смерти царевича Дмитрия// Журнал Министерства Народного Просвещения, май, 1908.
5. Крылов И. Ф. Легенды и были криминалистики. Л., 1983. С. 97.

«ШАГ ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИГРА ДЛЯ АБИТУРИЕНТОВ

Эта игра получила в последнее время определенное распространение среди преподавателей, готовящих абитуриентов к вступительным экзаменам по истории. Правила ее просты, но позволяют быстро проверить знания важнейших дат и событий минувших веков. Впрочем, возможна и самопроверка — поэтому наш «Репетитор» и предлагает вам сыграть.

Играть можно одному или вдвоем. В первом случае целью игры будет пройти по игровому полю до конца за наименьшее число ходов. Во втором — подняться быстрее противника к верхнему прямоугольнику (один взбирается от старта, другой — от финиша).

Для игры нужны фишки и кубик. Передвижение идет, как в старых добрых настольных играх: на число выпавших очков — с той только разницей, что выпавшие числа 4, 5, 6 приравниваются к числам 1, 2, 3 (а то игра слишком быстро кончится). Не беда, что кубика не найдется — умельцы изготовляют его подобие из обычного шестигранного в сечении карандаша, вырезая на гранях латинские цифры I, II, III.

Попав на поле с датой, необходимо назвать событие или события, случившиеся в указанный год в истории России. Если вы ответили правильно — получаете право на следующий ход. Если неправильно — придется

отступить на предыдущее поле и попытаться назвать событие, имевшее место в год, указанный там. Ответите правильно — можете продолжать движение вперед. Неправильно — снова делаете шаг назад.

Таким образом, обстановка несколько напоминает экзаменационную — у вас есть шанс проскочить несколько «неудобных» дат, но две ошибки подряд могут поставить вас в безвыходное положение, хотя и оставят шанс что-то вспомнить.

Несколько дополнительных указаний. Для самоконтроля удобнее не перерисовывать игровое поле целиком, а выложить его из отдельных карточек, где на одной стороне — дата, а на другой — событие (события). Правильность ответа можно проверить, перевернув карточку — по такой методике, как известно, учат новые слова иностранных языков (да и родного тоже). Кроме того, с карточками всегда можно сыграть и по-другому,— когда известны события и нужно назвать даты.

В этом выпуске «Репетитора» вам предложены два варианта игры с датами по истории России до XVIII века: один попроще, другой посложнее. Сыграйте! В отличие от лотерей вы всегда будете в выигрыше!

ЗОЛОТЫЕ КУПОЛА СЕРГЕЯ ПАДЮКОВА

Кладбищенская церковь Пресвятой Богородицы в городе Джаксон, штат Нью-Джерси.

Перестроена С. Н. Падюковым из часовни. На этом кладбище похоронено много известных сынов России (композитор А. Т. Гречанинов, генерал А. И. Деникин).

Имя Сергея Николаевича Падюкова заслуживает места в новой православной энциклопедии. Сорок пять храмов, принадлежащих восточным церквям, построено им: русских, греческих, ассирийских, — и не в России, не в Греции — все в Соединенных Штатах Америки. Четыре храма объявлены архитектурными достопримечательностями отдельных штатов и страны.

Судьба Падюкова сурова, как судьба века. Он родился в Бресте, в то время польском городе. Когда Брест стал советским, родителям пришлось бежать в оккупированную немцами Польшу, чтобы не совершить путешествие в Сибирь. Потом война и принудительные работы в Германии. Освобождение, учеба, диплом архитектора и эмиграция в США.

— Сергей Николаевич, как случилось, что вы построили в США больше церквей, чем построено в бывшем СССР за весь период советской власти?

— Получив диплом архитектора в Германии, я должен был в Америке сдать еще экзамен в том штате, где собирался работать. Это было нелегко, но в 1960 году я сдал его в Нью-Джерси и открыл собственное проектное бюро. Если хочешь конкурировать с американцами на их территории в любой сфере бизнеса, лучше забыть об отдыхе и экономии собственных сил. Я создал 700 проектов типовых домов на одну, две, четыре семьи. Много гостиниц, ресторанов, зданий общественного назначения.

Уже став относительно известным, я начал получать заказы на постройку и ремонт церквей. Поколение русских архитекторов, оказавшихся по разным причинам в Америке и знавших кое-что о православных храмах, к этому времени уходило. Работы было много.

— Значит ли это, что в Америке много православных?

— Судите сами. В США около 1400 православных церквей и часовен. Не у всех есть собственный причт, хотя есть и приходы — по 400—500 верующих. На Аляске, например, около 70 церквей и часовен, где можно совершать православное богослужение. Интересно, что со времен Русской Америки, 200-летие которой начинают отмечать в этом году, индейцы на Аляске все еще сохраняют православие.

— А англосаксы?

— Америка — большая страна. Есть православные приходы, на 60 процентов состоящие из американцев. Бывает, что к православию приходят американцы с семейной традицией протестантизма или католицизма. Скажем, недовольные модернистскими веяниями в их церквях, когда, например, священниками и дьяконами становятся женщины. Но это, конечно, не тенденция.

— Какие из построенных церквей вам особенно дороги?

— Которые из твоих детей... Очень трудно и интересно было восстанавливать храм, дотла уничтоженный огнем в Ситке (Аляска, остров Баранова). Для местных подрядчиков-строителей задача оказалась не по плечу. Тогда я заказал стальные конструкции в Сиэтле, собрал их на месте и завершил реставрацию, вдвое сэкономив на за-

Церковь Пресвятой Богородицы в Уотербери, штат Коннектикут. Купола изготовлены из стекловолокна в мастерской С. Н. Падюкова.

тратах против сметы. В Америке это важно. Отделка была восстановлена в точности. На колокольне металлические профили колонн точно сохраняли очертания бывших деревянных бревен и балок.

Здесь же я попробовал силы в совершенно новом деле — восстановлении колоколов, расплавленных огнем. Кстати, звонарь этой церкви — православный индеец из племени тинглит. Интересно, что один его сородич во время пожара вынес из церкви паникадило. Потом, после восстановления, его водворяли на место 5 человек. Интересным мне кажется и храм, построенный в городе Питсбурге.

— Вы автор многих технологических новинок в таком в общем-то консервативном деле, как церковное строительство.

— Я уже говорил, что конкуренция в строительном деле в Америке очень жесткая. Выжить можно, если обеспечиваешь минимум затрат и времени при высоком качестве работы. Мне пришла мысль отливать купола, а иногда и барабаны под них из стекловолокна. Купол изготавливается в мастерской и устанавливается на место обыкновенным краном. Не нужны специальные леса, каменщики высокой квалификации. Я предложил также усовершенствованную технику позолоты купола до его монтажа. У меня собственная технология изготовления литых бронзовых украшений и резьбы по дереву для украшения интерьера.

Иконостас из стекла и бронзы, изготовленный по проекту С. Н. Падюкова в его мастерской для церкви святого Фомы в г. Ровей, штат Нью-Джерси. Собор во имя архангела Михаила, восстановленный после пожара. Ситка (Аляска, остров Баранова).

— Что вас привело на родину, в Россию?

— В наибольшей степени беспокойство за судьбу русских, но также и украинцев, и белорусов, оказавшихся после распада СССР в странах, где их человеческие и гражданские права не гарантированы. Я инициатор создания правозащитной организации «Братство славян Руси». Мы намерены защищать в ООН, СБСЕ и других правозащитных и международных организациях права славянского населения. В республиках бывшего СССР кое-где возникли этнократические государства, которые в действительности отрицают принцип демократии и в административном порядке утверждают волю одной этнической группы над другой.

Я хотел бы также, чтобы на моей родине пригодились и мои профессиональные знания и умения.

Вел беседу **СЕРГЕЙ АНДРЕЕВ**

МХТ и ЭКРАН: Желябужский, Леонидов

Московский Художественный театр был всего на три года моложе синематографа, первые сеансы которого, как известно, состоялись в декабре 1895 года. И то, что исповедовали основатели МХТ К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко: естественность игры на сцене, искренность, стремление к передаче тончайших нюансов человеческих переживаний, выражающихся не только в слове, но и в пластике, в жесте, в паузе, — все это сродни самой природе кинематографа, его законам. Лучшие люди театра сделали синематограф великим искусством XX века, и на этом пути школа МХТ оказалась одной из главных.

Одна из памятных побед школы МХТ в кино — фильм «Царевич Алексей» («Петр I») — режиссерский дебют Юрия Желябужского. Мария Федоровна Андреева, мать Юрия, была известной актрисой МХТ, так что тяга Желябужского к этому коллективу, говоря современным языком, была заложена в его генах. Став кинооператором, а затем и режиссером, изучив специфику кинематографа, Желябужский пришел к убеждению, что идеи и принципы, положенные в основу системы Станиславского, важны не только для театрального искусства, но и для кино. Поэтому не случайно на роль Петра I режиссер выбрал актера МХТ Леонида Леонидова. Творческие позиции режиссера и актера оказались необыкновенно близки, и это сказалось на художественном результате*.

Фильм «Царевич Алексей» — это прежде всего Л. Леонидов в роли Петра.

Вспоминая на страницах «Киногазеты» свои первые шаги в кино, Леонидов в 1938 году писал: «Впервые играть перед объективом киноаппарата мне довелось двадцать лет назад. Уже с первых съемок я оценил огромное значение, которое имеет для театрального актера работа в кино... Она шлифует наше мастерство, повышает ответственность за роль. Мне не раз случалось убеждаться, что, только владея «системой» Станиславского, можно успешно работать в кинематографе. Работа перед объективом требует от исполнителя предельного реализма, крайней экономии, даже скупости выразительных средств, исключает всякую фальшь, всякий наигрыш. Деталь, которая в театре, лишенном крупных планов, не дошла бы до зрителя, в кино часто дает тот окончательный нюанс, который завершает образ».

Слава Леонидова — актера театра и кино — была воистину мировой. В 1956 году Чарли Чаплин, отвечая на вопрос: кто из советских актеров произвел на него большое впечатление? — сказал, что «в России много настоящих артистов», и перечислил нескольких, которые «давно уже покорили» его. Одним из первых он назвал Леонидова.

Леонидов писал: «Самое главное для меня — начало всех начал — мысль. Мысль рождает чувство, чувство дает действие, которое в свою очередь рождает мысль... Все мое внимание устремлено к мысли и к ее выражению».

Картина, к сожалению, не сохранилась, остались только фотоотпечатки ряда кадров. Тем дороже для нас свидетельства тех, кто ее видел, кто над ней работал. Оценивая образ Петра, созданный Леонидовым, корреспондент журнала

* Подробнее о Ю. А. Желябужском см. «Родина», № 5, 1992.

«Киножизнь» писал в 1922 году (когда фильм вышел на экраны): «В него веришь. Веришь, что Петр был именно таким». Один из создателей кинофирмы «Русь», где снимался «Царевич Алексей», М. Н. Алейников в своей книге «Пути советского кино и МХАТ» отмечает: «Созданный Леонидовым образ великого преобразователя земли русской запомнился как яркое выражение созидательного духа, бурных и страстных чувств, могучего темперамента.

Леонидов превосходно отразил и личную трагедию Петра, трагедию отца, который вступил в смертный конфликт с сыном, ставшим знаменем для врагов его великого дела. Сцена решающего объяснения Петра с сыном, снятая под влиянием знаменитой картины Н. Н. Ге, проведена Леонидовым с громадным актерским темпераментом и сценической выразительностью. Эта сцена по актерскому обаянию, тонкости психологического рисунка и силе философского обобщения должна быть признана крупным достижением кинематографического искусства. Здесь Леонидов поднимается в своем сценическом перевоплощении до вершин, которых он достигал только в образе Мити Карамазова на сцене Художественного театра».

Роль Ефросиньи в «Царевиче Алексее» исполнила актриса МХТ Фаина Шевченко, уже снискавшая успех на сцене в роли Грушеньки в «Братьях Карамазовых» (1915). В роли Екатерины дебютировала молодая актриса МХТ Анна Дмоховская.

В трудное время снимался фильм «Царевич Алексей». Напомним, это был 1918 год. Катастрофически не хватало пленки, почти не отапливался съемочный павильон... Но победил талант постановщика, талант актеров, победило искусство.

В 1922 году фильм вышел на международный экран и широко демонстрировался в Германии и других странах.

Ниже предлагается фрагмент из статьи недавно ушедшего из жизни известного историка кино Ромила Соболева, над которой он работал до последних дней жизни.

МАРК ВОЛОЦКИЙ,
киновед

РОМИЛ СОБОЛЕВ

«Царевич Алексей»

Л. М. Леонидов в роли Петра I. Кинофильм «Царевич Алексей» 1922 г.

В фильме «Царевич Алексей» Желябужский выступил одновременно как сценарист, режиссер и оператор (в съемках ему помогал А. Левицкий), поэтому и бесспорное, и спорное — все на его совести. Спорное начинается с названия картины: в рассказе о драме Петра I на первый план явно выдвинут антагонист, враг его дела — царевич Алексей. Так было уже в романе Д. Мережковского «Петр и Алексей», легшем в основу сценария, но и роман был не началом, а продолжением достаточно давней для части русской историографии и литературы тенденции считать, что Петр I увел Россию с предначертанного ей пути. Н. Карамзин писал: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России. Виною Петр»[1]. При таком понимании истории олицетворением «истинного пути» России оказывается, естественно, Алексей.

Вряд ли Желябужский целиком разделял такой взгляд на Петра I, но — определенно — он не считал его и однозначно прогрессивной фигурой. Юрий Андреевич приводил шутку А. Довженко: «Папочка, скажи, какой царь, кроме Петра, был еще за советскую власть?» А папа отвечает: «Александр Невский»[2]. Вместе с тем он высоко ценил то, как разносторонне и глубоко показал самобытную и контрастную личность Петра В. Ключевский, любимый его историк. Словом, отношение Желябужского к образу Петра I было противоречивым.

В этой связи стоит заметить, что у Желябужского было, говоря по-современному, два хобби: первое — давний интерес к Шекспиру, второе — неизбывная любовь к русскому искусству и русской старине. Книги о Шекспире на четырех языках он собирал всю жизнь. А любовь к русской культуре он выразил в серии научно-популярных послевоенных лент о художниках — Репине, Сурикове, Айвазовском, Крамском, Васнецове, Серове. Фильм «Царевич Алексей» был также выражением этой любви к русской старине. Но спорным для того времени сделали фильм размышления о цене прогресса, цене крови и мук людей за каждый шаг вперед. Об этом ранее размышлял и В. Ключевский, далекий от позиции Н. Карамзина. Он писал: «Чтобы защитить отечество от врагов, П(етр) опустошил его больше всякого врага»[3]. Эта же мысль, видимо, звучала и в фильме — «видимо», потому что не только фильм, но и сценарий не сохранились, и судить о нем можно по фотографиям,

сохранившимся в архиве Желябужского, и воспоминаниям некоторых участников создания фильма, которые автор этих строк успел собрать, делая в конце 50-х годов книгу о Желябужском. Фильм, надо сказать, был памятным для его участников. Художник С. Козловский, оформлявший вместе с В. Баллюзеком «Царевича Алексея», считал его в постановочном отношении крупнейшей до «Аэлиты» работой «Руси».

Можно полагать, что фильм не был прямой экранизацией романа. Мережковский трактует семейную драму Петра как трагедийное столкновение гуманности и просвещенного человеколюбия, воплощенных в Алексее, с государственной необходимостью и деспотизмом, олицетворенными Петром. От книги в картине остался интеллигентный царевич, гибнущий прежде всего потому, что ему не по силам мир, создаваемый могучим отцом, мир, может быть, и необходимый, и закономерный, но жестокий и предельно требовательный. Но при этом сам Петр в фильме отнюдь не выглядел безжалостным фанатиком, не считающимся ни с чем, даже с отцовскими чувствами, на пути поставленных целей. В ту пору каждый исторический фильм опирался на опыт исторической живописи. Желябужский решал свою картину в стиле живописи Н. Ге и Е. Лансере, позитивно освещающих образ Петра. А роль Петра поручил выдающемуся актеру Л. Леонидову, наделившему его не только силой, но и человеческим теплом.

Л. М. Леонидов в роли Мити Карамазова (инсценировка романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»).

Кадр из фильма «Царевич Алексей»

Тем не менее главный герой фильма — царевич Алексей. Желябужский объяснял это увлеченностью, загадкой, которая, безусловно, кроется во всей этой драме, в самой гибели царевича. Ведь Петр, выдирая его из австрийского убежища, явно не думал о расправе; и следствие показало, что никакой «партии» за спиной Алексея нет: казненные по его делу — единичные и второстепенные фигуры. Но эту загадку Желябужский не разгадал. Да и не в ней, думается, суть. Фильм, очевидно, можно понять, помещая его в контекст конкретной истории — той самой, что творилась во время создания «Царевича Алексея» в России 1918 года. Современный общественный катаклизм автор фильма пытается понять, обращаясь к аналогам в истории. Образ Алексея становится в какой-то степени понятен лишь в контексте судеб части русской интеллигенции после революции.

«Царевич Алексей» был напечатан для внутреннего проката всего в двух копиях, поэтому прошел както незаметно — пресса о нем крайне скудная. Но в начале 20-х годов он попал в Германию и в некоторые другие страны и имел крупный успех. Это свидетельствовало по меньшей мере о высокой постановочной культуре и зрелищности ленты. Конкуренты в Германии у «Царевича Алексея» были сильные и многочисленные. Ведь то было время бурного развития немецкого исторического фильма: один за другим выходили на экран исторические боевики Э. Любича, Д. Буховецкого, О. Рипперта, Р. Освальда, Р. Шюнцеля, А. фон Черепи и других, историзм которых часто сомнителен, но постановочный размах поражает и по сей день...

Картина Юрия Желябужского «Царевич Алексей», как и поставленные им фильмы «Коллежский регистратор», «Папиросница от Моссельпрома», «В город входить нельзя»,— памятные вехи не только в его творческой биографии, но и во всем отечественном кинематографе первых десятилетий его становления и развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н. Карамзин. Записки о древней и новой России. СПб., 1914. С. 28.
2. А. Довженко. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 4. М., 1969. С. 126.
3. В. Ключевский. Письма, дневники. М., 1969. С. 394.

Рубрику ведет
ВЛАДИМИР НИКИТИН,
кандидат исторических наук

СИБИРСКАЯ ХРОНИКА

В поисках экономического возрождения России мы все чаще обращаемся к столыпинской реформе. Как известно, одним из главных ее направлений было переселение крестьян из центральных губерний России за Урал. Координировало миграционные процессы Главное переселенческое управление при Министерстве земледелия и государственных имуществ. К работе были привлечены специалисты самых разных областей. Географы и ботаники отправлялись на поиск территорий, наиболее удобных для проживания, почвоведы делали необходимые анализы земель, проектировщики разрабатывали планы строительства дорог и мостов...

На помощь изыскателям пришла фотография — вся экспедиционная деятельность подробно документировалась. Часть этих фондов сохранилась. Конечно, большинство снимков носит чисто утилитарный характер и интересно лишь узкому кругу исследователей, но некоторые работы этой коллекции имеют несомненное художественное и историческое значение.

Публикуемые снимки выполнены в начале века (1908—1913) русским ученым Борисом Николаевичем Клопотовым, участником многих экспедиций Главного переселенческого управления. Бо-

таник по профессии, он интересовался историей и этнографией, литературой, живописью, был страстным коллекционером и превосходным фотографом.

В 1910—1913 годах Борис Николаевич работал в Нарымском крае. Именно там были сделаны многие его снимки этнографического характера. Он оставил прекрасную галерею портретов проживавших в тех местах остяков-самоедов, картины их быта и обычаев. Впоследствии Клопотов передал эти негативы во вновь созданный этнографический отдел Русского музея, о чем свидетельствует сохранившееся в архиве письмо: «Милостивый Государь Борис Николаевич. Совет Этнографического Отдела Русского Музея Императора Александра III-го в заседании 29-го февраля 1916 года постановил выразить Вам глубокую благодарность за пожертвование фотографических негативов и амулета из Нарымского края».

Ученым были собраны коллекции игрушек, музыкальных инструментов, талисманов, предметов быта, которые он также передал в Русский музей, за что был награжден памятной серебряной медалью.

Во время экспедиции в Кузнецкий Алатау ему удалось отыс-

кать и репродуцировать интересный документ о первом браке Ф. М. Достоевского. Это «Обыск брачный», что соответствует современному «Свидетельству о браке». Сфотографировал он также и домик в Кузнецке, где жил ссыльный писатель (снимок публикуется впервые).

Клопотов собрал великолепную коллекцию экслибрисов и издательских знаков, которая ныне хранится в Публичной библиотеке Петербурга. Еще одним увлечением ученого было изучение творчества русского художника П. А. Федотова. Он разыскал несколько неизвестных его картин, принимал участие в организации выставок художника, написал подробное исследование о его жизни и творчестве.

В 1916 году ученый был мобилизован в армию и занимался организацией сбора лекарственных растений для нужд госпиталей.

Потомственный дворянин, Борис Николаевич Клопотов чудом избежал ареста и лагерей, но и его не миновали гонения, из-за которых он вынужден был оставить работу в Ботаническом институте. Умер ученый в блокадном Ленинграде 27 января 1942 года.

ЕВГЕНИЙ МОХОВ

Борис Николаевич Клопотов

Сдано в набор 06.04.93. Подписано к печати 27.05.93. Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 100 000 экз. Заказ № 568 Цена в розницу — договорная, 50 руб. по подписке.
Адрес редакции: 121877, Москва, проспект Новый Арбат, д. 19. Телефон: 203-60-25.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291.

ВИЗИТ АНГЛИЙСКОГО КОЛЛЕГИ

В мае нашу редакцию посетил главный редактор британского журнала «History Today» («История сегодня») Гордон Марсден. Как и «Родина», журнал «History Today» является единственным популярным историческим изданием на территории Соединенного Королевства. С Гордоном Марсденом мы договорились о совместном сотрудничестве и в ближайших номерах «Родины» надеемся познакомить наших читателей с оригинальными материалами британских коллег.

Желаю журналу «Родина», его сотрудникам и читателям дальнейших успехов в разъяснении и освещении событий русской истории в ее взаимоотношениях с миром. Английские историки и журнал «History Today» рады началу сотрудничества с «Родиной» — чему и служит мой визит к вам — на благо укрепления понимания и дружбы между нашими странами.

Гордон Марсден

I wish for Rodina and all its staff and readers great success in the future in its work of explaining and enlightening Russian history and its relationship in the world. British historians and History Today is delighted to be beginning co-operation with Rodina to strengthen understanding and friendship between our two countries — a process begun by my visit here.

Gordon Marsden

